

Городчиков Илья

КОРОЛЬ-НАЕМНИК
КРОВЬ ЛАРИНГИИ

Герой безынтересного прошлого оживает в теле неизвестного наёмника с целью познать новый мир и завоевать в нём беспрецедентную славу лучшего полководца. Мир, где короли бросают на поля боя десятки тысяч солдат ради крупицы власти, мир, где религиозные ордена и богатые дома знати ведут теневые игры, а толпы сектантов хотят уничтожить жизнь — вступать в игру смертельно опасно. Но, раз волею судьбы и нокаута в поединке ты появился здесь, почему бы не воспользоваться возможностью стать величайшим полководцем которого знал этот мир?

Король-Наёмник. Кровь Ларингии

Пролог

Огромный спортивный зал был погружён в вечернюю тьму. Высокие окна затянуты плотными тёмными шторами, не пропускающими даже лучи, отражённые луной, из-за чего внутри не было видно ничего на расстоянии указательного пальца.

Протянув руку к стене и касаясь той кончиками пальцев, я привычно шёл по залу, слушая удары тяжёлых ботинок по добротным приколоченным половицам. Дойдя до угла, щёлкнул по выключателю и зал озарился светом ярких люминесцентных ламп, открывая взору его наполнение.

Посреди старого зала стоял привычный многим спортсменам ринг, у стен стояли набитые ватой мишени, а также ростовые манекены, деревянные полки, какие-то щиты и многое другое. Если сюда войдёт случайный человек, то сильно удивится, но всё было достаточно просто. Этот тренировочный зал принадлежал одному из столичных клубов исторического средневекового боя. К большому сожалению, помещение было не в самом лучшем состоянии, хоть и поддерживалось силами участников клуба, но и увлечение их было нишевым, а материальных средств, кроме как личных денег, у бойцов не было.

Я, как обычно, появился первым, опустил у входа в раздевалку свою спортивную сумку, звякнувшую наполнением, и принялся за расстановку снаряжения для будущей тренировки. Через пол часа всё было уже готово, и я похлопал сам себе, очищая ладони от налетевшей пыли. В этот момент и начали подтягиваться остальные члены клуба.

— Вадя, ты как всегда первый! И не влом тебе каждый раз на полчаса. — восхитился один из только что вошедших в зал людей.

Это был Антон. Давний мой друг, который, собственно, и завлёк меня в этот непривычный клуб, забрав прямоком с ринга смешанных единоборств. Хотя, это только помогало в боях на выступлениях, ведь в нашей дисциплине были разрешены бойцовские приёмы.

— Надо же кому-то расставлять всё. Иначе мы ещё больше от тренировки времени потратим. — резонно заметил я, смотря на улыбающееся лицо друга, — Сегодня в полном снаряжении бьёмся? До соревнований три недели, а мы подраслабились как-то.

— Это точно. — пробасил рядом недовольный голос.

Бас принадлежал Ярославу Александровичу. Это был воистину большой мужик, который не смотря на свой почтенный возраст, больше напоминал шкаф, чем человека: два метра ростом, чуть меньше в плечах и длинная, уже тронутая сединой борода, делали его похожим на старого богатыря из былин. Потому-то, за спиной, его и называли Святогором. Он начинал быть реконструктором ещё в девяностых годах, а потом переместился ближе к контактному бою. Да и знаниями о средневековой манере боя различных народов, обладал обширными, из-за чего и вёл крайне интересные лекции, на которых я частенько засиживался. Потому-то Александрович и стал основателем нашего клуба и по совместительству тренером всех его членов.

— Вы два наших самых способных бойца, а похожи на тюфяки. — добавил Святогор, оглаживая свою красивую бороду, — Так что на разминку и бегом на ринг.

Тренировка для членов клуба ничем не отличалась от любого другого единоборства. Здесь не было практически никаких специфических упражнений, хотя по большей части,

были направлены на развитие выносливости. Всё же, довольно сложно долго сражаться в полном облачении, если ты теряешь дыхание от всего нескольких кругов по залу.

Наконец, разминка была окончена и нужно было приступить к полноценному бою. Но до этого было ещё долго. Для начала нужно было хотя бы надеть всё снаряжение, а это было делом не быстрым. Я всегда любил историю средневековой Руси, а потому и выбрал для себя доспех именно нашей культуры. Скинув с ног кроссовки, расстегнул свою большую сумку, вытаскивая оттуда один за другим элементы снаряжения. Сняв спортивные штаны, я надел более аутентичные широкие штаны, затем толстую стёганную куртку до колен. Завязав с помощью тренера тесьму на спине, сел на скамью и всунул ноги в высокие кожаные сапоги с стальными вставками в передней их части. Затем уже последовала накидка и тяжёлый чешуйчатый панцирь и юбка, с начищенными до блеска чешуйками. Наручи на пару с рукавицами почти дополнили образ мой образ новгородского дружинника.

Видя, что мой товарищ и соперник сильно отстал в процессе одевания, я встал и подошёл к высокому зеркалу, смотря на своё отражение. Пред мною предстал высокий молодой человек с копной вьющихся ниспадающих волос пшеничного цвета. Лицо отражения было довольно узким и с точеными чертами, среди которых, особенно выделялись скулы, а голубые глаза блестели под тонкими бровями. Не будь позади современного здания, то можно было бы принять отражение за средневекового богатого дружинника на службе какого-то князя.

— Ты любоваться собой пришёл?! — окликнул меня Антон, бренча снаряжением.

Оказалось, что товарищ уже надел на себя доспех и пританцовывал на ринге, крутя в кисти устрашающего вида прямой меч. Надев подшлемник, а затем и остроконечный шлем, я также взбежал на ринг по приставной лестнице. Тренер передал мне щит и изогнутую саблю, после чего изготовился к бою, смотря на своего нынешнего оппонента.

Антон, в отличии от меня, всегда тяготел больше к западной культуре, а потому взял себе снаряжение, характерное для французского рыцаря, а на своём сюрко изобразил золотые лилии на синем полотне. Получалось столкновение французского рыцаря и русского дружинника. Такая встреча вряд ли могла бы произойти в истории, но на ринге могло быть всё. Тут иной раз могли столкнуться рыцари с американскими флагами и самураи с гербом Бурятии.

Оглушительно заверещал свисток, режущих уши даже через мягкий подшлемник, и Антон рванулся в атаку. Он всегда в начале боя пёр словно танк, стараясь задавить своей яростью оппонента. И, надо сказать, с менее опытными бойцами, эта стратегия успешно работала. Те, кто были не так давно на ринге, быстро отступали, стараясь отмахиваться щитом, но Антон просто сбивал открывшихся врагов и добивал их в лежачем положении множественными ударами по шлему.

Но я слишком часто спарринговал с другом и уже научился противостоять его напору. Наиболее эффективно было просто начинать кружить вокруг него, разбивая защиту «француза» быстрыми рубящими ударами, для которых была так удобна моя сабля. Из-за этого Антону постоянно приходилось закрываться щитом, чтобы не получить тяжёлые попадания прямо по шлему, изредка огрызаясь широкими рубящими ударами, которые почти не достигали моего каплевидного щита.

Выходила патовая ситуация: Антон активно защищался, а я не мог увеличить свой напор, понимая опасность от своего противника. Антон, не смотря на антропометрические уступки по сравнению с мной, был низким, но очень крепким, из-за чего каждый удар, был

крайне силён и подставлять под него даже крепкий шлем не хотелось.

Но нужно было что-то решать. Можно было часами так кружиться по рингу, отбрасывая немногочисленные удары, не наносящих особого урона. Однако на ринг мы выходим не просто покрасоваться своим снаряжением, а за победой, желательно яркой. Да так, чтобы слышно были ликование толпы.

Я решил действовать. Шагнув в бок, я сосредоточил все свои силы и ударил ногой в щит Антона. Удар вышел знатным: оппонент отшатнулся, отводя треугольный щит в сторону и открываясь для удара. Я рубанул саблей наотмашь, угадив куда-то в висок бациента друга. Попадание оказалось очень хорошим. Антон, похоже оглушённый, потряс головой, пытаясь вернуться в реальность.

Почувяв слабость оппонента, я рванулся вперёд, зная, что на ринге мы перестаем быть друзьями. Нужен был всего один точный удар, и это было прекрасно понятно. Занеся руку с саблей, я ударил в открывшуюся голову оппонента, желая отправить его отдыхать на канвас. Вот только, кулак, затянутый в латную рукавицу, просвистел мимо, не достигнув цели. Антон смог увернуться и по инерции я просто налетел на канаты грудью, уже понимая свою ошибку. Мне едва удалось развернуться и ужаснейший удар щита в забрало, отправил меня во тьму.

Глава 1. Пробуждение

Нокауты в таком поединке, как и в любом другом боевом виде спорта, были делом довольно частым, хоть и крайне неприятным. Такие падения здоровья не прибавляли, но и подобного выброса адреналина в мирной жизни было найти сложно, а потому бойцы раз за разом выходили на ринг, находя в этом изощренное удовольствие и выплёскивая так свои накопившиеся эмоции.

Я с великим усилием раскрыл глаза, видя перед собой изрядно примятую траву. Похоже, что меня вытянули на улицу, оставив подышать свежим воздухом. Но почему не перевернули на спину? Я чуть было не клюнул носом в землю, если бы не какая-то палка, в которую вцепился пятернёй до побеления пальцев. Голова неистово болела и глаза раскрывались с великим трудом. Я глубоко дышал, стараясь прийти в себя, до сих пор опираясь на палку.

— Жак, приди в себя!

Крик был оглушительным, и я был готов поклясться, что голова натурально от него раскололась, но через пару мгновений, наваждение спало и я резко выпрямился, остервенело вертя головой по сторонам.

Оказалось, что я стоял в неровном строю разношёрстных бойцов. Почти все они держались в плохом подобии «стены щитов» и, со страхом в глазах, смотрели куда-то вперёд, сжимая руками тяжёлые копья.

Отряд стоял на небольшом, поросшем низкой и жёсткой травой, холме. А в низине перед холмом, скучковалось несколько здоровенных тел. Я не поверил своим глазам и до рези в них вгляделся в людей... Нет. Не людей. Это были большие существа с канатами бугрящихся мышц под блестящей на солнце зелёной кожи. Одеты они были в плохо обработанные шкуры и потрясали своим оружием, больше похожим на плохо откованные ржавые железки. Даже здесь от них тянуло скверным запахом болота, гнилого сырого мяса и пепла.

Интересный сон...

Я осмотрелся ещё раз, но намного внимательнее. Холм, на котором встала «стена щитов», с правой стороны оканчивалась крутым обрывом, а спуск сзади зарос мелким кустарником. В моём отряде была дюжина человек, выстроившихся в одну жиденькую линию. Не сказать, чтобы они были похожи на профессиональных бойцов и смахивали больше на какое-то ополчение, а потому, существа в низине внушали опасения и даже страх. Наконец, я обратил внимание и на себя. Из одежды на мне была синяя туника с широкими штанами и короткими остроносими ботинками из грубой кожи. Опирался я на пехотное копьё, более известно под именем «кабанье», а левая рука была просунута в ремни потрёпанного круглого щита, обтянутого по краю толстой кожаной полосой.

С копьями я обращался не так хорошо, как с саблей, но тренировки никогда не пропускал, а потому навыки всё же имел. Встав в стойку, я приготовился к бою. Шестёрка зеленокожих, похоже, наконец решилась на атаку и огласила лес утробным рыком нескольких пастей.

Монстры разогнались, не теряя, казалось, скорости, даже взбегая на холм. Удар оказался тяжёлым. Монстры влетели своими телами в щиты, не обращая внимания на острия копий и мгновенно рассеяли строй, разметав отряд по холму. Хоть людей и было больше, но теперь ситуация становилась сложнее.

Зеленокожий наотмашь ударил меня в щит, из-за чего я пробороzdил ногами землю, но так и не упал. Рука загудела, но опускать щита было нельзя. Оружие монстров хоть и было неказистым, но получить таким дрыном по незащищённому телу было страшно и вполне возможно, что чревато потерей конечности или вовсе жизни.

Один из монстров заметил оставшегося на ногах меня и шагнул в мою сторону, оскаливаясь своими острыми зубами. С его крупной квадратной челюсти падала пена, а зрачки в глубоко утопленных в череп глазах, безумно метались из стороны в сторону. Он прыгнул в мою сторону, заноса над головой свой страшный тесак. Рука его в сильнее обвилась мышцами, из-за чего напоминала страшный зелёный канат.

Я шагнул в сторону, пропуская удар рядом. Клинок монстра глубоко вошёл в землю почти по рукоять, но он легко вытянул его, вновь бросаясь в атаку. Существо наносило широкие и мощные удары, заставляя меня изрядно попотеть, уворачиваясь от них. Я быстро двигался по холму, пытаюсь выискать удобный момент для ответа, вот только монстр бил слишком быстро, превращаясь в зелёную мясорубку. Вот только постоянно кружится по холму было нельзя. Силы медленно покидали меня, а значит, что скоро уже будет поздно. Очередной удар я принял на умбон, отведя клинок в сторону, и контратаковал, пронзив круглое плечо монстра. Конечность зеленокожего повисла плетью, но тот лишь спокойно перебросил тесак в здоровую руку и вновь атаковал. Щит выдержал ещё два удара, а потом разлетелся в щепки. Меня охватила паника, а монстр, почуяв вкус крови, стал наседать с удвоенной силой.

Я постоянно отскакивал, уворачиваясь от размашистых ударов. Полный ярости монстр вновь прыгнул, желая срубить верткому человеку голову быстрым ударом. Уклониться я уже не успевал и схватился за древко копья двумя руками. Как будто в замедленном времени он видел, как на него летит это существо, правая часть тела которого была залита кровью. Видел его широкую пасть с огромными, будто скалы, клыками и облака пены, падающей на землю.

Короткий удар, в который легли все силы и остриё копья входит в челюсть монстра. Я был готов поклясться, что слышал, как с чавканьем пронзается язык, а затем и хруст проламывающегося снизу черепа. Существо умерло практически мгновенно, но по инерции его много килограммовое тело врезалось в меня, сбивая вниз по холму.

Мы покатались вместе вниз по склону, собирая спинами камни и острые ветки. Боль пронзала всё тело, а картинка перед глазами превратилась в сплошной калейдоскоп из земли и неба, быстро сменяющих друг друга. Наконец, удар вогнал меня во тьму.

Солнце, бывшее в зените, ярко светило, пробивая даже плотно сжатые веки. Я раскрыл глаза, чувствуя, как саднит лицо и болит бок. С трудом поднявшись на ноги, я закашлялся и осмотрелся. Он стоял на берегу неглубокой речки, бывшая в глубину по горло парню. Текла она у подножья холма, с которого, похоже, и свалился я сам. А я ли... Как там кричали? Жак? Среди знакомых моих людей с таким именем не было даже близко. К тому же, в принципе, на территории всей России найти хотя бы тысячу носителей этого французского имени будет сложно. Да и боль была вполне реальной, не похожей на любые «травмы» в ночных грёзах.

Сложив «два плюс два», я уверенно зашагал к воде. Встав у неё на колени, я посмотрел на своё мутное отражение. Хотя, не совсем своё... Не было ни пшеничных волос, ни тонкого лица, ни голубых глаз. Теперь на него смотрел человек почти с прямоугольной головой, широким лбом, крупным носом, тёмными волосами и короткой бородой, обрамлявшей

нижнюю часть головы.

Увидев своё новое отражение, я рухнул на спину, зашипев от отозвавшейся в рёбрах. Голова опять заболела. Непонятно, то ли от разрывающей её мыслей, то ли от множественных ударов при падении. Как бы то не было, но я теперь мало что понимал.

Меня же недавно вырубил на ринге Антон своим ударом. Я упал на канвас и... Умер? Нет! Нет-нет-нет! Как говорил один думный француз: «Я мыслю — следовательно существую». А я мыслил, и делал это очень живо, да и боль была вполне как ощущаема. Может всё-таки мёртв? Просто не бывает таких монстров в нашем мире! Кстати, а где он?

Я обернулся, рыская взглядом по берегу и наткнулся взглядом на что-то зелёное, лежащее в кустах. Идти к этому монстру, помня его силу, ой как не хотелось, но сделать это было нужно. Подобрал с земли крупный камень, я медленно пошёл к кустам, в любой момент готовясь ударить и бросится наутёк. Подойдя к кустам, он осторожно раздвинул ветвистые кусты и посмотрел на лежащее за ними тело. На земле, весь залитый густой тёмной кровью, лежал монстр с пробитой насквозь головой. Конец копья выглядывал из его макушки, покрытой твёрдыми кожаными наростами. И только сейчас меня осенило — это орк. Самый натуральный орк из фэнтезийных книжек и компьютерных игр. Большой, высокий, мускулистый, зелёный и свирепый — всё сходится.

По спине моей ордой пробежали мурашки. Если в этом мире, чистилище или куда я там попал, табунами ходят такие уроды, то жить здесь будет очень трудно. Этого-то завалить удалось лишь чудом, да и то благодаря тренировкам. Я посмотрел на относительно чистый от крови торс орка и не обнаружил там ни единого шрама или незажившей раны. Похоже, был он ещё молодым и неопытным, но даже так был очень опасен.

Большим счастьем было то, что копье не сломалось и сейчас продолжало торчать из подбородка орка. Я рывком выдернул оружие из раны мёртвого врага и обтёр острие о траву. Радовало то, что в руках моих было именно целое кабанье копье. Не будь здесь упора и вряд ли получилось бы вернуть копье обратно.

Что делать дальше? Идей не было. Мало того, что я вообще не знал этого мира, так и провианта вместе с водой просто не было. Единственное, что было при мне, так это изрядно потрёпанная жизнью одежда и копье. Не сказать, что плохо, но могло быть и лучше.

Ситуация была странной и можно сказать даже фантастичной. Но самым худший вариант — это было оставаться на одном месте. Раздумывать можно было часами, но через несколько часов может стемнеть и выживание моё будет под ещё большим вопросом.

Я поднял голову вверх, смотря на склон с кустами, с которого он слетел. Сколько времени прошло? Чем закончилась битва? Неизвестно. Но был шанс, что хоть кто-то выжил или, хотя бы, остались полезные вещи.

Повесив копье ремнём за спину и, стал медленно взбираться вверх, выискивая крепкие кусты и уступы, чтобы не упасть вниз в очередной раз. Оказалось, что холм был довольно высоким и его покорение отняло изрядно сил. Поднявшись наверх, я увидел страшную картину.

Поляна на вершине холма больше напоминала мясницкую. Нельзя было сделать и шагу, чтобы не вступить в лужу крови или человеческие органы. Один человек был пригвождён копьем к стволу толстого дерева, второй лежал на земле, разрубленный мощными ударами. Конечности были отдельно от туловища, а голова насажена на длинную палку. Это были единственные тела, что были хотя бы отдалённо целыми. Остальные же были изъедены, разорваны и рассечены на множество частей.

Я резко согнулся, извергая из себя всю еду, что съело моё тело утром. От вида этой кровавой бани хотелось как можно быстрее сбежать, но отсюда было видно округу, да и трупы могли содержать хоть какие-то полезные вещи. Преодолевая отвращение и многочисленные рвотные позывы, я шагнул вперёд, пригибаясь от невидимого наблюдателя. Подойдя к трупу на дереве, посмотрел в его искажённое ужасом лицо. А затем перевёл взгляд ниже. Похоже, он был одним из самых богатых наёмников, так как его грудь была защищена чешуйчатым кожаным панцирем, но даже он не спас от глубокой раны, перечеркнувшей его живот и копья в груди. На его поясе он обнаружил обвитые кожей деревянные ножны, которые аккуратно снял, а затем срезал и небольшой кошель, висевший за пазухой бойца. Оттерев ладони от крови травой, я развязал тесьму кошелька, заглядывая в его тканое нутро. Внутри оказалось несколько монет, размером чуть больше ногтя большого пальца, а толщиной в пару миллиметров. На свету они оказались сделанными из серебра.

Неизвестно, какое здесь положение с экономикой, но полтора десятка серебрянных монет создавали ощущение мнимой стабильности. Повесив мошну на свой кушак, я выпрямился и посмотрел по сторонам, пытаясь понять, где вообще оказался. Для начала надо было хотя бы найти место для ночлега, а потом можно было погрузиться в мысли. Хотя, не стоило отменять, что это всего-то глубокий сон.

Повертевшись по сторонам, я заметил тонкий столбик дыма, тянущийся в небо. Глазомер у меня был не самый лучший, но по весьма примерным прикидкам, до него было не меньше десятка километров. Для пожарища столб был слишком тонким и сизым. Внутри выжившего меня затеплилась надежда на тёплый кров и краюху свежего хлеба с кувшином воды или лёгкого вина.

Делать было нечего, и я стал медленно спускаться с покатога склона холма, стараясь не переломать ноги о многочисленные рытвины. Был большой шанс заблудиться в окрестных лесах, но я понадеялся на логику и пошёл по берегу реки, стараясь не сбиваться с заложенного в памяти ориентира.

Двигаться в непривычных башмаках было не очень приятно. Да, на различных фестивалях ему уже приходилось носить аутентичную обувь, но марш-бросков по лесу в них никто не совершал. Хотя, я отметил, что тело мне досталось крепкое и достаточно выносливое, позволяющее сохранять высокий темп ходьбы.

После нескольких часов движения по галечному берегу речки, я наконец подобрался к поселению. Стояло оно на достаточно большой равнине и состояло из двадцати бревенчатых домов с застеленными сеном крышами. Встали они по бокам одной длинной улицы, где могли разъехаться две телеги. В небольшом отдалении от деревушки растянулось поле, колоски которого отблёскивали золотом в лучах заходящего солнца. Похоже, сейчас было самое время для жатвы, поскольку там было множество согбённых крестьянских спинов, обрабатывающих землю и кучи свежей соломы, сбросанной в одну большую кучу.

Никакого охранения по краям нивы я не заметил, что его не мало насторожило ввиду не так далеко произошедшей резни. Но даже так, я сильно опасался приближаться к селению. К чужакам относятся не всегда доброжелательно даже в его времени. Хотя, какое сейчас время его? Но о этом потом. Если в прогрессивном обществе на таких «варягов» смотрят косо, то здесь вполне могли посадить на вилы просто за слегка иной говор. Ни умения, ни крепкий доспех или ладный булат, не спасёт одинокого воина от десятка злых крестьян с тяжёлыми дрынами. Особенно, если эти крестьяне достаточно дисциплинированы для того, чтобы удержать строй после первой атаки. Швейцарцы в своё время это очень эффективно

доказывали.

И всё же, недовольно урчащий живот и пересохшее горло, выгнали меня из кустов у деревни. Опираясь на копьё, я осторожно подошёл к первому из домов. Крестьяне на поле увидели меня за несколько метров до забора первого дома, и троица крепких мужиков направилась ко мне, держа в руках острые серпы, а один и вовсе держал на плече увесистую дубину. Не самые гостеприимные ребята, но с точки зрения личной безопасности поступали правильно. К заляпанному кровью и грязью вооружённому человеку выходить с распростёртыми объятиями мало бы кто захотел.

— Кто такой? — задал вопрос вооружённый дубиной крестьянин, остановившись на достаточно почтенном расстоянии.

Я на момент замер. Человек говорил далеко не на русском языке, но мне было его прекрасно понятно. В голосе земледельца звучали больше какие-то французике нотки, а я никогда не знал этого романского языка. Чудеса, да и только...

Простой, в общем-то вопрос, но меня он поставил в тупик. Действительно, кто я? Солдат, ополченец, наёмник, бандит? Непонятно. Судя по моему отряду, я вполне может подходить к любому из вариантов. Даже бандиты вполне могли освоить «стену щитов». Вооружённый дубиной прищурилось и напрягся, ощущая затянувшуюся паузу. Нужно было срочно отвечать.

— Наёмник. Мой отряд разбили зеленокожие.

Сам не ожидая от себя, я ответил на местном языке, хотя мыслил точно на русском. В глазах же встретивших его крестьян отчётливо забрезжил страх. Они переглянулись меж собой и с недоверием вперились взглядом в неизвестного им пришельца.

— А ты откуда будешь? — спросил всё тот же крепкий крестьянин.

— Не помню. С холма какого-то упал и головой ударился.

Глава 2. Переход

Меня троица проводила в единственный в деревне двухэтажный дом, возвышающийся над остальными двускатной, покрытой рыжей черепицей крышей. Этот дом был единственным в деревне, кто имел обложенный камнем первый этаж. Похоже, что это был местный трактир и сейчас я сидел за грубо сколоченным столом вместе с двумя немолодыми мужчинами, поедая остывший пирог с грибами, запивая его разбавленным вином.

Одним из них был местный староста деревни. Он невысоким и шуплым, с дряблой кожей и активно лысеющей головой на пару с козлиной бородкой. Одет он был в чистую холщовую рубаху с кожаной жилеткой поверх неё, да в шерстяные штаны.

Второй же выглядел куда как опаснее, но и был моложе, хоть и не сильно. Широкое круглое лицо с кустистыми, ещё тёмными бровями, и выбритой головой. Не смотря на жир, постигший его тело, выглядел достаточно крепким и наверняка заборол бы нынешнего меня на руках. Он же был одет как рядовой крестьянин, но держал в ножнах широкий тесак. Можно было бы спокойно его принять за деревенского мясника, если бы не грубый шрам, перечеркнувший его лицо от брови вплоть до верхней губы, перекосившейся от раны.

— Зеленокожие говоришь? — задумчиво протянул «мясник», — Гоблины или орки?

— Здоровые больно для гоблинов. — ответил я, жадно глотая большой кусок пирога, — Я шестерых заметил. Осталось пять.

— Почему пять? — прищурился всё тот же мужик.

— Одного смог убить. Чистая удача.

— Даже пять — это слишком много. Нужно к хозяину за помощью посылать. — проговорил староста, сцепив худые пальцы.

— Прав ты, Жозеф. — покивал головой «мясник», прикладываясь к деревянному краю кружки, наполненной кислым пивом, — Мы даже если всех мужиков с деревни соберём, то нас не хватит. Даже пятёрка молодняка орочьего нас раскидает. Вот только отправит к нам граф солдат?

— Поль, у нас есть другие варианты? — староста посмотрел в единственный оставшийся глаз ветерана, — Вы где столкнулись с ними?

Поняв, что вопрос обращён ко мне, я на несколько мгновений задумался, а затем выдал, — Какой-то холм у реки. От него к против течения реки идти километров десять до деревни. — поняв, что собеседники меня не понимают, я перефразировал свой ответ, — Мне два с половиной часа понадобилось.

— Значит туазов пять. Зеленокожие за час до нас доберутся. — поцокал языком староста, — Но в ночи выезжать нельзя. Надо молиться святой Югане. Она в эту ночь спасёт нас. Завтра с первыми лучами отправляйтесь в город за подмогой. — староста посмотрел на Поля, — Ну, а пока скажи всем, чтобы сегодня сидели по домам. Да будет спокойна эта ночь! — староста сложил руки в молитвенном жесте и посмотрел в потолок.

Вооружённый человек вышел из таверны, а молодая помощница отвела меня в одну из четырёх коморок, что именовались здесь комнатами. Я сел на сколоченную кровать, накрытую свежим сеном, поставив копьё рядом со стеной и задумался. Сна как не бывало и мысли вели активное наступление на мой разум, и я постарался их мало-мальски структурировать.

Что это за мир? Незвестно. Что это за тело? Какого-то местного жителя по имени Жак.

И похоже, что знания Жака как-то соединились с моими, Владом, знаниями. Никак иначе я не мог объяснить, почему понимал и говорил на этом, похожем на французском языке. Похоже, что в этом мире есть не только одна разумная раса людей, а ещё и зеленокожих, да и те делятся на гоблинов и орков. Очень неприятные противники, что против пяти монстров нужно войско графа. А вот само наличие титула графа прямо говорит о здешнем феодализме, а точнее о его наличии. Но каков тут уровень развития? Судя по оружию — высокое Средневековье, но даже староста захудалой деревни знает понятие часа, а значит часы здесь намного более распространены. Точно! Здесь есть какая-то святая Югана. Кто это такая тоже непонятно.

Н-да... Не так много полезной информации. Хотя, до сих пор не стоит отметить, что это просто очень проработанный мозгом сон. Может я сейчас усну здесь и проснусь, где ни будь в медицинской палате с перевязанной после удара головой. А если нет? Что тогда? Фантастика, но тогда я потеряю свою старую жизнь, друзей и хорошее рабочее место. Там я жил не самой яркой, но спокойной и интересной жизнью, зарабатывая своими навыками, но не знал своих планов на жизнь. Родителей у меня давно уже не было, а бабушка, которая меня вырастила, умерла пару лет назад у меня же на руках. Страшнее всего было бы потерять уже старого, но безмерно любимого пса Буса. Что с ним будет дальше? Я надеюсь, что друзья не бросят моего старого друга.

Неожиданно я заметил, что не так уж и сильно расстроен мыслью о своём переходе. В том мире я мог претендовать максимум на звание главного админа в какой-либо компании. Для многих это было мечтой, но здесь, в новом мире, перспективы были куда как больше. Следующий день решит многое. Главное, не напороться на большие проблемы.

Я стянул с ног свои ботинки и с удовольствием лёг. Короткий, но яростный бой и не такой длительный переход по пересечённой местности отняли изрядно сил, а потому хотелось просто растянуться в горизонтальной плоскости. Вскорости, сон сам накрыл меня, отправляя в темноту.

На следующее утро будили меня нещадно. Чья-то крепкая рука активно трясла меня за плечо, грубо вытаскивая из царства снов. Я раскрыл глаза, но сверху был не чистый больничный белый потолок, а всё те же деревянные перекрытия крыши трактира. Оказалось, что рядом стоял Поль, протягивающий мне новую тунику. Я свесил ноги с края кровати, а затем и встал на них, принимая подарок.

— Одевайся. Завтракаем и в путь.

Я ответил лишь несколькими медленными кивками, приходя в себя. Сняв с себя разодранную старую одежду, натянул новую тунику, почувствовав на теле свежую льняную ткань. Подпоясавшись, я подхватил своё копьё и спустился вниз. Там меня ожидал Поль, поедающий какую-то кашу и сонный трактирщик, дремлющий за своей стойкой. Сев рядом с «мясником», я тут же получил в руки выточенную деревянную миску, полную едва тёплой пшеничной кашей. Живот сразу же заурчал, и я схватился за ложку, активно ею работая. Ложка за ложкой отправлялась в рот, из-за чего каша стремительно исчезала. Как только последние остатки каши закончились, то Поль посмотрел на меня.

— Наёмник, ты хоть на коне держаться умеешь?

— Да.

Я не соврал. Именно держаться на спине лошади у меня получалось и даже не так уж и плохо. Всё-таки, реконструировать русского дружинника и не уметь при этом быть на коне — просто невозможно. Но всё же, перейти на галоп для меня было равносильно смерти.

— Тогда давай за мной. Копьё не забудь.

Подобрав копьё, я последовал за Полем во двор таверны. Там стояли две уже осёдланных лошади, нервно переступающих с ноги на ногу в ожидании пути. Поль отвязал одну из них и за поводья подвёл ко мне. Лошадь была невысокой и с хорошим, плотным гнедым окрасом. На её крупе висели кожаные седельные сумки, полные каких-то вещей. Она внимательно смотрела на меня своими умными коричневыми глазами. Потрепав лошадь по шее и почесав ей за ухом, я вставил ногу в стремя и довольно сноровисто запрыгнул в седло. Копьё удалось приторочить к седлу, хоть и вытащить быстро его будет проблематично. Поль не отставал от меня и тоже уже был в седле своего пятнистого коня, правя того на выход. Мясник отсалютовал стоящему в дверях сонному трактирщику, и мы обогнули дом, выезжая на пыльную дорогу.

Какое-то время мы ехали в тишине, слушая музыку окружающей нас природы. Пели свои мелодичные трели птицы, радующиеся восходу солнца, шуршали листья деревьев от поднявшегося ветерка и изредка фыркали лошади под нами. Я просто подставил лицо солнцу, смотря на мир через полуоткрытые веки, укачиваемый размеренными шагами лошади. Вот только, время зазря терять не хотелось. Раз уж придётся жить в этом мире, то нужно занять как можно больше информации. Тем более, где-то надо будет найти применение для своих навыков.

— Поль, а кто граф у вас здесь?

— А ты не знаешь? — в недоумении поднял бровь мой попугчик.

— Нет.

— Понятно, наёмник. — Поль почесал щёку, из которой лезла седеющая щетина, — Марель де Терзит. Он только недавно место своего отца занял, так что мало чего умеет, но парнишка амбициозный. К тому же, местные дворяне его не сильно любят. Его род из новой аристократии, а старые рода считают, что земли достались Терзитам не по знатности и заслугам.

— А в графстве как дела вообще обстоят?

— Как бы тебе сказать... — Поль пожевал свои толстые губы, — Для таких как ты здесь работа всегда найдется. Разбойники на дорогах снуют, охраны в гарнизонах не хватает, да и зеленокожие попёрли. Так что будет тебе чем заняться.

— А ты откуда все знаешь?

— Я командиром ворот в графской столице был не один десяток лет. А через ворота, сам понимаешь, много люда разного идёт, так что и разговоров послушать довелось разных. Оттуда и знаю всё.

— Большую жизнь прожил? — ухмыльнулся я, смотря на потрепанные гамбенизон собеседника.

— Всякое было.

Дальше мы продолжили ехать молча. Я не мог придумать таких вопросов, чтобы не показаться подозрительным. Хотя бы стало понятно, что местные земли не очень спокойны. Да и кто такая "новая аристократия"? Обычно так зовут приближённых нового правителя, которых тот создал для поддержки своего режима из малознатных династий, но что это такое здесь мне не ведано.

Получается, что королевство это беспокойное. Впрочем, как и любое другое средневековое государство. Надо будет добраться до таверны в столице графства и познавать всё у местных посетителей. Для них я буду незнакомым человеком и уж тогда узнать всё

нужное мне будет куда как легче.

Остальную часть пути мы провели в молчании. Полю не шёл на разговоры, а я же любовался красотами здешней девственной природы. Зелёные поля сменялись высокими лесами, полными живой природной музыки. Не было ни звуков работающих моторов, ни жужжания трансформаторов и разговор людей. Воздух был настолько чист, что с непривычки жёг лёгкие и радовал десятками ароматов, смешавшихся в невероятное амбре. Даже вездесущие кабели электропередачи не оплетали землю своей паутиной. Удивительно, как за несколько тысяч лет со становления первых цивилизаций, человечество умудрилось так сильно потрепать планету, что жить стало опасно не от болезней и диких зверей, а от творения рук человеческих.

В город мы въехали уже поздним вечером, когда летнее солнце давно ушло с небосвода. За плечами был долгий конный переход. За все те пройденные километры мы встали на привал всего один раз и то, чтобы дать лошадям воды и позволить им попасться. Потому, после столь долгих скачек, мой желудок яростно урчал, а зад отбитый седлом зад молил хотя бы о небольшой прогулке.

Размеры столицы в ночи оценить было сложно, но даже по количеству огней, мелькающих тут и там, было понятно, что он в разы больше той деревеньки из которой мы прибыли.

Заявляться к графу посреди ночи было не только моветоном и грозило не только неприятием нашей просьбы, но и возможностью потери нами голов, чего очень не хотелось. Потому мы вновь повернули к таверне. У её дверей стоял мальчишка, подбежавший к нам, только морды лошадей показались из-за поворота.

Я с великим удовольствием спрыгнул с лошади и со стоном потянулся, слушая канонаду встающих на свои места позвонков. Мальчик тут же забрал поводья лошадей и повёл их в стойла, получив от Поля указание задать им овса и дать вдоволь напиться. Сами же, зашли в таверну.

Внутри нас тут же обдало теплом вперемешку с запахом жаренного мяса и кислого пива, от которого сразу защипало ноздри. В таверне было многолюдно, и посетители были достаточно разношерстны. За столами сидели обычные крестьяне, ремесленник, забывший снять кожаный фартук, городская стража, усевшаяся за двумя длинными столами, и даже наёмники, сидящие у одной из стен. Почему я решил, что это наёмники? Слишком разное снаряжение было у них. Будь это стража, то были бы одеты одинаково, а эти, кто во что горазд. И всю эту братию

С Полем мы заняли последний пустующий стол. К нам почти сразу же подошла миловидная девушка, извинившись за то, что похлёбки не осталось. Но горевать из-за этого не пришлось. Полю снял со своего широкого пояса кошель и вытянул оттуда крупную серебряную монету, заказав два больших свиных стейка от той хрюшки, что жарилась прямо сейчас на вертеле. Я с удивлением посмотрел на попутчика, но тот лишь отмахнулся.

— В город выбираюсь не часто, а скопленные за годы службы деньги надо тратить. — ухмыльнулся мужик, подмигивая оставшимся глазом, — Не с тобой, наёмник, хотелось бы пить, но выбора нет.

Официантка, заранее предугадав развитие событий, вместе с двумя толстыми стейками, принесла и две кружки, до краёв наполненных пенящемся пивом. За предусмотрительность, она удостоилась от Поля одной медной монеты, которая сразу скрылась между грудей девушки.

Чокнувшись кружками, мы вздрогнули, и в один заход я проглотил половину литровой кружки. Настроение тут-же поднялось, а тело начало растворяться в окружающем тепле и медленных разговорах посетителей. Отрезав своим ножом большой кусок свининки, медленно откусил его часть, чувствуя, как по губам течёт жир. Казалось бы, простой кусок жирного мяса, слегка обмазанный какими-то травами, но сколько же счастья он может принести для уставшего за день человека.

Неожиданно, среди десятка диалогов, ведущихся в таверне, моё ухо выцепило знакомые звуки. Да, все произносимые рядом слова были знакомы, но я был готов дать все конечности на отсечение, что это был мой родной русский язык. Я активно завертел головой в поисках его источника и поймал взгляд Поля, не понимающего причину моего странного поведения. Я отмахнулся, мол, не до тебя и наконец понял кто своей речью ласкал мой слух.

Это было двое бородатых мужиков с пшеничного цвета волосами, сидящих почти у самого выхода. В отличии от местных жителей, эти бойцы не расставались со своим оружием, продолжая держать их в ножнах на поясе. Они ели речную рыбу, запивая чем-то из объёмного кожаного бурдюка. Они говорили быстро для местных жителей, да и слова звучали намного грубее, но от этого было только приятнее.

— Это кто? — кивком головы указал я на светловолосых бородачей.

— Суры. Наёмники. С севера прибыли по реке на своём корабле. Серьёзные ребята. С ними даже граф связываться не хочет, так что и тебе не советую.

Но советом бывшего стражника решил я не пользоваться. Оставив оружие у стола, осторожно подошёл к северянам. Они, похоже, сразу заметили меня и собрались. Внешне это было почти незаметно из-за их мешковатой одежды, но, благодаря спортивному опыту, мне было понятно, что в любой момент один из них сделает всего один удар, который может и оборвать мою жизнь.

— Как дела, мужики?

Северяне, похоже не ожидали от меня таких лингвистических знаний, а потому застыли, с удивлением посмотрев на меня. Небольшая заминка продлилась несколько мгновений и старший из пары, наконец убрал ладонь с ножен, ответил.

— Всё ладно идёт. Не ожидал, что кто-то здесь знает наш язык. Садись, рассказывай кто такой и чем живёшь.

Я согласился с предложением, ведь причин отказываться просто не было. Тем более, что северяне, судя по оружию, были далеко не крестьянами, а воин, особенно прибывший издалека рассказать может многое.

— Живу чем? — переспросил я, ставя на стол свою кружку, — Да так, в наёмники подался, да только ватагу мою орки разгромили. Один спасся. Меня Вадимом Звать.

— А не сбежал ли ты? — хохотнул молодой сур.

Я посмотрел на него. Возрастом он был примерно моим, но руки его полные мозолей и покрытые вереницей боевых шрамов, намекали далеко не на мирное ремесло северянина. Не смотря на его молодость, не стоит воспринимать бойца как слабого противника. На груди парня была подвеска с плохо выполненным, но отлично отполированным небольшим колесом из серебра. Похоже, что это какой-то религиозный символ. Надо будет вызнать.

— Ты меня обидеть желаешь? Не стоит оно того. Я тебе ничего плохого не делал, а ты меня, словом, задеваешь. Зачем?

— В самом деле, Тур, успокойся. — старший почесал свою курчавую бороду пятерней, — Меня Бояном зови. Откуда язык наш знаешь? Хорошо, больно, говоришь.

— Товарищ научил. — после ответа я ткнул двумя пальцами себя в грудь, намекая на оберег северян, — А это что у вас?

Старший из северян потрогал точно такой же амулет и вобрал в лёгкие воздух для ответа, но тут его оборвал окрик на местном языке. Боян посмотрел на меня с непониманием, а Тур положил ладонь на пояс и собрался, готовясь, видимо, к драке. И делал он это не зря. К столу, где мы сидели, подошёл здоровенный детина. Даже немало меня он превосходил на голову, а рука была и вовсе больше моего бедра. Его выбритое, заплывшее жиром и покрытое потом лицо было красным от местного алкоголя, и он тяжело дышал, вбирая воздух через широкие волосатые ноздри.

— Э! Вы что тут делаете, уроды языческие?! Это место только для истинно верующих людей! — закричал незваный гость и тут мне стало понятно, что драки вряд ли получится избежать.

— Что он говорит? — обратился ко мне Боян, крепче сжавший ручку глиняной кружки.

— Не очень хорошо о вас отзывается. — поиграл я желваками, пытаюсь придумать как форсировать ситуацию, — Вы здесь по приглашению графа Мареля?

— Нет. По крайней мере пока что. Узнали, что здесь заказы для таких как мы есть и приплыли.

Выпивоху, видимо, совсем не устраивал тот факт, что мы не обращаем на него внимание и он ударил здоровенным кулаком по столешнице, из-за чего подпрыгнула вся стоящая на нём утварь. Он что-то заорал на незнакомом мне диалекте и Тур встал из-за стола, желая отвесить тяжёлый удар надоедливому посетителю.

— Вас и так тут не особо любят. Если в драку полезете, то и вовсе стражу натравят. Давайте лучше я.

— А ты сможешь? — прищурился Боян, переводя взгляд с меня на пьяницу, — Такого-то борова повалить много умения надо.

— Попробую.

Я поднялся со скамьи, сам не понимая зачем вообще это делаю. Вступать в конфликт в практически незнакомом месте без поддержки от местных, было, мягко говоря, опрометчиво. Похоже, во мне опять выиграло повышенное чувство справедливости, а если отпустить лирику, то я просто не любил таких вот, не умеющих выпивать мужиков, что лезут в драку просто так.

Таверщик, заметивший зарождающийся конфликт, закричал из-за своей стойки, — Отношения свои выясняйте на улице!

Пьяница, ещё больше распаляясь, мотнул головой в сторону выхода. Я молча кивнул, и мы вместе вышли на улицу перед таверной. Из заведения за нами сразу потянулись посетители, почуявшие запах бесплатного зрелища. Тут же откуда-то появились факела, освещающие площадку и своеобразную арену, в которой мы оказались с толстяком напротив друг друга, пока кто-то особо хитрый стал собирать ставки и что-то мне подсказывало, что далеко не на меня.

Боян был воистину прав. Более ёмкого и точного слова, чем «Боров» относительного этого мужика было сложно. Эта огромная туша не двух ногах, толстых будто ствол дерева, поднял здоровенные кулаки, более похожие на кузнечные молоты, и харкнул на землю. Пьяница был на несколько десятков килограмм тяжелее меня и попасть под его удар будет страшно. Хорошо, если голова от такого кулака не оторвётся. Остаётся надеяться, что он не умеет нормально драться.

Толстяк громко сплюнул на землю и сразу, без прелюдий попёр на меня. В момент он оказался подле меня и замолотил кулаками с неожиданной для столь большого тела прытью. Мне едва удавалось уворачиваться, а контратаках и думать не приходилось. Разница в весе была настолько большой, что даже одно попадание могло сорвать мою голову с резьбы. Вот и вынужден я был прыгать аки сайгак по этой арене, едва не падая на зрителей.

Но и пьяница не отставал, прекрасно понимая, что в стойке спокойно уложит меня на землю одним удачным попаданием. Он бил широкими ударами и кулаки кувалды свистели где-то рядом с моей головой, то и дела колыша волосы.

Вот только толпе не нравились мои постоянные побег и увороты от боя, и кто-то из зрителей толкнул меня в спину. Только чудом удалось вывернуться и перекатиться в бок, пропуская вескую оплеуху над головой. Судя по щелчку сзади, кому-то она всё же досталась и вряд ли случайному зрителю это понравилось. Ну и поделом — нечего мешать бьющимся.

Мгновенно вскочив на ноги, я собрался. Выносливости у этого тела было в разы меньше и если буду вечно отступать, то и сил на схватку не останется. Но устал не только я — толстяк тяжело дышал и шёл уже не так резво, как раньше. Размашисто замахнувшись, он попытался достать меня прямым в голову, но я, поднырнув под его руку, ударил апперкотом в челюсть. Выпивоха попятился, тряся головой, словно бык. Удар получился отличным и кого-то более лёгкого можно было бы даже опрокинуть, но этого здоровяка он только раззадорил. Он рванулся вперёд, и я только чудом успел подставить руку для блока. Бил он снизу вверх и его кулак мазнул по моему плечу, после чего вскользь попал выше виска. Даже такой удар заставил звёзды плясать перед глазами. Меня повело в сторону, а грохот толпы был слышен как будто через плотно набитую в уши вату.

Толстяк победно выбросил руки вверх, зарычал и бросился вперёд, не заботясь о какой-либо защите. Тех нескольких секунд передышки мне хватило, чтобы прийти в себя и встретить его подсечкой. Пьяница полетел на землю, пробороздив её массивным подбородком. К его чести, встать он попытался быстро и уже оказался на одном колене, тяжело опираясь на него рукой, когда подскочил я и попытался ударить коленом прямо в лицо, но тот только закрылся руками и смог подняться. Сил я потратил изрядно и более удачного момента для атаки могло и не появиться.

Встав в стойку, я начал методично и быстро делать ложные движения, но не бить, «раздёргивая» его оборону. Толстяк, до сих пор оглушённый от падения, не мог эффективно обороняться и раз от раза старался отогнать меня широкими ударами, что не достигали цели. Наконец, он опрометчиво открылся, пытаясь достать меня своим замахом, но тут же получил два быстрых удара. Один из них пришёлся по носу, хрустнувшему под кулаком, а второй попал по его брови, открыв рану, из которой сразу же потекла кровь, заливая глаза. Толстяк остался стоять на ногах и даже смог попасть мне по корпусу, но рёбра выдержали, и я со всей силы зарядил ему между ног. Неприемлемый и даже преступный приём в профессиональной спорте, но такой необходимый в уличной драке, согнул толстяка и тяжёлым ударом с правой отправил его в пыль.

Толпа заревела с большей силой, когда жирная туша пьяницы оказалась на земле, а я согнулся, опираясь на колени и глубоко задышал. Тело было не готова к такой драке и будь он не пьян в стельку, непонятно ещё какой был бы исход.

Кто-то в толпе разочаровано присвистнул и стал пытаться поднимать находящегося в отключке толстяка. С трудом, похлопываниям по щекам и какой-то жижей удалось всё-таки перевести его в вертикальное положение и увести внутрь, куда и потянулась большая часть

посетителей. Ко мне же подошли трое: двое северян и какой-то мелкий, незнакомый мне мужичок. Он подбежал первый, выпалил какое-то поздравление и сунул мне две серебряных монеты со словами: «Твоя доля», после чего тоже засеменил в таверну.

— А ты хороший боец, Вадим. — многозначительно проговорил Боян, хлопая меня по мокрому от пота плечу, — Уж думал, что потерял нового знакомого. — северянин посмотрел на молодого товарища и усмехнулся, — А ты хотел ещё с ним подраться.

Тур что-то неразборчиво буркнул в ответ и все втроем мы отправились обратно в таверну. Там меня встретили аплодисментами, от которых до сих пор не отошедшая от удара голова неприятно загудела. Поль же всё также сидел на своём месте, потягивая пиво из кружки. Тело ныло и неожиданно захотелось спать. Пришлось распрощаться со своими новыми знакомыми и подойти к тавернщику, бесконечно протирающими и так гладкую столешницу замызганной тряпкой.

— Есть где прилечь? — спросил я у него, потирая ушибленную голову.

— Да. Для тебя найдётся. — кивнул хозяин и увидев, как я потянулся к кошелю, помотал головой, — Бесплатно. Не каждый день у меня в таверне Доната Быка избивают. И оружие оставь здесь. Никто его не тронет.

Поблагодарив его кивком головы, я поднялся на второй этаж, который был заставлен несколькими кроватями, часть из которых уже была занята спящими людьми, пропустившими столь феноменальную схватку. Добравшись до топчана и сняв ботинки, я улёгся на не самое свежее сено и подложил под голову побитое жизнью шерстяное одеяло. Было достаточно тепло и усталость быстро переборола желание провести анализа дня, потому быстро уснул.

Глава 3. Город

Пробуждение сложно было назвать добрым. Меня опять тряс за плечо Поль, но на этот раз его лицо выражало ещё большее недовольство вперемешку с серьёзным недосыпом. На момент я даже почувствовал некоторое дежавю, но в этот раз мне не всунули никакого подарка.

— Едем к Графу. Расскажешь ему всё то же, что и мне.

Откровенно хотелось послать Поля за столь резкое моё пробуждение, но удалось перебороть себя и подняться на ноги. Бывший стражник даже не дал мне нормально перекусить. К счастью, удалось хотя бы умыться из стоящей подле таверны бочки, полной дождевой воды. Это придало хоть какой-то свежести и согнало остатки сна. «Мясник» решил какие-то вопросы с хозяином ночлежки, и мы отправились в путь по городу. Копьё пришлось оставить там, и из оружия был один только нож, но даже это теперь не так меня волновало. Я рассматривал графскую столицу.

Мы шли по тесным улочкам городка, ограниченным с двух сторон сплошной стеной домов. Были они, в основном, двухэтажными, с выбеленным вторым этажом, а крыши укрыты пожухлым сеном. Нередко на первых их этажах торчали различные лавочки, из которых тянуло безумным разнообразием ароматов, переплетающихся в причудливое амбре, с непривычки щекочущее ноздри и обжигающее лёгкие. Рядом и навстречу нам шли люди в разномастной одежде, теснясь и толкаясь, уходя по каким-то своим делам. Среди них сильно выделялись графские стражники, грохочущие своим снаряжением и блестящие сталью копий, охраняя правопорядок на улицах столицы графства. На пару с Полем мы дошли до центральной площади. Меж, пока ещё пустых, но многочисленных торговых рядов, стояла церковь, поражающая своей монолитностью. Отдалённо она напоминала католический храм, но всё же являлась совсем иным сооружением. Прямоугольное строение, сложенное из тёсаного серого камня, сверху было укрыто старой, позеленевшей от дождей и времени черепицей. Вместо привычных по форме арочных окон, здесь были круглые витражи, выполненные из разноцветного стекла почти под самой крышей. Широкие ворота церкви были сделаны из добротного оструганных досок, которые внешне казались тяжёлыми и толстыми. По бокам ворот возвышались две башни, но крыши их были сплюснуты. К тому же, по всей их высоте были прямоугольные отверстия, достаточные, чтобы в них было видно треть мужской груди вместе с головой, из-за чего сильно смахивали на бойницы, да и зубцы под самой крышей добавляли «крепостной» эстетики храму. Меж башен же, на высоте метров семи, был прикреплен большой металлический круг с заключённым в него блестящим золотом квадратом.

Но самым большим и крепким строением в городе был графский замок. Построен он был по всем канонам средневековой фортификационной мысли. Графское прибежище стояло на холме, склоны которого были явно искусственно осыпаны для предания им большего угла. Холм был окружён двумя рядами стен. Первая была просто высоким, метра четыре, деревянным частоколом за которыми, однако, были видны фигурки солдат, да и сторожевые башни добавляли обороноспособности. За частоколом стояли несколько зданий, от которых виднелись только частички соломенных крыш. Что это именно за здания, было не видно, но, надо полагать, что некое подобие казарм, конюшен, складов и всех остальных гарнизонных строений. Даже если противник сможет взять штурмом первую стену, что

сделать будет крайне сложно, ему придётся подниматься по одной единственной лестнице на вершину холма или ползти по склону под постоянным обстрелом со стороны защитников второй стены. На этот раз она была выстроена из плоских камней и высотой была раза в полтора выше частокола внизу. Стоящие по углам замка каменные башни сверху были оснащены какими-то механизмами, издали напоминающими крупные осадные арбалеты. На таких стенах могли нести службу сразу несколько десятков солдат, да и через бойницы, расположенные на протяжении всей длинны стен, также могли стрелять лучники на пару с арбалетчиками, презентуя острые подарки непрошеным гостям. А следом возвышалась трёхэтажная резиденция графа, где и должен был укрываться Марель де Сарт. Похоже, она выполняла ещё и роль этакого донжона, что было куда как правильно.

Неожиданно Поль остановился, и, не заметив этого, я инстинктивно прошёл ещё несколько шагов и развернулся, высматривая своего попутчика. Старый стражник встал перед церковью, задрал голову и сделал странный жест. Он раскрытой ладонью сделал круг от носа до пупа, и опять к носу. При этом Поль что-то прошептал, и ещё несколько секунд он стоял молча, после чего пошёл в сторону возвышающегося замка. Поймав мой заинтересованный взгляд, он отмахнулся, недовольно фыркнув.

Этот случай в очередной раз напомнил мне о том, что нужно вызнать как можно больше информации. Кто знает, как тут относятся к неверующим. Не очень-то хочется ощутить себя поджаривающимся на костре под проклятья от местной инквизиции, а потом осматривать красоты мира с пики на городской стене. Всё же, это средневековье и о какой-то терпимости говорить не стоит.

До первых ворот добрались мы достаточно быстро, и чем мы были к ним ближе, тем менее комфортно я себя чувствовал. С сторожевой башни на нас смотрело несколько стражников, нацеливающих на нас из арбалетов. Я буквально видел острые наконечники болтов, смотрящих мне в грудь. Расстояние было настолько плёвое, что выпущенные болты вполне могли пробить нас насквозь. От этой мысли меня передёрнуло, и я посмотрел на Поля, что выглядел гораздо спокойнее.

— Зачем пришли?! Граф отдыхает. — крикнул со стены один из привратников.

— У нас орки завелись. Помощь нужна. — спокойно ответил Поль, держа ладонь на рукояти своего тесака.

От такого заявления я даже поперхнулся. Этот старый одноглазый мужик говорил о тех зеленокожих чудовищах, будто об обычных блохах. На момент мне показалось, что он совсем не понимает о чём говорит, особенно, вспоминая о том, как же сложно было побороть даже одного. Стражник же, определённо был в похожих со мной в чувствах.

— Откуда тут орки?! — хохотнул привратник, поправляя ремень своего шлема, — Ты кислого пива перепил? Их ближайшее гнездо три месяца назад сожгли. Давай, то...

Боец осёкся и повернулся внутрь за стену. Он с кем-то быстро заговорил и на стене показался ещё один человек. Он был похож на остальных стражников, но выглядел куда как старше и шлем не носил, держа его подмышкой. Он стоял по направлению к солнцу и узреть какие-либо особенные черты его внешности не представлялось возможным. Несколько мгновений он стоял на стене, а затем махнул рукой кому-то за стеной. Ворота медленно открылись, и мы вошли внутрь.

Поль раскрыл руки с тихим хохотом и обнялся с незнакомым человеком, позволяя мне рассмотреть его получше. Я правильно заметил, что мужчина был далеко не молод. Однако, волос его не поседел, лицо сохранило гладкость, да и нелёгкую кольчугу мужчина носил

спокойно, нисколько не стесняясь в движениях. Прекратив обниматься, он отвесил тяжёлую оплеуху стражнику, общавшемуся с нами. От удара он чуть не упал носом в землю, удивлённо смотря на своего командира.

— Ветеранов знать в лицо надо. Это Поль. — мужчина хлопнул моего попутчика по плечу, — Он ворота эти охранял, когда ты ещё под себя ходил. — ухмыльнувшись, он сразу же посерьёзnel, — Я краем уха услышал, что орки у вас появились. Не врешь?

— Сам не видел, Рауль, но если этот парень не врёт, то правда. — кивнул в мою сторону Поль.

— А ты кем будешь? — прищурился Рауль, рассматривая меня с головы до пят.

— Наёмник. Вадимом зовут.

— А где ты орков видел?

Я, насколько это было возможно, полно рассказал ему все детали моей встречи с зеленокожими. Рассказ оказался не самым содержательным, но по лицу Рауля было видно, что проблема его сильно озадачила. Он заявил, что постарается набрать людей и отправиться на помощь к деревне.

Впрочем, что будет дальше меня несильно интересовало, а потому я покинул графский замок, ощущая бесполезность моего там нахождения. Выходя из замка, заметил стоящего неподалёку человека. Его медные волосы были схвачены в хвост кожаным ремешком, а отращённые усы свисали к низу. Он был одет в удобный кожаный жилет поверх туники вместе с широкими штанами, а на поясе держал тяжёлый, но надёжный и простой фальшион. Уперевшись спиной в столб, он упёрто провожал меня взглядом.

Я положил руку на ножны с покоящимся там клинком. Конечно, применять его на глазах у стражников было бы великой мудростью, но с ощущением тяжести ножа было куда как спокойнее. Отвернув голову, я хотел было дальше двинуться в сторону таверны, где осталось моё копьё, но сразу же меня окликнули.

— Парень, стой! Дело к тебе есть.

Ко мне, как было сразу понятно, шёл тот самый медноволосый мужик, отлипший наконец от столба. Шёл он быстро, и вскоре я заметил сверкнувшую в его ухе крупную золотую серьгу. Когда он подошёл ко мне, то положил ладонь на торчащую из ножен рукоять меча.

— Ты работу не ищешь? — улыбнулся мужчина, протягивая раскрытую ладонь, — Меня Берндом зовут. Я капитан отряда вольных воителей.

На момент я впал в ступор. Бернд выглядел достаточно уверенным в себе бойцом, но почему я? Вопрос насколько быстро появился, настолько же молниеносно исчез, вместе с мысленным пробитием лба ладонью. Учитывая, какой я вчера учудил бой, то моя локальная известность могла очень неплохо подняться среди местных «псов войны», которыми всегда полнились средневековые города. С одной стороны, такое быстрое трудоустройство могло считаться за счастье, но так я ничего и не знал о происходящем вокруг меня. Ни экономики, не геополитической ситуации. Да даже банальных бытовых привычек местного населения! Точно, как ёжик в тумане...

— А чем обязан таким предложением? — спросил я, хотя и так догадывался почему.

— Видел, как ты вчера одного мужика отделал. Хорошо кулаками работать умеешь. — Бернд убрал раскрытую ладонь, — Вот и подумал, что ты не прочь наёмником поработать.

— И вы за мной от самой таверны шли? Не много ли чести для просто рекрута?

Бернд неожиданно рассмеялся, хлопнув меня по плечу несколько раз, — Я, по-твоему,

на дворянина похож?! К чему этот официоз?

— Привычка. — смутился я, убирая руку с ножен.

— Ты точно не с этих земель. — покачал головой наёмник, — Звать тебя как?

— Вадим.

— Какое-то северянское имя. Хотя, ни на сура, ни на варвара не смахиваешь. Давай со мной до нашего лагеря сходишь. Понравится — останешься, ну а нет, то уйдёшь.

Предложение мною, после недолгих рассуждений, было-таки принято. После моего согласия Бернд прямо светился счастьем, не скрывая своего удовольствия от ещё не заключённого договора. Заглянув в таверну, где её хозяин без препирательств вернул мне копьё, которое даже успел почистить песком, от чего наконечник красиво поблёскивал на солнце. После этого мы вышли за территорию города и потопали по дороге куда-то вдаль от графской столицы. С каждым шагом моя уверенность в правильном решении всё больше скрадывалась, но поля вокруг города, на которых активно работали местные крестьяне, собирая богатый урожай, меня успокаивали. Только сейчас я очнулся и смог примерно понять, какое ныне время года. Хорошим агрономом я не был, но помнил, что в России, по большей части, яровую пшеницу собирали примерно в середине лета. И если здесь примерно такое же летоисчисление, то попал я в относительно комфортный сезон. Это радовало. Будет время обзавестись хоть каким-то прибежищем для зимовки.

Пройдя чуть дальше собираемых полей, мы оказались на большой поляне, где расположился наёмнический лагерь. Несколько палаток, поставленных вокруг горящего костра, колыхались под лёгким ветром. В лагере люди разделились на две группы, одна из которых, выглядящая наиболее опытной, жарила на вертеле немалого кабанчика, аппетитно скворчащего над языками пламени. Вторая же, состояла, похоже, из точно таких же рекрутов, как и я. Они скучковались чуть поодаль, изредка перекидываясь короткими фразами. Эти мужики были больше похожи на обычный сброд, чем на профессиональный наёмнический отряд, которым они должны будут стать.

— Парни, я нам ещё одного бойца нашёл! — не дойдя двух десятков шагов до лагеря, крикнул Бернд, — Я вам про него вчера рассказывал!

Как только мы оказались на их привале, то остальные претенденты мгновенно оживились, смотря на моего попугчика. Бернд сказал своим соотрядникам пару слов и повёл меня к группе рекрутов. Все они были настолько разношёрстными, неуверенными и даже напуганными, из-за чего я ещё больше напрягся. В случае чего, возможно, успею ударить Бернда копьём, но убежать далеко не успею. У одного из наёмников я успел увидеть длинный лук с заранее наложенной тетивой. Даже если я побегу со спринтерской скоростью, то далеко не убегу. Максимум, что смогу сделать, так это лечь где-то в траве с пробитой спиной, как минимум одной стрелой.

— Господа новички. Наконец, могу объявить отбор на вступление в наш славный отряд. Буду честен — наша служба и опасна, и трудна. Какой-нибудь бандит может пробить вам горло стрелой из засады, самоуверенный рыцарь отрубить голову, а бешенный волк отгрызть кое-что между ног. Вы можете умереть от кровотечения, чумы или кровавого поноса. В вас могут видеть настоящих демонов и самых худших преступников. Но! Только представьте те горы золота, что можете заработать своей доблестью, копьём и мечом! Представьте контракты от самих королей! Те тысячи монет, в которых вы можете купаться! Сколько пива, мяса вы можете съесть и выпить! Сколько женщин, готовых на всё, падут пред вашими ногами! Что же вы выберете: жить и гнить здесь, или рискнуть и взять своё?!

Слитный крик десятка мужских голосов были ему ответом. Все они единодушно ответили согласием, уже представляя все обещанные блага. Если быть честным, то Бернд настолько ярко и проникновенно агитировал, что и я на момент поверил ему, почувствовав необъяснимое желание прямо сейчас идти к богатствам. Даже страх страшной смерти с яйцами в пасти волка отступил перед воображаемыми горами драгоценностей и сверкающим оружием.

Но наваждение нужно было согнать, и я потряс головой, после чего посмотрел на толпу уже другими глазами. Восторженные рекруты горящими глазами смотрели на своего возможного командира, продолжавшего улыбаться, раскинув руки в сторону, показывая, какую огромную кучу драгоценностей получают будущие наёмники под его командованием. Вот только они либо забыли, либо просто не понимали, насколько же сложное это ремесло.

— Это всё хорошо. Но что нам сейчас делать? — оборвал я воодушевлённую речь Бернда, самозабвенно продолжающего вешать лапшу на уши своим подопечным.

Командир не стусевался и только отвесил мне тяжёлый взгляд своих карих глаз под смешки «ветеранов» отряда. Махнув рукой, он приказал нам всем раздеваться. Рекруты стали быстро исполнять приказ, стягивая с себя свои рваные одежды. То же сделал и я, с удивлением обнаружив, что тело моё было достаточно развито. До атлетического состояния было очень и очень далеко, но и простому крестьянину, без специфических инструментов и тренажёров, на пару с спортивной химией, достичь этого было сложно. Засмотревшись, отметил развитые предплечья и загорелся испытать себя в армрестлинге.

Выстроив нас в один ряд, Бернд прошёлся вдоль стены наших тел и тут же отмёл двоих из десятка, по причине того, что были слишком скудно развиты физически. Они было взбунтовались, но один из ветеранов очень многозначительно похлопал обухом своего двуручного топора по ладони. Широкое лезвие секиры были наточено настолько остро, что можно было не только бриться, но и отлично рубить головы недовольных врагов. Понял это не я один, и несостоявшиеся наёмники быстро ретировались, на ходу натягивая портки.

Дальше нам вручили два коротких лука, поставив метрах в пятидесяти круглую мишень в виде тюка с сеном, размером примерно с круглый щит. По ней стреляли по очереди по пять дешёвых стрел даже без наконечника. Когда очередь дошла до меня, я, со знанием дела, наложил стрелу на жильную тетиву. Взявшись тремя пальцами под хвостовиком стрелы поднял лук. Такая вариация была наиболее удобной для точной стрельбы, да и приспособлений для других типов у меня не было. Со стороны я наверняка выглядел как профессионал, отлично знающий своё дело. Вот только, все пять пущенных стрел лихо просвистели даже не рядом с мишенью. Я сокрушённо опустил голову, чувствуя копчиком разочарование со стороны Бернда. Как бы не выглядел со стороны, но с луком говорил очень почтенно на «вы», желательно спрятав голову глубоко в песок. Только один из нас смог показать более чем достойный результат. Это был патлатый парень по имени Георг, бывший, по его словам, охотником, бьющим крупную дичь в здешних лесах.

Но уже на копьях мне удалось себя реабилитировать. Казалось бы: обычный дрын с куском заточенного металла на конце, но даже с таким простым оружием нужно было уметь обращаться. Если многие люди из моего времени, в силу незнания и засилия киношными штампами, думают, что главное оружие средневековья — это меч, то на самом деле именно с копьём в руках была завоёвана большая часть мира. Меня, видимо не посчитав за умелого бойца, поставили против одного из свеженабранных молодчиков, впихнув в руки длинную палку и круглый деревянный щит, серьёзно побитый под гнётом времени.

Встав в стойку, я дождался, пока мой противник пойдёт вперёд, и принял его первый удар на умбон щита, отведя тот в сторону. Он не успел вернуться в обратную стойку и открыл свой бок, куда тут же ткнулось остриё моего копья. Противник зашипел от боли и хотел было продолжить схватку, но громкий хлопок Бернда прервал его намерения. Затем было ещё пару схваток, которые всё также окончились моей победой. Все бои не заставили меня даже вспотеть, и в глазах «ветеранов» отряда неплохо так поднялся.

Вот только, уважение с их стороны продлилось недолго. Когда копейные сшибки закончились, то Бернд, смеясь в густые усы, предложил с ним выйти на меч. Добровольцем вызвался я, оценивая шансы в такой битве достаточно высоко. Старые бойцы Бернда грохнули смехом, сильно тем поранив моё самолюбие. И всё же, рекрутёр мой на поединок согласился и кинул мне деревянный и плохо перемотанный меч.

Примериваясь, я крутанул кистью, пытаюсь понять его центр тяжести, почему-то оказавшийся примерно на середине клинка. Лучшего оружия всё же не было, и выбирать не приходилось. Закрывшись щитом, я чуть расслабил ноги, готовясь активно перемещаться по поляне, где и столкнулись мы. Бернд, после копейных схваток, похоже, перестал видеть во мне простого кабачного драчуна, и не спешил атаковать, также закрываясь щитом и медленно двигаясь по кругу, зеркально повторяя мои шаги.

Долго так продолжаться не могло, и я двинулся вперёд, прощупывая оборону своего возможного начальника. Он был к этому готов и принял оба быстрых рубящих удара на щит, что потерял несколько крупных щепок. Бернд моментально бросился в контратаку, пытаюсь задеть в открывшийся из-за атаки правый бок. Пришлось даже скрестить мечи, не подпуская Бернда к голому бедру. Отражать удары мечом было не лучшей привычкой, ведь его последующее исправление стоило немалых денег, но сейчас можно было всё.

Мы продолжали кружить, постоянно обмениваясь хлесткими и быстрыми атаками, со свистом рассекая воздух. Они, впрочем, цели не достигали, чаще оканчиваясь ударом в щит или парированием мечом. В моменты, когда схватка ускорялась, то толпа, окружившая нас, радостно свистела и улюлюкала. Такая реакция привлекла и отдыхающих крестьян, что были не против бесплатного развлечения от наёмников.

Постоянное кружение мне изрядно поднадоело, да и сил от длительного боя не прибавлялось. А ведь это я ещё и без доспехов. Страшно подумать, что будет со мной, когда облачусь в привычное себе снаряжение, если уже сейчас пот с меня льётся водопадом.

Дождавшись, пока Бернд пойдёт в атаку, я вложил и со всех оставшихся сил ударил щитом наотмашь. Удар выдался знатным, и от него наёмник пошатнулся, открываясь для атаки. Момент был просто подарком, и я бездумно рубанул мечом, целясь в медный весок соперника. В мыслях я уже видел, как он падает на траву от точного попадания и чувствовал, как меч касается волос, но в следующее мгновение сам оказался на земле.

Сверху стоял Бернд, улыбаясь во все свои тридцать два удивительно целых и крепких зуба, опустив руку с щитом и закинув меч на плечо. Я ошарашено хлопал веками, стараясь осмыслить исход поединка. Бернд, похоже, обладал просто невероятной реакцией и скоростью, раз успел подсесть мне ноги, отправив отдыхать на землю. Мне всегда казалось, что мои навыки выше всяких похвал, но реальный боевой опыт стократ превышал спортивный, пусть и приближенный к реальности, насколько это возможно.

Сбросив оружие на землю, Бернд протянул мне раскрытую ладонь, — Считаю, что ты принят.

Я схватился за его предплечье и рывком встал, не зная, радоваться этой новости или же

горевать.

Глава 4. Первый контракт

Вместе со мной, из полутора десятков рекрутов, отряд пополнили только шестеро и теперь нас была дюжина, только половина из которых имела реальный боевой опыт. Похорошему, наш отряд был всего лишь одним из сотен и тысяч банд, воюющих под разными стягами, за разных людей и государств, но лишь с одной целью — добыть как можно больше добра. «Псы войны» бродили по землям в поисках заказов и контрактов, предлагаемых поселениями, влиятельными людьми, государствами и организациями. Для последних двух отряд ещё не дорос и вряд ли сделает это вскорости, а потому осталось довольствоваться лишь мелкими задачами от местных городов. Благо, такой контракт вскорости оказался у Бренда на руках, чем он нас и порадовал. К моему удивлению, наводку на него дал показавший себя на отборе Георг. Дескать, у него дядя привозит провиант в городскую церковь и узнал, что там активно ищут помощи от охочих до войны людей. Конечно, помощи не бесплатной, а оплачиваемой звонкой ларингийской монетой.

От столицы графства мы выдвинулись следующим же утром. Мне до сих пор было тяжело вставать с первыми лучами солнца, но приходилось мириться с тяготами военной жизни. К тому же, обоза как такового у нас не было и всё своё добро мы тащили на своём горбу. Да, скрабу мне добавили. Если раньше мне нужно было нести только собственную одежду и пехотное копье, то теперь добавился и большой овальный щит, и сшитый из грубого брезента вещевой мешок, наполненный провиантом, инструментами и снаряжением.

Пока мы уверенно топали по пыльной, истоптанной тысячами колёс и ног, я с интересом рассматривал знамя отряда, намотанное на конце пики одного из бойцов. На нём была изображена в профиль кабанья морда на тёмно-красном полотне. Изображение вполне себе отвечало названию отряда: «Кабанья голова». Первое время я просто не понимал, зачем столь маленькой компании полноценное знамя, ведь оно, в основе своей, используется в качестве элемента для управления десятками, а то и сотнями одновременно двигающихся на поле боя воинами, а для нашей дюжины это было излишне, но потом всё очень хорошо срослось. Если не знать кто мы такие и что мы делаем, то со стороны можно принять нас за толпу омерзительных бандитов, ищущих человеческой крови и яркого блеска серебра да золота. А вот красивое и массивное знамя было хорошим отличительным знаком, прибавляющим отряду «весу». Для бандитов же лучше быть более незаметными, вот те практически и не использовали знамёна.

В чём же была суть контракта? Оказывается, что в землях графства Марьера, вокруг одноимённой столицы, развелось много культистов, прячущихся по окрестным лесам. В последнее время их стало настолько много, что они совершали дерзкие вылазки на отдалённые от городов монастыри и церкви, уничтожая их в пыль и вырезая всё население подчистую. По началу я подумал, что это под силу любому мало-мальски вооружённому сброду, что и высказал Бренду, но тот посмотрел на меня как на умалишённого, почти заставив пожалеть о сказанном. Оказывается, что монастыри местного божества — святой Юганы, были вовсе не одним небольшим зданием где-то посреди леса, а вполне себе основательной крепостью, полной подготовленных монахов-воинов, способных как держать осаду, так и биться строем в открытом бою. Со слов командира стало понятно, что монастыри больше похожи на средневековые японские буддистские монастыри, часто представляющие из себя большую военную силу, активно влияющую на внутреннюю

политику государства. В свете полученной информации противник теперь выглядел не как фанатичный сброд, а как высокоорганизованная армия. Но тогда возник вопрос: почему за ними послали столь малый отряд. Гадать не было смысла и легче было просто спросить у знающего человека.

— Бернд, а почему нас за ними послали? Двенадцать человек не такая уж и большая сила для такого опасного противника.

— Какой ты любознательный. — по-доброму изумился Бернд, усмехаясь в усы, — Но это хорошо. Культисты хоть и фанатики с прожжёнными мозгами, но остатки ума у них остались. Пока они воюют кучками, нападая на деревни и монастыри, то это не волнует ни короля ни Тантапа и остаются головной болью для здешних властей. Для штурмов они сходятся только изредка и живут небольшими бандами. Если соберутся в большую армию и попробуют огрызнуться на города, то тогда здесь будет вся церковная армия. Это не нужно ни местным феодалам, ни аббатам. Вот и нанимают нас гонять фанатиков.

Получив нужные ответы, я задумчиво покивал и вернулся на своё место, дабы не разрушать выстроенной колонны. Очень похоже, что ситуация в этом государстве несколько сложнее той, что изначально мне представлялась. Да, церковь в средневековой Европе занимало крепкие позиции и даже были большие рыцарские ордена со своими полноценными государствами, а Папа Римский сидел в собственной стране, но здесь схема была другой, больше присущей раздробленной Японии.

Через несколько часов мы были в нужном месте, рядом с одним из местных лесов. Именно здесь, согласно словам жалующихся крестьян, был замечен сектантский отряд, раскинувший свой лагерь где-то неподалёку. Пренеприятнейшая ситуация для простых работяг. Часто сектанты похищают скот для своих кровавых ритуалов, а каждая животинка важна для крестьянина не меньше, чем воздух.

Георг, так удачно умеющий читать следы, шёл впереди отряда, останавливая бойцов жестом каждые несколько метров, из-за чего общая скорость отряда сильно снижалась, вызывая лютое негодование у Зефа. Это был один из «ветеранов» Бернда, встретивших моё появление смешками. Он был примерно моим ровесником и обладал уникальным свойством постоянно быть активным. Даже во время ночной стоянки он безудержно говорил, даже не пытаясь узнать или рассказать какую-либо информацию, а просто заполняя тишину своими речами. Внешность его было под стать характеру — невысокой сухопарый парень с длинными руками, острым носом и копной непослушных волос, цветом напоминающих корку хлеба, никак не желающих залезать под купол стального шлема. Одет Зеф, помимо незатейливого круглого шлема, был в грязно-серый комбинезон с вездесущими шоссами чёрного цвета и короткими кожаными ботинками, достаточно удобными для длительных переходов. Вооружён Зеф был моей мечтой — однолезвийным мечом с искривлённым клинком и гардой-крестовиной в виде усечённого к концу лезвия прямоугольника и круглым щитом. Из-за своего оружия он часто удостаивался моих завистливых взглядов.

Через несколько часов скомандовали привал. Блуждание по лесам в полной выкладке сильно выматывало, и я с удовольствием опустился на землю, сбрасывая с плеч рюкзак. Давно я так далеко не ходил пешком, но это тело, похоже, было в разы более приспособлено к столь долгим пешим прогулкам, ведь я бы сдался уже давно, даже если шёл в удобной и современной обуви.

Бернд подозвал к себе Георга и о чём-то с ним тихо заговорил. Лучник указал пальцем в глубину леса, а затем на заходящее с небосвода солнце. Я с интересом наблюдал за этим не

слышимым для меня диалогом. Георг активно жестикулировал, доказывая свою позицию. Бернд же, смотрел на новичка прищурившись и почёсывая щеку, сквозь кожу которой пробивалась плотная щетина, изредка отвечая новобранцу короткими фразами.

Из всего этого, для меня, немного представления, стало понятно только то, что обсуждали они время для нападения. Победил, как и должно быть, командир, отправив Георга злостно бубнить себе под нос. Сам же Бернд подошёл ко мне. Взгляд его был очень уж недовольным, из-за чего приятного общения можно было не ждать.

— Двигай на разведку, тауза на три вглубь леса. Думаю, этого хватит. — приказал Бернд.

Делать было нечего. Кивнув, устало поднялся на ноги и оставив рюкзак отправился выполнять приказ. Особой аккуратностью я никогда не отличался, но старательно пытался продвигаться по зарослям насколько это было возможно с длинным копьём. Но приказ есть приказ, да и был он не из разряда «красить траву в зелёный», а вполне логичным, от выполнения которого напрямую зависела безопасность отряда. Но почему отправили именно новичка, а не того же Зефа? Может они отправили меня на убой?

Эта мысль кольнула мозг, и я чуть не споткнулся о толстый корень, вертя головой в поисках мнимой опасности. Под ногами зашуршал какой-то иссохший кустарник, больно уколотивший меня в ногу. Из-за страха мне показалось, что шум был настолько громкий, что оглушил меня и я едва справился с желанием ломануться сквозь ветки куда-то вперёд, не разбирая пути. Чтобы привести себя в чувство, сильно укусил губу. Вкус железа из-за попавшей на язык рубиновой капли крови, моментально отрезвил сознание. Если я буду так шуметь, то умру не от человеческой руки, а меня засмеют местные четвероногие обитатели. Мы уже долго ходим по лесу и хотели бы меня убить, то давно бы сделали это. Логично? Вроде бы да...

Тяжело выдохнув, я занёс ногу для следующего шага и замер в этой глупой позе. Прямо перед мной, метрах в пятнадцати, по проторенной лесной тропе шла группа людей. Было бы это не так страшно, будь эта группа не вооружена. Один, два, восемь, двадцать... Ровно три десятка двигались по лесу, то и дело срываясь на лёгкую трусцу. Они сильно торопились куда-то и если бы не моя паника, то мы бы столкнулись с ними и о том, чтобы со мной произошло, было страшно подумать.

Я встал на колени, опустив копьё так, чтобы быстро нанести удар. О том, чтобы уничтожить два десятка человек можно было и не думать, но даже так, с копьём в руке было гораздо спокойнее. Наводка оказалось верной, вот только численный баланс не внушал уверенности. Да и где уверенность в том, что эта вся шайка фанатиков, ошивающихся в лесу, здесь всего одна?

Дождавшись пока культисты уйдут на достаточное расстояние, я медленно поднялся и поспешил обратно в расположение отряда, стараясь не сворачивать, ведь потеряться в лесу не имея компаса дело пяти секунд. Стремительный бег по пересечённой местности — это хорошее испытание для организма и в лагерь я ворвался с просящимися наружу лёгкими и удобно устроившимися языком на плече.

— Бернд... ёперный конь... культисты... — хрипел я, опираясь на древко копья, которое кое с размаху воткнул в землю.

— Отдышись. — приказал командир и, выждав несколько секунд, продолжил, — Что увидел?

— Секунду... — я глубоко вдохнул, после чего отчеканил, — Два десятка. Все

вооружены.

— Куда шли?

Я наконец разогнулся и показал в сторону движения фанатиков. Командир, ни секунды не раздумывая, скомандовал «подъём». Отряд оставил на месте вещи и приготовился к бою. Все и так были в полном облачении, готовые в любой момент к атаке, но теперь колонна выстроилась в боевой порядок, да и без рюкзаков было куда как удобнее. В качестве авангарда выдвинулся Зеф. Странно, что спереди оказался не следопыт Георг, который теперь стоял в середине строя.

Бой начался неожиданно. Фанатики устроили для нас засаду и сделали это грамотно: культисты пропустили Зефа и атаковали основную группу, когда мы оказались точно по середине их ловушки. Первой жертвой должен был оказаться Бернд, но выпущенная в него стрела со звоном отскочила от его латного наплечника. На меня же налетели сбоку. Засадник, одетый в меховую жилетку на голое тело, с разъярённым лицом атаковал, пытаюсь достать своим топором меня в голову. Если бы не издаваемый безумцем перед атакой шорох, то валяться мне бы уже на сырой земле, но так мне едва удалось закрыться щитом, а топор врубился в его обитый кожей край. Удар был настолько сильным, что оружие его застряло и по инерции фанатик потянулся за ним, открываясь для удара. Я уже видел, как расширились от ужаса глаза сектанта, когда копьё пронзило его шею. Заточенный наконечник легко пробил горло и пройдя меж позвонков, вышел из загривка. Копьё крепко застряло в шее нападавшего и пришлось его бросить, закрываясь от летящей в лицо стрелы изрядно потяжелевшим щитом.

Смерть врага не вызвала никаких чувств. Вокруг кипела страшная схватка и без возможности контратаковать я здесь был слишком лёгкой мишенью. Я зарыскал взглядом по сторонам, судорожно отыскивая хоть что-то похожее на оружие. В следующую секунду щит рассекло на две части. Будто в замедленном времени увидел, как падает кусок щита и в открывшемся разрезе появляется бешенное лицо культиста. Оно было покрыто паутиной тёмно-синих татуировок, среди которых огнём горели застланные яростью янтарные глаза.

От неожиданности я рухнул на землю, видя над собой заносящего оружие для нового удара культиста. В его руках был двуручный меч с искривлённым вперёд клинком, сильно смахивающим на косу. Мозг сковало страхом, но телу погибать отнюдь не хотелось. Нога как будто сама врезалась под колено атакующего. Что-то хрустнуло, и он упал рядом, выронив меч, с размаху воткнувшийся в землю.

Партер был моей стихией и мало кто сможет меня здесь одолеть. Схватившись обеими руками за оставшийся обломок щита, я с размаху вбил его в лицо татуированного. Острые щепки глубоко впились в ладонь, быстро окрасив край щита в красный, но я бил и бил, проламывая кости и превращая лицо уroda в сплошную мясную кашу. Опомнившись, я отбросил ставший бесполезным щит и схватился за странный меч. Оружие оказалось достаточно лёгким, хоть и с грубо обработанной рукоятью, но даже так чувствовался отлично соблюденный баланс. Смущало только отсутствие опыта в обращении с подобным оружием, но в горячке боя это было не так важно. Единственное, что меня сейчас волновало, так это как выбраться отсюда живым.

Я быстро осмотрелся, видя положение отряда в схватке. Ветераны вместе с частью новичков собрались в подобие строя и активно отбивались от нападающих на них фанатиков, но даже так понесли значительные потери: трое новобранцев лежали в крови на земле. Голова одного из них была размозжена ударом какой-то тяжёлой дубины, обладатель

которой лежал рядом на боку со стрелой в глазнице. Я же был в отдалении от отряда, что мне очень не нравилось. Всяко лучше было ощущать плечо товарища рядом с собой, а не быть окружённым врагом со всех сторон.

Над полем боя неожиданно раздался дикий звериный рёв, посеявший ещё больше страха в сердце. В первые мгновения показалось, что где-то рядом громогласно рычит медведь, но тут взглядом наткнулся на Сезара. Этот бородатый воин возвышался над сектантами словно дуб над молодыми кедрами. Не смотря на свою массивность и надетую тяжёлую кольчугу из двух рядов плоских колец, он двигался быстро, активно рубя по сторонам своим устрашающим топором. Удары по скорости были подобны молнии и со свистом рассекали воздух. Один из сектантов попытался ударить Сезара каким-то подобием длинного чекана в грудь, но прошла секунда и его отрубленная кисть взлетела в воздух, а затем лезвие топора расколола голову фанатика.

У его ног уже лежало трое поверженных противника, но столько же продолжало теснить окровавленного здоровяка, который, казалось, вовсе не устал от боя. Но не хотелось рисковать, из-за чего я поспешил ему на помощь, вцепившись окровавленными ладонями в рукоять меча.

Один из фанатиков перегородил мне дорогу, стремительно ударив копьём. Острие проскользило по плечу, разорвав тунику и оставив на нём рану. Из-за кипевшего в крови адреналина боли не было, и я ударил наотмашь. Лезвие меча легко разрубило древко копья, оставив фанатика с обломком его оружия. Его полный отчаяния многозначительный взгляд отлично показывал неожиданность такого исхода. Сектант попытался закрыться щитом, но я оказался быстрее. Вложив в удар всю свою силу, я ударил наискось от правого плеча к левому бедру, распарывая груди и живот врага. Клинок шёл легко, даже не замечая плотный кожаный панцирь. Из распоротого живота фанатика вываливались склизкие кишки, которые он попытался затолкать обратно ладонями, одновременно с тем падая на колени. Прилетевшая из-за моей спины стрела пробила его глаз, войдя остриём в мозг. Тут же он рухнул на землю, вогнав стрелу ещё глубже в голову, заставив выйти наконечник из затылка.

— В строй! — рявкнул Бернд, затягивая меня за стену щитов.

Бой начал складываться куда как удачнее. Наша ватага потеряла ещё одного новичка, но на земле лежало ещё уже больше полутора десятков засадников. Фанатики же вовсе не собирались отступать. Осознав, что неожиданная атака провалилась, сектанты начали активную перегруппировку. Щитов у них было куда как меньше, а потому даже подобие «стен щитов» образовать не могли, но активно огрызались метанием камней при помощи пращей. Выпущенный с помощью этого орудия камень развивал очень большую скорость и вполне мог пробить не самый крепкий шлем. Потому мне и Сезару, отогнавшему своих врагов, пришлось оттянуться за щиты своих товарищей, чтобы не получить выпущенным камнем по голове.

Нас осталось восемь, а против нас стояло ещё дюжина фанатиков. Хоть схватка и была короткой, но рубка была ожесточённой, а потому бойцы устало дышали, продолжая закрываться от обстрела. Камни глухо ударялись о щиты, отскакивая в стороны и нужно было что-то делать. Если в этом лесу это был не единственный отряд, то вскоре нам может настать конец.

— Сезар, Вадим, встаньте по бокам. Остальные, медленно вперёд шаг в шаг. Порвём их!

Между нашим отрядом и фанатиками лежало десятка три метров. Небольшая дистанция, но разрыв строя мог привести к лишним потерям, которых очень уж не хотелось.

Я шёл за спинами товарищей, сжимая в руках фалькс. Боль в плече стала явственно проявляться, а кровь всё сильнее сочилась из раны. Надеюсь, что копьё не было ничем смазано, да и вошло вроде не так глубоко, но заботиться о ней придётся только после возвращения в лагерь. Сейчас важно было победить.

Наконец, спустя несколько бесконечно долгих минут, два строя сомкнулись. Я выпрыгнул из-за щита наёмника, одновременно замахиваясь своим окровавленным мечом. Напротив меня стоял крепкий мужик с длинной, окованной на конце стальной полосой, дубиной в руках, увенчанной на конце шипом. Грудь фанатика закрывал кузнечный фартук, а лицо скрывал натянутый холщовый мешок с двумя проделанными дырками для глаз и большим, намалёванным углём раскрытым глазом посередине. Он кольнул в меня, но шип прошёл рядом с животом, ударив в воздух, но и мой клинок не достиг цели, просвистев над головой фанатика. Благо один из ветеранов смог убить сектанта тяжёлым ударом копья в грудь.

Наёмники стали уверенно продавливать строй сектантов, которые даже не думали о том, чтобы отступить. Они умирали под ударами копий и мечей, но не отступали ни на шаг. Крики боли и отчаяния заполняли лес, кровь лилась бурной рекой, а отсечённые конечности валялись тут и там. Кровавая мясорубка длилась до последнего стоящего на ногах фанатика, способного к сопротивлению.

Мои руки дрожали. Хотя, чего уже скрывать — всё тело тряслось словно меня ударили током. Это выходил из организма адреналин, заставляя содрогаться мышцы внутри меня. Откинув меч в сторону, я упал на колени, извергая из себя всё съеденное за последние два дня. Вездесущий тяжёлый запах крови драл ноздри, а желудок продолжал сжиматься. Кровь. Кровь. Везде была только кровь. На моих руках, на лице, на оружии, на земле. Везде была только кровь, трупы и порубленные органы. Дух смерти так сильно ударил в мозг, что картина перед глазами на несколько мгновений просто пропала. Впервые я понял, в какой жестокий мир попал.

Собравшись с силами, я смог подняться на ноги, утерев тыльной стороной ладони рот и прошёл несколько шагов в сторону. Встав у одного из деревьев, сполз по стволу, обхватив голову руками. Теперь не было почти спортивного азарта от боя, да и адреналин перестал глушить осознание происходящего, позволив смотреть на мир во всей «красе». Теперь это был не красивый средневековый мир, населённый людьми и магическими тварями, который казался не более чем игрой с полным погружением, а полное ужаса существование, которое может быстро привести меня к смерти.

Да, напали на меня первыми, а значит с юридической точки зрения всё было нормально. Вот только что мне до норм права, когда впервые убиваешь, смотря напрямик в глаза человеку. Единственное чего мне сейчас хотелось, так это найти самое тёмное место в мире и забиться туда, свернувшись калачиком. Но этого сделать мне не дал Сезар, положивший мне на плечо свою тяжёлую руку.

— Так у всех, парень. Мне в первый раз тоже было плохо, но ты хороший воин. Тебе нужно просто привыкнуть к этому. — проговорил своим неожиданно мягким и грудным голосом.

Слова сильного воина, тёмная борода которого наполовину покрыта ярко-красной кровью, обрели неожиданно сильный успокаивающий эффект. Я даже перестал трястись и сорвал с земли пучок травы, яростно оттирая ладони от налипшей крови. Сознание возвращалось в привычное русло, хоть и остался тяжёлый осадок от прошедшей битвы. Но

теперь можно было посмотреть на прошедшее хотя бы относительно нормальным взглядом.

Лесная тропа, где произошла короткая, но кровопролитная битва теперь была полностью залита кровью и закрыта телами павших. Попытка засады оказалась очень неудачной для отряда фанатиков и из трёх десятков держащих засаду последователей неизвестного мне бога двадцать мёртвыми лежали на сырой земле. Ещё семь истекали кровью с громкими стонами и непередаваемыми криками раненных людей. Вряд-ли их можно будет излечить, да и отряду вольных наёмников уж точно не захочется тратить на это ресурсы — не казённые всё-таки. А вот трое были вполне себе целыми. Единственное, что стояли фанатики на коленях со связанными за спинами руками. Пленные. Пленные — это всегда хорошо. Не знаю, насколько сильно они преданы своему божеству или божествам, но та упертость, с которой они не сходили со своей позиции, давали все основания думать, что языки их будет развязать сильно сложно, но заплечных дел мастера точно найдётся в казематах местных темниц.

А что с моими соотрядниками? Похоже, помимо четырёх павших новичков и покоцанного меня, серьёзно ранен был только один ветеран: на его предплечье, закрытом плотно набитым гамбезоном, расплывалось кровавое пятно. В остальном же, ветераны «Кровавого кабана» остались целыми, сохранив даже двух недавних рекрутов.

— Сильно зацепило?

Как чёрт из табакерки ко мне подскочил Фабрис. Он был уже немолодым мужчиной, а по средневековым меркам уже мог считаться старым. На его сухом вытянутом и обветренном лице ярко выделялись голубые глаза, сильно контрастирующие с подстриженными по средневековой «моде» волосами под горшок, которые от корней до концов покрыты благородной сединой. В бою он сражался в строю с копьём не хуже молодых бойцов, хоть и держал на поясе железное кольцо с воткнутой туда узким железным мечом, больше похожим на длинный нож. Тело своё предпочитал защищать относительно тонким гамбезоном, поверх которого надевал набранный из толстых кожаных блях панцирь с такой же юбкой и наплечниками. Подобный комплект отлично защищал от режущего и колющего оружия, хоть от арбалетного болта этого точно не хватит. Фабрис имел искусство врачавателя и в своей торбе таскал несколько мешочков с травами и склянки с какими-то настойками, цвет которых иногда пугал.

— Плечо задели. — коротко ответил я.

Фабрис заставил меня стянуть пропитавшуюся кровью тунику и стал рассматривать рану. Никаких тяжёлых вздохов и цоканий не было и это уже внушало надежду. Провозился старик не долго: достал из своей сумки мешок с ещё невысохшей травой, кою потёр между ладоней и приложил к ране, перемотав плечо чистой тряпицей, наказав особо конечность не беспокоить.

Между делом, пока Фабрис исполнял свои обязанности медика, оставшиеся бойцы занялись мародёрством. Ну как мародёрством? Скорее забирали законно полученные в бою трофеи. Практика эта существовала ещё с незапамятных времён и была чуть ли не единственным стимулом выступать в поход для многих тысяч людей. Правда, в моё время эта традиция потеряла всю свою сущность и стала преступлением, но в нынешней ситуации всё делается правильно. Каждый элемент защиты или единица оружия, вместе с другой полезной утварью стоили денег и иной раз очень даже немалых.

— Командир, что дальше делать будем? — спросил я Бернда, ходящего по полю битвы и старательно считающего павших противников.

— Да чтоб тебя! — рыкнул Бернд, в сердцах махнувший рукой, — Сбился из-за тебя.

— Что их там считать? Ровно тридцать человек: двадцать мёртвыми, семь ранеными и трое пленников. Так что делать будем? Потрепало-то нас знатно — силы восстановить надо.

Все находящиеся рядом соотрядники в единый момент посмотрели на меня, да так что я почувствовал себя неуютно. Вроде ничего такого не сказал, а смотрят так, будто, по меньшей мере, единорога увидали. Точно! Я мысленно хлопнул себя по лбу. Это же средневековье! Тут встретить освоивших счёт да чтение у людей не из высших или купеческих сословий задачка ещё та.

— Вадим, ты считать умеешь? — прищурившись, посмотрел на меня Бернд, переглянувшись с Фабрисом, который занимался вторым раненым воином.

— Да. До тысячи в голове считать могу.

Сначала я хотел ляпнуть, что могу, хоть и с трудностями, перемножать трёхзначные числа, а с пером в руках оперировать десятками и сотнями тысяч, но вовремя осознал, что будет очень глупо сразу выкладывать все карты на стол. Всё-таки я сейчас в простой наёмничьей пехоте и связать меня, после чего отправить куда ни будь в качестве умного раба, будет несложно. Продадут, а потом доказывай, что не верблюд и грамоте не обучен.

— А чего ты мне раньше не говорил? — присел рядом со мной Бернд, — Теперь в моих глазах ты гораздо более ценным выглядишь. А что до будущего, то тут ты прав. Задачу мы выполнили, так что можно и в город вернуться. Попробую с архиепископа побольше денег стясти. — командир повернулся назад, — Мужики, добивайте раненных и рубите головы. Пленников с собой заберём — может что получится у архиепископа выручить за них.

Сезар тут-же принялся исполнять указ, работая своим длинным топором с широким лезвием, отлично отсекающим головы от тел убитых фанатиков. Пленные смотрели на это, но даже не пытались предпринять хоть каких-то попыток к побегу. Хотя, это было бесполезно — отрядный лучник Мартин не дремал, смотря на пленников, наложив стрелу на тетиву своего рекурсивного лука.

Только сейчас я увидел, что Георга среди живых не было. Зашарив взглядом по лежащим на земле трупам, я увидел знакомую фигуру в зелёной шерстяной накидке. Из его затылка торчала стрела с белым оперением. Именно такие и использовал Мартин, да и среди фанатиков лучников не было, хоть те и активно пользовались пращами. А это значит, что Георга убили свои...

Мой ошарашенный взгляд перехватил Фабрис, закончивший перевязывать раненого бойца. Он подошёл к трупу Георга и кивнул в мою сторону, — Он предателем был.

Медик приподнял слипшиеся из-за крови волосы на затылке парня, где показалась татуировка. Я подошёл ближе, желая рассмотреть её лучше. На бледной коже бывшего лучника оказался маленький рисунок в виде раскрытого глаза. Выполнен он был плохо и уже почти стёрся, но для знающих остался хорошей отличительной меткой. С немым вопросом я посмотрел на медика, который понял всё заранее.

— Они так помечают друг друга. Глаз — это символ Серого Бога, которому они и поклоняются. Та ещё тварь, но паству собрала значительную.

Очень интересно. Значится, здесь уже есть как минимум два божества, которым поклоняются множество людей в этих землях, да так поклоняются, что почти дошло до полноценной религиозной войны. Нестабильная, однако, ситуация.

Бернд приказал заканчивать стоянку. Неизвестно, есть ли здесь ещё новые отряды фанатиков, но ещё одной стычки отряд может не перенести. Потому Бернд построил нас

сразу в походный порядок, чтобы не тратить времени на перестройку в боевой. Я же наконец смог вытянуть из трупа своё копьё и получил один из трофейных щитов.

По пути мы заглянули в лагерь, где забрали всё оставленное имущество. Трофейное же оружие повесили на пленников, согнувшихся от веса возложенной на них ноши. Выйдя на тракт, я поравнялся с Фабрисом, надеясь вызнать побольше информации насчёт местных божеств. Не успел я поравняться с медиком и вобрать воздух в лёгкие, как медик первый выпалил вопрос.

— Ты правда умеешь считать в голове такие числа? — поправляя лямки рюкзака на плечах произнёс Фабрис.

— Да. Не веришь?

— Сложи четыреста пятнадцать и двести девяносто два.

— Семьсот семь. — меньше, чем через секунду ответил я.

— Минус триста шестьдесят восемь.

— Триста тридцать девять.

Впрочем, двумя ответами старик не удостоверился и пришлось провести ещё несколько операций с этим числом в голове. Над каждой операцией старик думал в несколько раз больше меня, но в конце всегда согласно кивал. Математику я перестал любить ещё в тот момент, когда в прекрасный мир цифр и чисел вторглись буквы. Однако всё что связано с умножением, делением, сложением и вычитанием, пусть даже на дроби, получалось отлично.

— Где научился так считать?

— Не знаю. Мне орк голову отбил, и я почти всё забыл.

— Ещё и стихи сочиняешь? — улыбнулся врач, — А читать и писать?

— Сильно сомневаюсь. — помотал головой я, — На мои вопросы ответишь? Что за Серый Бог? Как всё устроено в церкви святой Юганы? Кто граничит с графством? Почему ты сам умеешь считать в уме?

— Как много вопросов... Давай по порядку. Серый Бог по легендам появился из священной скалы Карентьяр, когда в неё ударила молния несколько тысяч лет назад. Он якобы является самым воплощением чистой энергии планеты, самосоздавшийся из всех наших грехов. Он мог превращать воду в вино, движением пальца тушить самый жаркий огонь и своим дыханием оживлять существ. Выглядит как высокий человек с серой кожей, длинными конечностями и с большим глазом вместо головы. Рисунок глаза просто символ для того, чтобы узнать своих.

— По твоим рассказам Серый Бог не выглядит как злое существо. Вроде даже добрый.

— Согласен, так сначала подумать можно. Вот только настолько этот Бог добр, что прокликает не самих грешников, а их детей и их светлые души, и обещает нам всем скорый Великий Суд, где даже самый праведней человек ответит по всей строгости. Это Бог не жизни, а смерти. Вот его последователи и хотят ускорить Великий Суд, чтобы наш «страшный» мир исчез быстрее, ведь чем меньше живых, тем меньше нужно судить.

— Ладно... — протянул я, осознавая, что больше запутался, нежели узнал нечто новое, — А как всё устроено в местной церкви?

— Тут всё гораздо сложнее. — почесал свой сухой подбородок Фабрис, — Югана сама по себе не является божеством. Она лишь часть Восария. — увидев непонимание в моих глазах, он продолжил, — Восарий — предок всего человечества. Он создал всё что ты видишь вокруг себя: реки, леса, поляны, небо, землю, всех животных и насекомых. Но

человек оказался столь сложным существом, что Восарий просто не смог создать его сам. Тогда Восарий разделился на четырёх Высоких Предков: Салота, Харгано, Карулу и Югану. Все они начали работать над человеком, создав четыре народа, которые должны были жить в мире и согласии, но человечество оказалось слишком злым и не желало жить вместе. Начались кровавые войны, и Высокие Предки не смогли стерпеть этого, но и бросить своих детей тоже не могли. Потому увели своих детей по разным сторонам света, которые потом развились в народы и государства. Потому в церкви нашей четыре почитаемых Высоких Предка. Каждые двадцать лет в храме на горе Харимп собираются высшие члены церкви, ведущие споры меж собой и убеждающие остальных в том, что именно его Высокий Предок является главным и именно тот, кто смог убедить остальных становится Тантопой до следующего собрания.

— Какая-то ненадёжная конструкция в этой церкви.

— И вновь я с вами согласен, Вадим. Далеко не всегда такие встречи оканчиваются простыми беседами. — в голосе Фабриса чувствовалась большая грусть, — Я состоял при отряде сопровождения Тация Келинского. Семь лет назад был последний Харимпский Собор и именно он был мудрецом, что отправился на него отстаивать святость Юганы. Тогда было слишком много мудрецов, и никто не хотел отступать. Кто же мог тогда догадаться, зачем Таций взял с собой несколько десятков воинов из Келинского монастыря. Когда все беседы, доводы и уговоры закончились, то заговорила сталь. Слишком сильно мы были разгорячены спорами и пустить в ход оружие казалось слишком хорошим решением. Нам хватило считанных мгновений, чтобы залить Собор кровью и именно на этой крови Таций стал Тантопой и будет им ещё тринадцать лет. Тогда я и ушёл из церкви.

— Сменил одну кровавую работу на другую? — выпалил я ещё до того, как успел обдумать слова врача.

— Правду говоришь. Молодец. — без тени издёвки произнёс лекарь, — Да, но теперь я не предаю и не обманываю себя. Тем более, что жить на слепой вере не очень получается. Здесь я хотя бы могу свои навыки применить на деле и столько событий уже пережил, что за четыре жизни службы за монастырскими стенами даже близко бы не увидел. Вот так вот.

— Значит ты бывший монах... Это многое объясняет. Скорее всего ты и читать умеешь. Научишь?

Фабрис посмотрел на меня изучающе, прищурившись. Недолго подумав, он утвердительно кивнул, и мы продолжили свой путь.

Уже глубокой ночью мы смогли вернуться к городу. Сил едва хватило на то, чтобы разбить палаточный лагерь и приготовить нехитрый ужин. Отряд собрался на земле вокруг костра, над которым кипел котёл с похлёбкой, откуда тянулся непередаваемыми флюидами вкуснейший запах, от которого желудок активно ворчал. Пришлось глотать быстро накапливающиеся слюны и смотреть на медленно вычерчивающийся на земле рисунок. Рисовал его Фабрис с помощью длинного прута, объясняя местную геополитическую ситуацию. Удивительно, но бывший монах обстановку знал просто на «отлично», да и объяснять умел не хуже.

Оказывается, что сейчас мы были практически на самом западе известных земель. Называли этот континент Карлион и, судя по карте Фабриса, на востоке лежали обширные и неизвестные земли, именуемые Великой Пустошью. С юга континент омывало большое море, отдалённо напоминающее месяц или серп, наполненное множеством больших и малых групп островов, каждая из которых имела своё имя, впрочем, не впечатавшиеся в моей

памяти. С севера лежало безжизненное Ледяное море, бороздимое только ладьями суровых суров. Их страна лежала прямо на границе с Великой Пустошью и была полна широких рек, по которым суры много торговали с южными государствами.

Наше королевство было сильно разделено и во многом благодаря не только монастырям Юганы, но и тому, что прошлый король оставил слишком много наследников, каждый из которых претендовал не только на собственные феоды, но и на управление всей Ларингией. Формально королевство продолжало быть единым, но фактически разделялось на пять независимых частей, каждая из которых управлялась одним из наследников погибшего короля Людовика Синее Солнце. Столицу Акреон занимал старший сын Феодор. Возможно, что передача власти могла бы пройти достаточно мирно, но здесь вмешался уже известный мне Таций Келинский. Он, по рассказам Фабриса, тайно поддерживал остальных претендентов на трон, подкидывая дров в горящий конфликт на территории королевства, из-за чего нередко были пограничные столкновения меж детьми Людовика и даже полноценные военных походы с сотнями, а то и тысячами одновременно участвующих воинов. Пока что их силы были недостаточны для ведения тотальных компаний на уничтожение друг друга, но кто знает когда это время настанет. Помимо плетущего интриги Тация, культистов Серого бога и личных притязаний наследников, всё больше смуты вносили дома Рюгланда и набеги язычников-ватанийцев. Де-юре Рюгланд, лежащий на восточной границе королевства, подчинялся Ларингии, но по-факту дома, даже при жизни Людовика Синее Солнце, были достаточно своенравны, а сейчас, когда в королевстве не было центральной власти, то они вовсе перестали подчиняться каким-либо указаниям из Акреона, ведя полностью независимую политику лишь в собственных интересах, поддерживая того из претендентов, что может дать больше прибыли и уступок местным домам. Ватания же — земля практически неприступная для любого воинства. Густые зелёные леса, растущие прямоком на крутых горных скалах, рожают суровых воинов, дающих отпор всем, кто попытается напасть на их дом, с такой яростью, что многие называют их не иначе, чем дьяволами. Ватанийцы есть союз племён, расселившихся вокруг огромного озера Ватан прямоком на вершине занимаемых ими гор, от названия которого и получили своё имя. Именно из этого озера и текла на юг великая река Рюг. К озеру вело всего несколько дорог, каждая из которых перекрывалась древними каменными крепостями, древние стены которых выдержали уже тысячи осад. Ватанию пытались завоевать короли Ларингии, войска монастырей Высокий Предков, дома Рюгленда и целые армии искателей приключений, но каждая попытка оканчивалась неудачей. Ватанийцы не пытались расширяться, но раз за разом спускались с гор большими армиями, разоряя все окрестные земли. Король Людовик на какое-то время смог усмирить язычников, построив напротив пограничные замки, но теперь они были в запустении и не представляли какой-либо опасности для набегов горцев, оставшись лишь разваливающимся памятником некогда золотой эпохи Ларингии. На Юго-Востоке лежало ещё одно королевство, издавна соперничающее с Ларингией. Имя ему было Тартос.

В такой вот непростой ситуации и приходилось существовать мне и нашему отряду. Впрочем, для кого война, а для кого мать родна. Для нас это было скорее хорошо, поскольку работы для солдат удачи только прибавлялось.

Фабрис дал мне уж очень много информации, которую было необходимо переварить. Множество сил, каждая из которых действует в собственных интересах, пытаюсь либо продвинуться как можно ближе к власти, либо извлечь из сложившейся ситуации

неопределённости как можно больше прибыли. Ситуация сложная, но абсолютно обычная для средневекового государства, в котором мне придётся жить. А может рвануть в государство суров? А как оно точно называется? Царство? Княжество? Империя? Хех. Надо бы узнать точно у Фабриса, хотя сейчас у меня слишком мало знаний не то, чтобы добраться до другой страны, а даже перебраться из города в город. Больно сложная для меня задача. По крайней мере пока.

Глава 5. Логово

Всю ночь я проспал спокойно. Меня не будили, даже учитывая, что я предлагал последить за пленными, которые так и продолжали стоять на коленях всю ночь. Упёртые ребята. Выбравшись из палатки, я сладостно потянулся и взглянул вперёд по дороге, где медленно скакали три всадника.

Схватив своё копьё, я метнулся к Бернду, который сидел на пне и считал весь полученный вчера хабар, коего оказалось более чем прилично. Не знаю, какие здесь цены, но в моей реальности могло стоить более чем прилично.

— Там конники. Трое.

— А вот и церковники объявились. Отлично. — Бернд хлопнул себя по коленям и поднялся на ноги, уходя к дороге.

Практически весь отряд вышел на встречу кавалеристам, исключая лишь Фабриса, который, похоже, не хотел встречаться с бывшими коллегами и остался охранять взятых вчера пленников. Похоже, что Бернд мало верил воинам святой Юганы, поскольку приказал своим бойцам облачиться в доспехи и встречать новоприбывших с оружием. Подняв небольшое облачко пыли, кавалеристы остановились у дорожки, ведущей в наёмничий лагерь.

— Господин аббат, вы так быстро прискакали? Не ожидал, не ожидал. — улыбнулся Бернд, разводя руки в стороны, — Надеюсь, что вы привезли обещанное нам вознаграждение. Желательно в золоте. — командир вытянул свой фальшион и блеснул идеально отполированным клинком.

Я был, мягко говоря, поражён. Не знаю, насколько же крепка здесь власть местных церковников, но в открытую угрожать аббату с двумя тяжёлыми кавалеристами, пусть и держа за своей спиной отряд наёмников, было очень и очень смело.

Пока командир говорил свою приветственную речь, то я с интересом рассматривал аббатских попутчиков. Было видно, что аббат не экономил на вооружении и снаряжении своих помощников. Крупные кони кавалеристов были защищены бронёй из крупной кольчуги, достигающей колен животного, а голова была дополнительно укрыта стальной пластиной, наверняка способной отразить выпущенные в неё стрелы. Сами же бойцы имели комбинированный доспех. Туловище своё они защитили короткой кольчугой, поверх которой была накинута набивной гамбензон без рукавов. Кисти, предплечья и голени были укрыты за латными элементами, а на голове шлем больше похожий на бациент с пристёгнутой к нему бармицей. Из оружия были длинные достаточно короткие, примерно два с половиной метра, кавалерийские копья, небольшие треугольные щиты и боевые молоты-клевцы на длинных рукоятках. Если это охранники аббата из не самого богатого города, то было страшно представить, какие войны могут прийти из самых богатых монастырей, а то и из личного войска Тантопы. Понятно почему многие боятся выступать против церковников.

Священник недовольно фыркнул и покачал головой, но всё же соизволил ответить Бернду, — Сначала мне нужны доказательства выполненной работы, а только потом будет оплата.

— Не проблема. — улыбнулся во все зубы Бернд, — Вон там. — командир указал клинком в сторону, где в небольшую пирамиду были сложены три мешка, — Тридцать семь

голов. Некоторые изрядно попорчены, но тут ничего не поделаешь — издержки профессии.

Аббат кивнул одному из своих помощников и тот спустился с коня, направившись к окровавленным мешкам. За каждым его действием внимательно следил Сезар. Бородач выглядел спокойным как древняя скала, смотря за церковным воином, держа на плече свой устрашающий топор. Не смотря на внешнюю умиротворённость Сезара, я был уверен, что в одночасье он сможет снести голову аббатскому охраннику и доспех церковнику вряд ли поможет.

— А кто эти люди? — аббат глянул в сторону стоящих на коленях пленников, — Святая Югана запретила забирать в рабство свободных людей. Церковь покарает вас за это. — голос служителя церкви приобрёл угрожающие нотки.

— Аббат Висконсий, как вы можете так говорить?! — Бернд сделал обиженное выражение лица, — Я честный последователь Высоких Предков и никогда не нарушал данных ими законов. Эти же люди грязные еретики, посмевшие посягнуть на наши святыни. В плен я их взял в бою, так что они моя законная добыча.

— Передайте их мне. Я найду им стоящее их преступлениям наказание.

— В том, что ваши заплочных дел мастера смогут их расколоть — не сомневаюсь. Вот только, где вы видели, чтобы наёмник что-то делал, да ещё и бесплатно? Если такое случится, то на наши земли обрушатся такие бедствия, — Бернд воздел руки к небу, будто бы показывая всю ту величину последствий, которые могут нас настичь, — что, простите, нас ни Югана не защитит, ни любой другой Высокий Предок.

На лице аббата, точно как на моём, отобразилась вселенское непонимание. Достаточно было понять, шутит ли командир «Кабаньих голов» или же говорит на полном серьёзе. Тем не менее, к тому моменту, помощник аббата закончил свой кровавый подсчёт и показал вытянутый большой палец. Висконсий задумался и потёр свой обвисший подбородок пятернёй. Раздумывал он недолго и задал лаконичный, а главное правильный вопрос, — Сколько?

Бернд же задумываться и не собирался. Похоже, что командир давно уже всё подсчитал, — За каждую голову вы обещали по пятнадцать медных людонов, а за всех троих, замечу, живых пленников, я попрошу всего три ломана. Очень выгодное предложение. Так что с вас я хочу всего лишь двадцать шесть ломанов.

Аббат поиграл желваками и потянулся к толстому кошелью, что висел на его шёлковом поясе, который подпоясывал его сутану. Высчитав выданную цену, он перебрал несколько блеснувших монет в другую мошну, после чего кинул похудевший кошель в руки наёмника. Бернд ловко схватил его в воздухе и пересчитав награду, одобрительно кивнул Фабрису, пихнувшему пленников в спину древком копья. Помощники аббата приторочили к сёдлам окровавленные мешки и выстроили пленников в цепочку, перемотав их шеи толстой пеньковой верёвкой.

Если зрение меня не подвело, то аббат отсчитывал именно серебряные монеты. Жаль, что не было видно рисунка ни на аверсе, ни на реверсе. Вспоминая монеты, висящие в кошельке у меня на поясе, то там были коряво отбиты круги, сильно смахивающие на солнце. Вполне было возможно, что это были именно те ломаны, которые получил Бернд в качестве вознаграждения и похоже, что у меня сейчас была достаточно немаленькая сумма.

— Я сомневаюсь, что это все культисты. Они насмерть встали на этой дороге. Хоть это и фанатики, но голова у них на плечах есть, а значит, что они наверняка не хотели нас куда-то пропустить. Так что, если вы хотите решить проблему дольше чем на месяц, то советую

доделать работу до конца. И мы можем с этим справиться.

Аббат, уже было отворачивающий голову лошади в сторону, повернулся обратно. Было видно, что священник сомневался, что отлично отобразалась на упитанном лице. Сомнение церковного деятеля было более чем обосновано. Если наёмник о чём-то говорит, то делает это не просто так, а с целью наживой и наживой не маленькой. Но, исходя из слов Фабриса, культисты были большой занозой в гузне феодалов и церковников, грозящей для многих высший чинов церкви, как минимум разжалованием, а слазить с тёплого места никому не хочется.

— Людей у тебя мало, наёмник. Сейчас денег с меня возьмёшь, а тебя в лесу как свинью заколют. — надменно ухмыльнулся церковнослужитель.

— О людях можете не беспокоиться. Сорвиголов как грязи, так что это не проблема. И денег не возьму сейчас. Как выполним работу, так и оплатите. Знаю, что вы, святой отец, человек слова и обманывать не будете.

— И в какую цену святой церкви обойдутся услуги «Кабаньей Головы»?

— Всё то, что будет в логове — наше. Исключая, конечно, святые реликвии церкви.

— Хорошо. — всадник кинул Бернду какую-то шайбу, кою Бернд тоже ловко схватил.

Ответив, аббат развернулся и поскакал обратно в сторону города. Мне было непонятно зачем вообще было нужно договариваться с аббатом для совершения этой атаки на логово фанатиков. С этим вопросом и обратился к Фабрису.

— Мы наёмники, а не церковное войско и уж тем более феодальное войско. — Фабрис устало стянул с лица тёмный платок, скрывающий его лицо от церковных гостей, — Представь себе отряд вооружённых и окровавленных людей, тянущих за собой телегу с добычей, а в нашем случае и с головами. Представил? А теперь подумай, как должны реагировать конные разъезды, завидев такую компашку. Хорошо если нас не забросают копьями или стрелами только завидев. Вот чтобы такого не случилось, Бернд взял у аббата его печать. Так мы можем показывать, что работаем в интересах церкви Высоких Предков. Безопасность.

Ответ Фабриса был более чем логичен. Всё таки, раций в этом мире ещё не было и не факт что будут, так что связаться с незнакомцами на почтительном расстоянии просто не получится. Вот и приходится пользоваться старым и проверенным методом: «сначала бей, а потом спрашивай «кто таков?». Так как-то надёжнее, да и спокойнее, а печать это хоть какой-то оберег.

Всю последующую неделю нашему отряду пришлось перегруппировываться и стараться делать это как можно более активно. Нужно было набрать новых бойцов, постараться их обучить хотя бы держать щит и копьё с нужной стороны. На это всё требовалось время, которое, как мне казалось, сейчас было важнейшим ресурсом. Я было хотел рассказать о своих догадках командиру, но меня как обычно остановил Фабриса, рассказав о том что фанатики не самые расторопные люди и если они уже где-то обосновались, то будет держаться там до последнего своего воина.

Через семь дней мы, наконец, были готовы. За это время мы потратили уже половину от той суммы, что получили за выполнение предыдущего заказа. Я до сих пор не понимал всю ценность даже одной монеты, но всегда казалось, что за такую сложную и кровавую работу должны платить очень и очень немало. Однако, вездесущий Фабрис постоянно успокаивал меня, говоря о том, что такие вложения в отряд окупятся сторицей. Этот старый медик жил здесь, по сравнению со мной, в несколько тысяч раз больше и уж точно лучше понимал

состояние местной экономики.

Всю эту неделю, пока было относительно свободное время, я старался постичь умение хотя бы читать на лоринском языке. Как и полагалось, он был сильно похож на французский, но это мне очень слабо помогало. Если ещё в школьные годы у меня получилось маломальски обуздать английским, но с местным языком всё шло куда как сложнее. За всю ту неделю, и то благодаря «памяти» моего тела, мне едва удалось научиться читать, ровняясь со скоростью черепахи. Очень и очень медленно, иногда ошибаясь с ударениями и вообще игнорируя пунктуацию. Однако Фабрис меня обильно посыпал различными хвалебными эпитетами. По началу это крайне сильно раздражало, но позже я попривык.

Теперь нас было три десятка человек. В средневековье такая ватага могла наворотить очень много дел, одни викинги чего стоят, но надо понять, что реальными бойцами здесь было от силы пятая часть. Ещё трое, включая меня, провели только один бой, который, впрочем, был сильно кровавым и больше похожим на свалку, нежели на контролируемый бой. И, всё-таки, под руководством хорошего военачальника, даже группа крестьян с дисциплиной может выдать крепких звиздюлин тем же рыцарям. Швейцарцы это отлично показали, побив всех своих соседей крепкими дрынами.

На этот раз мы выдвинулись ближе к вечеру. Всю неделю Бренд посылал Зефа на разведку в лес, желая выискать пристанище фанатиков, и это ему удалось. За день до планируемого выхода в лес, Зеф неожиданно появился ночью, блистая улыбкой во все свои оставшиеся двадцать семь зубов. Он сообщил о том, что лагерь оказался очень глубоко в лесу, из-за чего поход может оказаться очень опасным. Почему так? Если фанатики здесь уже довольно давно, то наверняка нашли все возможные подходы к своему местоположению и точно озаботились о том, чтобы никто особенно любопытный не смог до них добраться.

Однако, было решено идти в атаку. Похоже, Бренд рассчитывал на внезапность атаки и на то позднее время, когда наш отряд и выдвинулся в атаку. Я шёл в арьергарде отряда, сжимая своё копьё и новенький щит. Мне даже выдали плотный кожаный жилет, вряд ли способный выдержать хоть немного серьёзный удар, но в нём было спокойнее, так что я не жаловался.

А вот лес, с каждым шагом оказывающийся всё ближе, вызывал у меня не самые приятные ощущения. Если в первое его посещение мне всё казалось игрой и чем-то несерьёзным, то теперь, помня бойню неделю назад, откровенно боялся входить внутрь. Да и темнота ещё больше сгущала краски, всё больше давя на психику. Мои ощущения сильно контрастировали с остальными бойцами группы, даже с теми, кто только недавно вступил в отряд. Все они были максимально спокойными, а Сезар и вообще бы насвистывал какую-нибудь песню, если бы не необходимость соблюдения такого режима «тишины».

Мы подошли к зелёной стене леса и меня передёрнуло всем телом. Ночью человеку всегда было некомфортно, а мне, как городскому жителю, было ещё хуже. И всё же, пришлось перебороть себя и вступить на территорию леса.

Из освещения у нас был только тусклый лунный свет, практически полностью перекрываемый густыми кронами деревьев. Приходилось двигаться практически вслепую, нащупывая дорогу впереди себя наконечником копья и ориентироваться на тёмные фигуры идущих впереди бойцов. Не смотря на ночь, лес был полон звуков. От лёгкого ветра шуршала листва, где-то рядом сверчок исполнял свою песню, а в глубине леса угукала сова. Шум от перемещающегося отряда казался здесь чуждым и не естественным.

Из-за каждого куста мне мерещились глаза, смотрящие прямоком в душу. Хорошо, если

это был человек, ведь у меня были хоть какие-то шансы его убить, но мысль о том, что где-то там может прятаться бешеный орк или какой-то другой представитель местной фауны, от которого можно ожидать чего угодно, вызывала у меня табуны мурашек по спине.

Единственное, что нас спасало, так это несколько охотников, присоединившихся к нашему отряду. Пришли они не из-за обещаемых денег, а преисполненные религиозным рвением и желающие внести свой вклад в уничтожение местных фанатиков. Хотя, нельзя было отметить и того, что был и материальный интерес в их действиях. Сектанты устроили своё логово в обширном лесу, что являлся вотчиной графа, в которой имели возможность промышлять эти охотники. Вот только снующие тут и там отряды сектантов, делали охоту фактически невозможной. Из-за этого они не могли в полном размере выплачивать возложенные на них налоги, да и получение дополнительных средств были очень немалым бонусом.

Вот эти самые охотники и вели нас по лесу сквозь одни им известные тропы. Вот только скрытно передвигаться большой группой, не привыкших к такому людей, было, мягко говоря, невозможно. Как бы не старались медленно продвигаться в глубь, тщательно выбирая место для каждого шага, но от нас всё равно было шума как от бронепоезда. Оставалось только надеяться на то, что сектанты просто не догадались выставить засады.

Плутали по лесу мы не один час. Ближе к концу мне уже начало казаться, что нас просто ведут в ловушку или то что наши проводники уже сами потеряли дорогу. Но все мои сомнения развеялись в тот момент, когда вдалеке слышались очень звонкие звуки. Было ощущение, что несколько человек активно работали кирками, разрабатывая какую-то каменную жилу.

Звук заметил не один я и весь отряд практически в одно мгновение пригнулся, скрываясь в густой поросли от невидимых наблюдателей и сводя исходящий от нас шум до минимума. Неожиданно, как будто из самой тьмы, пред мной образовался Зеф, снявший с себя весь доспех и оставшийся только в своей лёгкой одежде. Наёмник ткнул меня в плечо и жестом приказал двигаться за собой.

В темноте мы вдвоём стали продвигаться всё ближе к раздающимся звукам. Зеф, как мог, жестами объяснил, что мы продвигаемся на разведку. Стало понятно, почему он отказался от защиты, ведь громоздкий доспех только мешал скрытному передвижению.

Через несколько минут мы приблизились к стоянке культивистов. Зеф шёл впереди, крепко сжимая рукоять сабли. На границе лагеря во весь рост стоял человек, смотрящий в сторону лагеря. Наших здесь быть не могло, ведь ещё две группы пошли вокруг лагеря с других сторон, собирая всю нужную информацию.

Зеф рванулся вперёд, сделав три размашистых шага и наступив на ветку, хрустнувшую под его весом. Неизвестный наблюдатель попытался успеть развернуться, но наёмник оказался слишком быстр. Одним выверенным и отточенным движением он рубанул саблей, попав примерно в основание шеи. Наблюдатель умер моментально и рухнул бы на землю, если бы я не успел подхватить его и аккуратно положить на землю, заляпав руки в горячей крови.

Оказывается, лагерь фанатиков был расположен в небольшой низине, больше напоминающей начало для разработки шахты. На это намекали десятки людей, длинной вереницей опускающихся по диагональному спуску и возвращаясь оттуда с набитыми до краёв мешками, которые они высыпали, только выбираясь по пологой лестнице из низины. Работники были одеты в рванину и были больше похожи на пленников, нежели на

свободных людей. К тому же, вооружённых людей там было всего несколько бойцов на десятки работников и всё их внимание было направлено исключительно на подневольных людей.

— Рабы? — повернулся я к Зефу, который сидел в кустах рядом со мной.

— Похоже на то.

— То есть они охраняли шахту в глубоком лесу и за это четыре десятка голов положили? Бред какой-то.

— Бред не бред, но что-то им там важно, а значит оно скоро будет нашим.

Несколько минут мы продолжали следить за происходящим в шахте. Работающие люди выглядели крайне изнеможденными и едва переставляли ноги, волоча за собой наполненные мешки и корзины, но даже их малая скорость работы компенсировалось числом людей. Я даже попытался было их сосчитать, но вскоре понял, что это бесполезно, ведь перемещения людей не прекращались ни на секунду, а потом Зеф и вовсе скомандовал отходить обратно.

Остальные отряды так же вернулись примерно в то же время и Бернду пришлось очень быстро придумывать план атаки. Однако ничего особого выдумывать главарь отряда не стал. У нас не было ни времени, ни большого количества стрелков, ни знаний о том что происходит дальше спуска в шахты. А потому было просто решено атаковать. Глупо? Да. Опасно? Естественно. Дибиллизм? А вот тут уже как сказать. Бернд был уверен в своих ветеранах, а учитывая ночное время, можно рассчитывать на сильнейшую сумятицу в рядах врага.

Мы выстроились клином. Это было одной из самых распространённых формаций в раннем средневековье, но к эпохе высокого средневековья уже потеряло свою актуальность, но для разборок небольших групп воинов, не обладающих кавалерийскими силами и большой массы тяжёлой пехоты, до сих пор имела шанс на жизнь.

Впереди стали самые опытные бойцы группы, среди которых оказался и я, пока немногочисленные лучники остались на склонах перед низиной с единственной целью прикрытия основного отряда. Биться плечом к плечу с опытными товарищами было куда как сподручнее, а потому даже страх отступил пред жадой боя.

Бернд скомандовал наступление, и наша группа устремилась в атаку. Напор оказался столь неожиданным и яростным, что сектанты из надсмотрщиков, даже не попытались оказать сопротивление, сразу попытавшись отступить внутрь шахты, но меткая стрельба от наших лучников не дала им этого сделать. Под крики испуганных рабов мы ворвались внутрь узких коридоров шахт, где было лишь чуть светлее, чем на улице. Именно в этих узких коридорах и развернулась жестокая схватка. Мы с неведомой яростью кололи, резали, рубили, продвигаясь вперёд. Шли тяжело, переступая через трупы, во множестве падающих перед нами. Наверняка там могли попасться и невинные люди, но в пылу боя о этом думать времени просто не было. Скорее лишние мысли были помехой, мешающей в кровавом бою. Пальцы скользили по древку из-за налипшей на него крови, но я всё сильнее сжимал их, полностью перестав хоть что-то чувствовать. Бить. Замахнуться. Ударить. Замахнуться. Ударить. Нехитрая комбинация, которая пульсировала в голове, заставляя продолжать переть вперёд, перестав чувствовать боль. Коридор сменялся коридором, а боевой кураж вёл меня вперёд.

Не знаю когда всё закончилось. Неожиданно стало тихо. Не было не звона железа, ни криков бойцов, ни стонов раненных. Тишина разрывалась только моим тяжёлым дыханием. Я стоял посредине большого помещения, опираясь на копьё и пытаюсь устоять на ногах.

Быстро схлынувший адреналин вновь заставил меня трястись как последнего наркомана. Остальные воины отряда уже сели на землю, переводя дыхание.

Все мы от крови до пят были залиты кровью и это было неудивительно. Бой был больше похож на бойню. Фанатики практически не могли оказать какого-либо сопротивления, отступая с каждым шагом всё глубже и глубже в тёмные коридоры шахт и с каждым метром теряли людей. Да, их было больше, но слишком уж слажено бились воины «Кабаньей головы». Пока как сектанты выглядели как скомкивающийся сброд, то наёмники использовали узкое пространство коридоров шахт, где в ширину могло разойтись не больше трёх человек и то плотно сомкнувшись. Пока Первый ряд держали на своих щитах множественный удары, пока второй пользовался своими длинными копьями, забивая врагов из-за спин товарищей, упорно сокращая их численность.

Но и у нас без потерь не обошлось. Не смотря на неожиданность нападения и высокий боевой дух новоиспечённых наёмников, опыта и выучки им очень не хватало. Ещё в начале атаки многие из них рвались вперёд, желая как можно скорее разбить ненавистных им еретиков, но, похоже, не понимая всю серьёзность стычки, часто умирали. Они размыкали строй, не смотря на окрики и приказы Бернда. Потому, большую часть работы выполнили прошедшие не одну схватку ветераны. Да и в тёмных коридорах шахт из-за внезапных нападений фанатиков осталось несколько душ.

Оттерев лицо от крови тыльной стороной ладони, я бросил на пол своё оружие, звонко ударившиеся о каменные плиты. Резкий звук вывел меня из ступора, и я наконец осмотрелся. Я стоял посредине большого и пустого помещения, чем-то напоминающим глубокую пещеру, но слишком была слишком облагорожена для обычной полости естественного происхождения. Площадь пещеры была не меньше полтора сотен метров, но далеко не до всех стен доставал свет от множество горящих факелов, расставленных по полу. Свод, полный длинных сталактитов, утопал во тьме, а пол пещеры был выстлан обточенными каменными плитами, во многом покрытыми мелкими трещинами. В пещеры было холодно и я поёжился, но холод отступил пред открывшейся картиной. У противоположной стены пещеры возвышалась большая каменная плита, выдолбленная из какого-то чёрного камня. У его подножья лежало тело сектанта, срубленная голова которого валялась поодаль. Но это заинтересовало меня. В свете огня на поверхности плиты был высечен какой-то рисунок. С расстояния рассмотреть его нормально было невозможно и я подошёл ближе. На расстоянии нескольких шагов стало понятно, что камень был вполне обычным, а чёрного цвета ему добавляла засохшая кровь и была она далеко не от погибшего у её подножья сектанта. Было ощущение, что плиту просто облили чаном человеческой крови. Даже не смотря на только что прошедший кровавый бой, осознание этого факта заставило меня поёжиться.

Что же до рисунка... Он был исполнен достаточно грубо, но сюжет был вполне понятен. На плите была высечена скала, которая была разрублена надвое, а из неё выходил высокий человек с длинными конечностями и огромным глазом вместо головы. Этот глаз, не смотря на плохое исполнение, казалось, будто смотрел прямо в душу и следил за тобой, где бы ты не находился. От плиты веяло каким-то мертвецким холодом, цепенящим не только тело, но и сознание. Картинка перед глазами размывалась и наваждение всё больше поглощало меня. Не было не мыслей, ни звуков. Ничего. Я протянул руку вперёд, желая коснуться завораживающего глаза, но тут меня резко рванули за плечо.

Зрение через несколько мгновений вновь вернуло себе чёткость, и я увидел стоящего рядом Фабриса, тоже смотрящего на выбитую картину. Он был недоволен и медленно мотал

головой из стороны в сторону, покусывая высохшие губы.

— Рождение Серого Бога. «И родился он, и разверзлось небо, а земля разошлась. И вышел он из горы великой, и узрел наш мир ужасный. Теперь только гнев его и страшный суд может нас спасти.» — проникновенным голосом проговорил Фабрис, не отрывая от картины взгляда, — Четвёртый стих из книги Граессо. — перехватив мой непонимающий взгляд, лекарь дополнил, — Если хочешь побеждать, то нужно знать своего врага.

— Мужики, мы тут за добычей вообще-то. — окрикнул нас Бернд и голос его отразился от стен пещеры.

И командир был прав. Сколько бы не прошло лет с момента зарождения вселенной и начала первых войн, но любовь к мародёрству из воинов выветрить просто невозможно. К тому же, чутьё Бернда его в очередной раз не подвело и в этом странном месте и вправду оказалось много чего ценного. Похоже, что местные культисты стаскивали в эту пещеру абсолютно, всё что могло представлять хоть какую-то цену, из-за чего казалось, что это не место поклонения, а обычный склад. Всем этим и заинтересовался отряд.

Обыскивали склад мы несколько часов подряд и теперь я чувствовал себя работником склада, а не суровым наёмником. Однако, всё что мы нашли, в теории могло принести крайне много барыша, ради которого мы сюда и пробрались по трупам. Что удивительно, дак это то что мы практически не нашли монет, которые, судя по оплате нашего предыдущего контракта, здесь были в изрядном количестве. По большей части нашей добычей послужили различные товары, на сбыт которых потребуются время. Среди полученных вещей были: меха, окрашенные ткани, обувь, одеяла, различная посуда, хозяйственные инструменты, великое множество различной еды и алкоголя, разлитого в разную тару. Что особенно меня поразило, так это несколько сложенных друг на друга кругов соли, каждый из которых в диаметре был не меньше предплечья взрослого мужчины, а по весу был не меньше пяти килограмм. Если в моё время соль была самой простой специей и доступна почти всем людям по бросовой цене, то в средневековье порядка тридцати килограмм чистой соли было целым богатством. Она была нужна для консервации продуктов и без неё, например, было невозможно сохранить ту же рыбу больше чем на несколько дней. Та же венецианская республика богатела в первую очередь за счёт торговли солью, добычу которой осуществляли в Египте и Алжире. Одной только этой солью можно было расплатиться за всю нашу работу этой ночью.

Последнее что привлекло меня и товарищей, так это сундук, наполненный различными предметами религиозной направленности. По большей части это были выполненные из не самого качественного серебра квадраты, заключённые в круг. Да, в производстве они были гораздо сложнее, нежели привычные мне кресты. И всё же, они явно были добыты не из самых богатых, наверняка даже из деревенских церквей и монастырей. Хоть эти круги и были сделаны не без излишнего пафоса и драгоценных камней, но для нас это было плюсом.

— Мы их куда? Церковникам отдадим? — спросил я, кивком головы указывая на сундук с драгоценностями.

Все бойцы в очередной раз посмотрели на меня, словно на умалишённого. Зеф даже покрутил пальцем у виска и теперь я осознал, что не так уж и сильно здесь опасаются церкви, не смотря на всю ту силу, которую она сосредоточила в своих священных руках. Впрочем, это средневековье и против церкви здесь выступали полноценные армии.

Не вникнув в тонкую любовь к мародёрству, я поднялся наверх, наблюдая за испуганными рабами, которых ещё никто не собирался освободить. На улице было гораздо

свежее и не воняло тяжёлым запахом крови, который мне уже значительно надоел за время битвы за шахту. Они собрались в кучку, стиснувшись как можно более плотно и стараясь не отвечивать перед наблюдающими за ними новоиспечёнными наёмниками. Они даже не пытались освободить себя сами, не смотря на множество валяющегося на верхнем уровне шахты оружия. Я присмотрелся и заметил, что среди пленников были замечены раненные. Мне стало их жалко, и я уже хотел было спуститься вниз за Фабрисом, но мужчина был уже тут как тут, на ходу распахивая свою большую кожаную сумку со склянками и травами, коих он всегда держал в достатке.

Наёмники наконец собрали всё нужное только к моменту рассвета, когда я уже активно зевал, сидя перед большим костром вместе с пленниками, которые теперь уже не выглядели такими испуганными, как несколько часов назад, завидев наш многочисленный отряд. Что удивительно, так это то, что за всю ночь к нам не прибыл не один из оставшихся отрядов сектантов. Хотя, я был не уверен, что они вообще где-то остались.

К счастью, с этими самыми фанатиками, а точнее их мёртвыми телами и телами боевых товарищей, самому мне не пришлось возиться. Рабы, которые теперь чувствовали себя куда как лучше, ведь Бернд приказал им раздать часть отобранной у серобожников еды, с радостью вызвались сложить все тела в одну кучу и закидать ту наиболее горючими материалами. Этот приказ был исполнен всё также быстро и теперь пирамида из трупов у стенки шахты был закрыт смесью опилок и высушенной соломы из дранных лежанок пленников, которые им больше уже не понадобятся.

В конце концов, всех здоровых людей нагрузили хабаром на максимум и мы отправились обратно в город, даже забрав с собой раненных и подпалив ту пирамиду с трупами, костёр от которой быстро занялся и начал чадить чёрным дымом. Мне это показалось очень мудрым решением, ведь любой труп, будь это тело животного или человека, мог вызвать если не эпидемию, то точно не самое приятное заболевание, а сожжение тел — это сейчас единственное возможное решение этой проблемы.

В город мы вернулись только спустя несколько часов. Дорога обратно заняла раза в полтора больше времени, чем при нашем перемещении в сторону сектантского прибежища. Как известно, скорость отряда всегда измеряется скоростью его самого медленного члена, а при наличии у нас множества раненных людей различной степени тяжести, передвигались мы куда как медленнее. Сезар даже предлагал бросить раненных, но Бернд раз за разом отклонял предложения бородача, руководствуясь тем, что нам нужно как можно больше людей для большего престижа нашей честной компании, как освободителей невинных душ от злых сектантов.

За несколько вёрст до города, от отряда отделились Зеф и Сезар, унёсшие с собою тот самый сундук, полный серебряных религиозных предметов. Умно. Наверняка местный епископ захочет проверить весь тот хабар, что мы принесём в город, а делится честно добытым имуществом даже у меня не было большого желания.

В самую графскую столицу мы въехали героями, встретив множество горожан, встречающих нас цветами и овациями. Среди жителей нам встретился и Зеф, который успел припрятать порученные ему сокровища и добежать до города, оповестив жителей о том, что доблестный отряд «Кабанья Голова» и их героический командир Бернд освободили несколько десятков следователям единственно правильной веры, попутно утопив в крови логово сектантского отродья. Вышла очень неплохая рекламная нашей честной кампания для отряда. К тому же, среди пленников народ находил своих родственников, которые с великой

радостью и со слезами на глазах заключали друг друга в объятиях.

На встречу к нам вышел отряд из десятка церковников в полном облачении и на конях. Удивительно, но на этот раз Бернд не приказал готовиться к бою, что было достаточно логичным шагом. Всё таки, устраивать бойню посреди города и в большой толпе мирных жителей, было как минимум глупо и ближе к самоубийству, чем к равной схватке. Даже если каким-то чудом нам удастся победить хорошо слаженный и отлично вооружённый десяток воинов церкви, то кто потом окажется прав? Правильно. Мы. Даже если церковники нападут первыми, то в глазах остального народа мы будем просто кучкой дерзких наёмников, за голову которых назначат солидную сумму.

Но в этот раз и епископ не выглядел сильно враждебным. Он также радушно поприветствовал нас, а его помощник быстро пересчитал по головам всех освобождённых нами пленников и прошептал что-то на ухо местному главе церкви. Тот довольно покивал и жестом приказал перенести раненных куда-то. Наёмники передали конным монахам раненных и теперь слушали речь от епископа.

— Возрадуемся же! Благодаря нашей вере и помощи святой Юганы, доблестным воинам удалось освободить людей, пленённых безбожными еретиками! Это в очередной раз показывает, что только верой можно решить все проблемы нашего бренного бытия! Но теперь нам нужно молиться за те души, которые не удалось спасти! — епископ воздал руки к небу, даже не слезая с коня, а толпа и некоторые наёмники рухнули на колени, вразнобой шепча молитвы, — Теперь всеми ранеными займутся наши монахи.

Бернд скомандовал нам жестом и наш скромный отряд пошёл вперёд через толпу, распахивая не самых расторопных горожан, продолжающий свою заунывную молитву. Оказавшись в лагере, я просто рухнул на свою лежанку и закрыл глаза. Слишком уж тяжёлым оказался весь предыдущий день, и я быстро провалился в сон.

Глава 6. Обновки

Оказалось, что сбывать товары даже в крупном городе оказалось не самым быстрым предприятием. Бернд каждый день совершал по несколько сделок, стараясь выуживать из других торговцев как можно больше денег. Он использовал все возможные приёмы красноречия, как, только не изворачиваясь перед покупателями. Из-за его прижимистости наше пребывание в городе растягивалось всё больше и больше. Благо, теперь находились мы не в полевом лагере в промёрзших палатках, а полностью сняли не самый дешёвую из городских таверн и спали в достаточно комфортных для этого кроватях, покрытых свежим сеном и под тёплыми шерстяными одеялами.

Благодаря высокой прибыли с последних контрактов, Бернд всерьёз задумался о том, чтобы значительно расширить численность отряда до трёх десятков голов, находящихся в отряде на постоянной основе, а не набираемых по случаю. Да и по качеству они должны были быть не бродягами в жалком облачении, а вполне боеспособным воинством, которое смогло бы конкурировать на наёмничьем поприще. Вот и гонял Бернд новобранцев, приводя их в нормальную физическую форму и наводя крайне важную дисциплину. В этих тренировках с радостью участвовал и я, только дополняя их более современными мне упражнениями, которые заинтересовали многих наёмников. К великому сожалению, этому миру было далеко до момента, когда изобретут больших перечень тренажёров и сейчас обходились чем было, делая ставку на выносливость.

Я и в том теле был далеко не аполлоном, но с более отточенными движениями и правильно развитым телом, что безусловно радовало. К тому же и строевому бою обучиться было не лишним.

В один момент, в очередной раз пересчитывая свои богатства, к которым прибавилась, и доля от прошлой двух контрактов я задумался о том, чтобы получше защитить свою тушку. Ветеранам досталось в разы больше, но поскольку я до сих пор находился в звании рядового, то приходилось довольствоваться целой серебряной монетой, а здесь это было правда большой суммой, так как в год целая крестьянская семья могла жить на тридцать таких монет, а семьи у крестьян далеко не маленькие. Не редки были случаи, когда под одной крышей могли уживаться до двух десятков детей и взрослых.

Вот и выходило, что теперь у меня было целых четырнадцать серебряных монет с изображением солнца. Большая сумма, которую нужно было куда-то девать. Хотя до капитализма это общество вряд ли развилось, но правило, что деньги не должны лежать без дела, накрепко засело у меня в голове. А куда лучше потратить деньги человеку, который каждый рабочий день может получить несколько колото-резано-рубленно-дробленных ран? Правильно — в сохранность своей очень важной черепашки. Да, Бернд вполне мог выдать мне хоть какое-то защитное снаряжение, ведь он также был заинтересован в том, чтобы наиболее способные и умелые воины продолжали нести службу в его отряде, но мне будет гораздо спокойнее, если моё тельце будет защищено чем-то большим, чем тонким слоем домотканой туники. Ожидание момента, когда Бернд выделит мне что-то лучшее может быть чревато смертью, а уж потом мне будет не до защиты.

С такими мыслями я и направился в город в поисках бронника. Кошель я перевесил под живот, да так, чтобы его было в разы сложнее украсть. Буду честен — боялся потерять деньги впустую. Одно дело, когда деньги хранятся на тонкой пластиковой карточке, которую

в любой момент можно без особых проблем восстановить, а другое, когда ощущаешь реальный вес монет и в случае кражи никто вам их не восстановит. Украли — сам дурак и поделом тебе. К тому же, в ближайшей перспективе заработать столь большое количество серебра мне будет проблематично.

Оказывается, что в графской столице бронник был далеко не один, отчего выбор элементов защиты оказался более чем впечатляющим. Это заставило меня не один час ходить от мастера к мастеру, прикидывая удобство, качество и цену всех доспехов. Задача оказалась уж очень сложной и мне даже пришлось отвлечься от неё, купив в местной кулинарии пару каких-то причудливых треугольных булочек, начинкой которым служили порубленные яблоки вперемешку с мёдом. Они оказались изумительно вкусными, и я поймал себя на том, что уже отвык есть хоть что-то сладкое ввиду отсутствия у местных торговцев сахара.

Так вот, вернусь к моим обновкам. От идеи покупки полноценной кольчуги мне пришлось быстро отказаться по очень банальной причине — больно она дорогая, даже не смотря на развитие металлургии. Даже если бы я взял все свои деньги и пустил бы их на приобретение натальной брони, то нужно было мне ещё в пять раз больше монет и то кольчуга эта была бы укороченной. К своему удивлению, на прилавках я встретил линаторакс или его местный аналог. Было это очень уж удивительно, ведь пользовали сию многослойную кирасу в моём мире ещё в ранней античности. Здесь же, судя по словам предлагавшего столь устаревший доспех, прибыл он от гранисийцев, давным-давно завоевавших побережные земли на юге от Ларингии. Тем не менее, от линаторакса пришлось отказаться в виду его недостаточной защищённости и сложности в ремонте. Но выбор делать надо было и свой взгляд я остановил на ламеллярном доспехе, набранным из толстых кожаных пластин. Да, это не металл, но защищал он всё также отлично, да и весил не мало. В купе к этому мне дали ещё и своеобразную юбку, защищавшую и бёдра. Её вполне можно было носить и поверх кольчуги, но за неимением оной, буду пользоваться только одну. Всё у того же бронника купил кожаные наручи, закрывавшие предплечья полностью. Стальные были бы сподручнее, но и такие выдержат неслабый удар. Вот с шлемом пришлось разбираться дольше и покупать уже у другого бронника. Самым выгодным и удобным вариантом оказался шлем назального типа. По сути своей, это была простая остроконечная стальная шапка с длинным наносником. Держался он с помощью кожаного ремешка, сцепляемого под подбородком, и шлем также можно было улучшить, приспособив к нему кольчужную бармицу и подвижные нащёчки.

По окончании своеобразного «шоппинга», я сидел на грубо сколоченной скамье подле торговой площади и смотрел на свой кошель, где блестели две серебряных и десяток медных монет. Всего на две медных монеты можно было арендовать койку в дрянной таверне с трёхразовым питанием какими-то объедками. Потому на мою сумму можно было жить спокойно по крайней мере месяц. Этого было достаточно, чтобы укрыться на какое-то время, а потому решил оставить монеты на «чёрный день». Даже учитывая амбиции Бернда, далеко не факт, что моя карьера будет активно двигаться вверх. Потому я и хотел подстелить себе серебрянную соломку.

К моменту окончания моих закупок, солнце уже начало клониться к горизонту. Проводить время в скованной ночью тьмой средневековым городе, желания у меня не было. В моей-то современности спокойно можно было получить ножом под ребро в какой ни будь подворотне, а здесь и подавно. И потому, захватив по дороге ещё парочку яблочных булок, я

устремился к таверне и по совместительству расположению отряда. Двигаться в полном облачении мне было непривычно, но я не догадался захватить с собой хоть какой-то мешок и пришлось переносить снаряжение на себе. К тому же, тело моё отягощал ещё и презент от Бернда.

Командир «Кабаньей головы», заметив мои воинские навыки и яростью в бою, предложил мне выбрать оружие. Руководствуясь мыслью о том, что от подарков отказываться нельзя, я запросил у Бернда саблю. Мой запрос поставил бывалого наёмника в замешательство. Он просто не знал, что есть такое сабля. Пришлось на пальцах, а позже и палочкой по земле объяснять, что я от него хочу. После недолгих разъяснений, Бернд рассказал, что подобное оружие среди воинов Ларингии не используются и замечено оно у некоторых суров, а также у гранисийских солдат. Исключением был только Зеф, но и тот в отряд уже пришёл с саблей. Тем не менее, Бернд всё-таки приобрёл похожее оружие и подарил его мне вместе с обтянутыми кожаными полосами ножами. Оружие здесь называлось шамхар и имело чуть меньшей, по сравнению с саблей, уровень искривления клинка, но по балансу был достаточно близок, и я остался доволен, прицепив ножны с ним на пояс рядом с кошелём.

Помня примерное расположение таверны, я решил сократить немного путь и пошёл через дворы двухэтажных домов, даже не задумываясь о том, что слишком явственно и часто «светил» деньгами. В одном из дворов я всё-таки заметил, что за мною на протяжении нескольких минут идёт пара фигур. Затем появилось ещё двое, и я стал быстрее маневрировать между домами, но поздно осознал, что сделал только хуже.

Меня просто загоняли словно раненного кабана и делали это очень умело. Четвёрка вскоре уткнула меня в тупик. Это был дворик с трёх сторон, закрытый стенами большого дома, а четвёртую перекрывали бандиты, вразвалочку подходящие ко мне.

— Добрый человек, не хотите ли вы поделиться своими деньгами с простыми людьми?! Вам это ничего не стоит, а вот нам надо семьи кормить. — один из бандитов, похоже главный, подошёл ко мне ближе, разводя руки в стороны и демонстрируя длинный прямой нож на поясе.

Мне сразу стало понятно, что даже если я отдам все свои деньги, то это не поможет стычке разрешится мирно. Я положил ладонь на рукоять шамхара и вытянул её из ножен, прокручивая в кисти. Похоже, что душегубы только и ждали такого моего решения и тоже обнажили своё оружие. Двое из бандитов были вооружены прямыми засопожными ножами, третий держал кистень, а последний и вовсе выбрал в качестве оружия плотницкий топорик.

Четверо. Как бы они не были вооружены и подготовлены, но даже так это было слишком много для меня одного. Всё-таки, на мясника из Блавикена я смахивал весьма слабо и даже двое противников были бы сложной задачей. Но бандиты также не спешили идти в атаку, постепенно беря меня в полукольцо. Неприятно. Очень неприятно.

Я рванулся вперёд, пытаюсь достать одного из бандитов шамхаром в голову. Он увернулся, разразившись хохотом и отмахнулся свои топориком, который просвистел у меня над головой. Единственным возможным вариантом выйти из этой схватки живым, это добраться до выхода из подворотни, а иначе меня просто возьмут числом и размажут по одной из стен. Я же не был ещё в той физической форме, чтобы долго фехтовать и скакать по месту схватки как сайгак, а потому нужно было выбираться из заварушки как можно быстрее.

Я предпринял ещё одну попытку атаковать, напрыгивая на одного из двух вооружённых

ножами бандитов. С саблей я чувствовал в разы увереннее и атаковал более агрессивно. Попытка оказалась удачной и мне удалось перетянуть бандита клинком по груди, оставив на его теле глубокую кровоточащую рану. Бандиты, получив отпор, отступили на несколько шагов назад, сильно поумерив свой пыл. А я же наоборот почувствовал вкус крови и ощутил сильнейший прилив адреналина, бомбой разорвавшийся в крови. Перехватившись поудобнее за саблю, я напрыгнул на раненного бандита, нанося десятки быстрых ударов, добрая половина которых просто свистела рядом с противником, но и оставшихся хватало с излишком, превращая душегуба в сплошное кровавое месиво, больше напоминающего теперь рубленый фарш, чем некогда живого человека. Я бы так и продолжал остервенело рубить уже мёртвого отморозка, если бы его подельник не ударил меня своим кистенем сзади. Тяжёлый грузик врезался прямо в позвоночник и хоть плотные кожаные пластины погасили часть удара, но боль оказалась адской, и я просто выгнулся дугой на земле. От боли в глазах потемнело и второй удар кистенем чуть не попал мне в незащищённое лицо, но с великим усилием мне удалось перекатиться в бок и отмахнуться саблей, попав лишь по многострадальному воздуху.

С трудом поднявшись на ноги, я почувствовал, что из-за боли бросаться в такие атаки теперь будет сродни самоубийству. Не смотря на потерю одного из товарищей, бандиты не желали отступать. Похоже, что для них это теперь было делом принципа и двигало ими не желание добычи, а месть дерзкому прохожему. Вся троица попыталась вместе навалиться, но мне удалось отмахнуться от вооружённого кистенем, резанув его по руке. Другой бандит успел дотянуться до моего бедра своим ножом, но его клинок застрял меж плотных кожаных пластин, войдя в ногу на несколько сантиметров.

Я, стиснув зубы от боли, отшагнул назад и понял, что теперь мои шансы на выживание таили прямо на глазах. Пока что бушующий в крови адреналин не давал всей боли ударить мне в голову, но больше страшила меня не боль, а сама рана. В бедре была важная артерия, пробитие которой означало большую кровопотерю и мою скорую смерть. По правде говоря, с нынешнем уровнем медицины, далеко не факт, что выживу даже при навыках Фабриса.

Спереди слышались звуки гроыхания железа, но я не обращал на это внимание. Я лихорадочно старался придумать хоть какой-то вариант выбраться из западни. В голову ничего не шло и вместо мыслей был просто шгиль. Абсолютное ничего. Я чувствовал, как из меня вытекает жизнь и старался сильнее сжимать рукоять сабли ослабевающими пальцами. Один из нападавших рванулся вбок, обходя меня и второй бандит шагнул вперёд, заноса свой топор для удара и попытался расколоть мою голову надвое. Заметил я это слишком поздно, понимая, что не успею увернуться или хоть как-то постараться отразить удар.

Я уже начал прощаться со всеми, кого знаю, но тут горло бандита с топором пронзило копьё, выглянувшее из плоти наконечником. Бандитам ударили в спину и сделали это столь решительно, что через несколько секунд никого из живых уже не осталось. Я упал назад и отполз к стене одного из домов, не понимая ещё что подошла неожиданная помощь.

— Вадим, ты ранен? — ко мне подбежал Фабрис, на ходу разматывающий кусок серой тряпицы.

— Да. Бедро. — я откинул в сторону часть бронеюбки до того защищавший мою ногу, — Ты один тут?

— Нет. — раздался в ночи громовой бас Сезара.

— Вы тут как вообще оказались? — спросил я, смотря за тем, как Сезар проверяет тела павших бандитов, тыкая в тех лезвием своей секиры.

— Я старый, но ещё не слепой. — без ноты обиды ответил Фабрис, — Я видел, как ты из лагеря выходил и долго сильно тебя нет. Вот, захватил здоровяка и пошли тебя искать.

— Чем тут стражники вообще занимаются? Бандиты по городу как у себя дома разгуливают, а они пивом заливаются. Дармоеды! — воскликнул бородач, махнув своим устрашающим топором.

Поймав мой непонимающий взгляд, целитель решил пояснить, — Мы тройку стражей встретили в таверне в нескольких домах отсюда. Пиво cedят, песни орут, да баб трогают. Только деньги графские переводят, а толку нет.

Проверив мою рану под светом луны, он перемотал ногу чистой тряпицей и, хлопнув ладонью по плечу, вынес вердикт: «жить будешь». Собрав всё то небольшое полезное, что было у бандитов, мы отправились обратно в приютившую нас таверну. Я было обеспокоился, что трупы могут, так сказать, «повесить» на нас, но Фабрис аргументировал тем, что после спасения нами людей от сектантов, наша репутация была безупречна и даже если что-то нам попытаются предъявить, то со стороны горожан мы выглядели чуть ли не святыми.

Все в лагере были удивлены, что пришёл я в новом снаряжении вместо старой окровавленной одежды. Глаза Бернда, в силу своего положения и грамотности, занимающегося заполнением большой учётной книге, были особенно большими. Пришлось даже объяснить откуда у меня такие финансы, хоть я и утаил половину правды. Не говорить же им, что я срезал кошель с трупа! Хотя, сейчас это вполне могло быть в порядке вещей, но мне до сих пор было страшно полностью раскрываться пред своей ватагой, хотя доверие к Сезару и Фабрису за сегодняшний вечер значительно выросло, но всё ещё может измениться далеко не один раз.

Глава 7. На страже границы

Город мы покинули через три недели. Этого времени хватило, чтобы обуздать необученных новобранцев и сделать из них хотя бы подобие войска. Теперь мы выглядели не как свора оборванцев, а как вполне себе серьёзная сила, способная на великие свершения. К тому же, уроки Фабриса даром не пропадали, и теперь я мог бегло читать на ларингском языке, что, вкупе со способностью быстро оперировать с числами в уме, делало меня чуть ли не самым умным человеком во всей нашей ватаге. Однако вовремя притвориться тупым у меня не вышло и Бернд припахал меня к подсчёту имущества и капитала «Кабаньей Головы».

Для солидности Бернд даже приобрёл для отряда знамя. Из-за сочетания ярких цветов он вышел очень дорогим и чуть не оставил отряд без средств, но капитан заявлял, что этот стяг на пике многократно повышает наш престиж, а значит — работает на будущее кампании. Что ж, а стоило признать, что этот усатый мужчина достаточно много понимал в маркетинге для средневекового воина. Но стяг был не единственной обновкой для «кабаноголовых», и эта покупка имела куда как больше практического смысла. Если раньше, когда численность отряда не превышала полутора десятков человек, то провиант и снаряжение можно было таскать на своих горбах, то сейчас, с повышением нашей численности в два раза, увеличилось и количество необходимых вещей, а потому Бернд раскошелится и на крепкого мула вместе с телегой, что стал нашим обозом. Да, водрузить на бедное парнокопытное много было невозможно, но даже так он значительно повысил нашу общую грузоподъёмность.

Однако нам пришлось покинуть город. Не смотря на нашу недавнюю громогласную победу, достойной работы для нас сейчас не было, особенно учитывая возросшую нашу численность. После некоторых раздумий Бернд решил, что нам нужно откочевать на север — ближе к пограничью с Ватанией. Из-за особенной агрессивности племён в последнее время, многие феодалы и даже некоторые из домов Рюгенда будут готовы оплатить услуги нашей компании. Если для первых была прямая выгода от поставок налогов от крестьян, то вторые были заинтересованы в безопасности на торговых маршрутах Ларингии, являющаяся для домов главным торговым партнёром, даже после её фактического развала. Вот и выходило, что регион может стать хорошей «кормушкой» для наёмничьего отряда.

Путь занял несколько дней. Проблема была не только в большом расстоянии между наделами наследников прошлого короля, но и из-за того, что каждый патруль беспокоили три десятка идущих куда-то вооружённых мужчин. Опасения их были оправданы, ведь, хоть официально в Ларингии среди наследников был мир, никто не отменял диверсионных отрядов, занимающихся грабежом пограничных земель. Хоть такие отряды не были большой военной угрозой, но из-за постоянного грабежа сильно истощались крестьянские земли, что сильно мешало нормальному налогообложению и последующему поступлению средств в казну. Правда, такие отряды были обычно конными для того, чтобы была возможность активного перемещения и оперативного возвращения обратно на свои земли, когда у нас из ездовых животных был только мул, прозванный в отряде с лёгкой руки Сезара Хохликом за характерный волосистой покров на голове.

Во время длительного перехода, отчётливо стало ощущаться, насколько различна ситуация в регионах некогда единой Лорингии. Если во владениях Мареля де Терзита,

располагающихся далеко от всех границ, было всё относительно спокойно, если не брать в расчёт фанатиков Серого Бога, то здесь, в графстве Фарнат, всё было иначе. Вместо засеянных полей и лесных охотничьих угодий, здесь на каждой дороге были выставлены по несколько воинских застав с немалым контингентом на каждой и полноценные укрепленные лагеря, больше похожие на небольшие замки, но без родовых знамен.

Как поведал мне Фабрис, то герцогство жило за счёт торговли, а если быть полностью точным, то и вовсе за счёт взимания налогов за транзит товаров через свои территории. Это стало возможным за счёт того, что по землям Фарната пролегал большой тракт, построенный ещё в незапамятные времена. Даже не смотря на исходящую от соседствующих племён опасность, тракт был самой удобной дорогой, тянувшейся от речных портов Рюленда и практически до самых земель далёкой южной Гранасии. Все другие дороги были слишком длинными, и чтобы по ним добраться до столицы, нужно было потратить раза в два больше времени, а потому властители здешних земель активно брали деньги за проход, часть которых уходила на поддержание тракта в рабочем состоянии. Однако доход этот был очень сезонным и сильно зависел от отношений королевства с племенами горцев-ватанийцев, а те отлично знали о тракте и часто совершали набеги на проходящие здесь караваны. Но не одним трактом едины. Холмистая земля Фарната содержала в своих недрах многочисленные полезные ископаемые, до которых, впрочем, добраться было достаточно трудно.

В конце концов, мы пересекли условную границу меж землями потомков Людовика и оказались во владениях его сына Кловиса. Он был третьим сыном Людовика и третьим в порядке престолонаследия. Здесь действовало лестничное право, из-за чего и вывелось аж пять наследников, каждый из которых не хотел отречься от собственных желаний и претензий на престол Ларингии, но только четыре из них были сыновьями Людовика. Пятый же был его малолетним внуком, закрепившимся на небольшом полуострове на северо-западе королевства. Что же касается самого Кловиса, так это то, что был он человеком сугубо военным, готовым на объединение страны при помощи огня и меча с последующим возвращением былой славы Ларингии и изгнанием вторгнувшихся гранисийцев. Будучи сейчас ещё молодым человеком, показал себя умелым командиром в постоянных боях с племенами Ватании, территория которых отделялась только рекой, которая, не смотря на свою широту и глубину, постоянно племенами форсировалась. Среди жителей Ларингии он получил прозвище «Красный рыцарь» за характерный цвет своих лат, видимых на поле боя всегда и из любого угла сечи. В конной свалке он был искусен и мало кто мог бы с ним потягаться в умении биться в седле. В общем, Кловис был прямо-таки образцом ларингийского рыцарства и всю это показывал на людях.

В один момент нашего путешествия нужно было пересечь деревянный мост через одну из речушек герцогства. Как только мы вышли из леса к мосту, то Бернд резко приказал всему отряду остановиться. Сначала я не понял зачем он это сделал, но затем увидел одиноко стоящего на мосту человека. До него было около сотни метров и мне удалось разглядеть, что людей там было несколько, но живой был только он один. Вокруг неизвестного человека лежало несколько мертвецов, а человек продолжал стоять словно истукан. На мгновение даже промелькнула мысль о том, что это и вправду статуя или тело, насаженное на кол, но человек поднял голову, облаченную в шлем, с натянутой на него шкурой какого-то животного. Неожиданно, человек вздёнул руки с зажатыми в них кривыми окровавленными мечами, напоминающими одноручные фальксы. Одиночка издал очень громкий звериный рык, наполнивший всё вокруг, и заставивший пробежаться по всему телу орды мурашек.

— Что происходит? — шёпотом спросил я у стоявшего рядом со мной Фабриса.

— Это Ватаниец. Старый и умелый воин. У горских племён есть традиция: когда знатные воины чувствуют, что их тело дряхлеет, то они передают все свои земли и богатства детям, после чего отправляются в другую страну в поисках достойных противников, ведь умереть с оружием в руках — честь для ватанийца. Этот язычник ищет смерти с честью.

Я посмотрел на Бернда. Командир был задумчив и молчалив. Он смотрел на одинокого человека, который успокоился и продолжил стоять как изваяние, опустив свои страшные мечи. Похоже было, что командир опасался человека на мосту. Это было странно, ведь нас было три десятка человек, и опытные воины в отряде тоже были. Да и вариант с тем, чтобы просто расстрелять с расстояния воина отрицать было глупо.

Командир поворачивается к нам и смотрит на Фабриса. Лекарь на несколько секунд затих, поглядывая в сторону одинокого язычника, который вновь был недвижим. В конце концов Фабрис кивнул и протянул руку к поясу, расстёгивая ремешок, на котором он держал свой шлем.

Наконец меня осенило, и я посмотрел на друга, — Фабрис, не говори, что ты хочешь выйти на поединок!

— Он язычник. Никто иной, как воин Высоких Предков, не может его победить. Хотя я теперь не служу церкви, но я должен, согласно своим обетам, упокоить его душу.

Проговаривая свой ответ, Фабрис практически надел на голову свой шлем, но здесь я перехватил его руку, сильно сжав предплечье старого лекаря, — Нет! Пойду я! Вы спасли меня, и теперь я должен отдать вам долг жизни. Теперь это дело чести.

Фабрис, был, мягко говоря, удивлён. Впрочем, от себя такого решения я тоже не ожидал. Обычно я старался поступать согласно разуму, а тут просто отдался чувствам. Но у меня был ещё один принцип: быть верным своему слову. Пока ошарашенный Фабрис смотрел на меня, то я быстро надел на себя шлем и схватился за висящую на поясе саблю. Фабрис что-то попытался возразить, но я оттолкнул его и сделал шаг на мост. Доска отозвалась глухим стуком, и одинокий язычник поднял голову, смотря на меня.

Теперь я был гораздо ближе к ватанийцу, который держал свои мечи на плечах. Воин и вправду был стар — его седая борода лежала на груди. Мужчина был высок и крепок в плечах. Одежда его была сшита из звериных шкур. Грудь старика защищал крепкий панцирь, набранный из прямоугольных бронзовых пластин. Бронзовые наручи закрывали его предплечья, а за спиной он держал круглый деревянный щит. Старик смотрел на меня спокойно и даже с некоторым безразличием. Казалось, что он не воспринимал во мне противника. В принципе, он был не так уж и не прав, ведь если он и вправду настолько опытен, то во мне равного противника просто нет.

Я остановился в паре десятков шагов от старика, который вертел головой, разминая шею и вертя мечами в руках. Шагнув ещё ближе, я закрылся щитом, дожидаясь пока язычник пойдёт в атаку. Кривые мечи ватанийца уж очень сильно напоминали немного укороченные фальксы, подобные тому, коими я пользовался в бою в лесу против фанатиков. Любая атака одним из этих мечей вполне могла разрезать мой щит, а значит, что подставляться под удар точно нельзя.

Я шагнул вперёд, сближаясь с язычником и пытаюсь понять, как одержать победу в этом столкновении. Если у меня даже получится пробиться сквозь его защиту, то из доступных чистых от доспехов частей тела, остались только плечи, да голени. Хотя в руках у меня была страшная в ближнем бою сабля, но против доспеха она ничего сделать не сможет.

Неожиданно резко старик рванулся вперёд, рассекая воздух слитным ударом обоих мечей. Я едва успел шагнуть назад, чувствуя, как слетает с моей бороды волос. Ещё бы четыре сантиметра и бой бы закончился только начавшись. О том чтобы контратаковать у меня не было и мысли, ведь ватаниец пошёл вперёд как гора, рассекая воздух мечами, превращаясь в смертоносную мельницу. Я отпрыгивал, пригибался, шагал и всячески старался убраться подальше от этого жуткого воина с ужасом понимая, куда я ввязался. Теперь я был не уверен, смог ли бы победить его даже Бернд, чьи навыки были в разы лучше моих.

Ватаниец шагнул в мою сторону и с невероятной силой рубанул мечом. Я успел закрыться щитом, но удар пришёлся вбок, из-за чего левая рука рванулась и кисть, до того удерживающая лямку щита, взорвалась болью. Я закричал от боли и сбросил щит в сторону, уворачиваясь от следующих ударов. Старик работал обеими руками просто на «отлично», не давая мне ни секунды передышки. В какой-то момент ему всё-таки удалось меня достать: я успел отбить саблей один из его мечей, но второй попал мне в голову. Благо, металл оказался крепким, а удар пришёлся вскользь, и мне удалось выжить. Не смотря на мягкий подшлемник, звон в голове от удара был подобен колокольному набату, и я чуть не упал на мостовую, лишь чудом устояв на ногах. Ватаниец попытался добить меня, но я увернулся, медленно приходя в себя. С каждой минутой язычник становился всё медленнее и медленнее, но мощь в его ударах не уменьшилась, отчего из-за врубавшихся в толстые доски мостового настила мечей бурей летели щепки. Но старость брала своё, и даже опыт не позволял ему взять верх над, хоть и молодым, но вёртким наёмником.

Однако мои силы тоже были не бесконечными. Уже несколько раз я был на краю перед смертью, едва не попадая под быстрые удары опытного воина. Недавно полученная в бою рана всё сильнее напоминала о себе, а отбитая левая рука и вовсе перестала подавать признаки жизни, плетью вися вдоль тела.

В один момент на мои глаза попал незащищённый от чешуйчатой брони бок, и я ударил в него, вложив в это единое движение все свои силы. Закалённый клинок сабли хоть и был придуман для рубящих ударов, а положение для атаки было не удобным, но здесь он смог войти в разгорячённое от битвы тело ватанийца, легко пройдя кожаный слой кирасы. Язычник глубоко вдохнул и стал заваливаться вперёд. Кровь потекла по клинку сабли, и я с усилием провернул клинок в ране, расширяя её.

Язычник ещё попытался схватить меня своей громадной рукой, но силы покидали его, вместе с выливающейся из раны кровью. Он смотрела на меня с неистовой злобой, но я видел, как уходит цвет из его зрачков. Рывком вытащив саблю из бока старика, я толкнул его ногой в грудь, отчего он с грохотом и звоном повалился на искалеченную временем мостовую.

Я встал над раненым воином, зажимающим пятернёй грубую рану в боку. Кровь сочилась между его сухих пальцев, красным пятном расплывающаяся по мостовой. Я посмотрел в его глаза и не увидел ни страха, ни былой ярости, а только одну единственную просьбу. Просьба страшная, но справедливая. «Добей» — это всё что я видел в его глазах.

Просьба его была священной и справедливой. Этот воин искал свою смерть в бою, и он её нашёл, а мучить людей я не привык, и потому решил исполнить его просьбу. Ватаниец понял это и отклонил голову назад, обнажая крепкую шею. Удобнее перехватившись за скользкую от крови рукоять, я с размаху вонзил её в шею, пробивая кожу, горло и вгрызаясь меж позвонков. Пара секунд, и, в последний раз выгнувшись, ватаниец перестал дышать, а я

устало сел на мостовую, утирая пот со лба рукавом.

— В порядке? — подбежал ко мне Бернд и, получив ответ в виде утвердительного кивка, добавил, — Не ожидал. Я думал он тебя просто размажет.

Я ничего не ответил, просто поднялся и пошёл к Хохлику, в телеге позади которого был бурдюк с водой. Одной рукой орудовать было сложно, но тут мне помог Сезар, и я смог вдовль напиться, пока Фабрис осматривал руку, чувствительность которой практически полностью потерялась. Однако лекарь констатировал простой ушиб и убедил меня в том, что через несколько часов чувствительность должна будет вернуться.

Пока я переводил дух, воины занимались тем, что активно проверяли как мёртвого ватанийца, так и убитых им путников. Оказалось, что под доспехами язычника было уже много недавно полученных ран, которые должны были сильно его ослабить и спасли меня. Я же ещё раз осудил себя за очередной глупый поступок, который чуть не привёл меня к могиле.

Из трупов, лежащих на мосту и под ним, стало понятно, что горец смог вырезать целый караван со всей охраной из нескольких человек и самих купцов. Похоже, его не интересовали никакие богатства, поскольку животные были отпущены, и их следы в земле уходили куда-то в лес, а телеги с товаром сейчас валялись под мостом перевёрнутые. Новички было ринулись подбирать выпавший товар, но грозный окрик командира очень быстро заставил их остановиться, после чего отдал приказ собирать только снаряжение, деньги и съестные припасы. Решение было оправданным, поскольку появление вооружённого отряда с торговыми товарами и без обоза много у кого могло вызвать вопросы, а уж если потом найдут погибших торговцев, то у местных властей, может быть, появится легитимный повод выдать нам крепких оплеух, и такого исхода нам точно не хочется.

Собрав все полезные вещи, мы продолжили свой путь до столицы Кловиса. От места стычки до города оставалось всего пара дней пути, и меня сей факт сильно радовал. Всё-таки, не смотря на прожитый уже здесь срок, к таким длительным переходам я не привык, и по сей день каждый вечер с удовольствием снимая ботинки, разминал уставшие ноги. Да и желание увидеть настоящий большой средневековый город с каждым днём всё больше и больше усиливалось. А Орлаён, где и решил устроить свою ставку герцог Кловис, гремел славой по всей Ларингии. Некогда Орлаён был простой пограничной крепостью, которые во множестве строили на границах с тогда ещё диким Рюглендом, откуда постоянно лезли дикие племена. Со временем, благодаря обузданию Рюгленда и открытию многих месторождений, город перестал быть простой крепостью, превратившись в один из крупнейших городов. Судя по тому, как рассказывал о нём Зеф, который был родом из этих земель, увидеть что-то более прекрасное будет очень трудно.

Наконец, на шестнадцатый день пути, мы вышли в предместья города. Торговое его начало показывалось уже здесь во множестве богато украшенных купеческих домов, у многих из которых ошивалась охрана. С небольшого холмика, на котором мы стояли, было отлично видно, что Орлаён в разы больше и богаче Мальеры. Сотни, тысячи домов, плотно застроенных вокруг городской крепости, были расчерчены паутинками улиц, составляя интересный и замысловатый узор. Также отлично виднелись несколько сине-зелёных речушек, простирающихся меж домов. Хотя, одна из них была вполне широкой и звалась Вериней. Река являлась притоком Рюга и сильно способствовала речной торговле.

Дома здесь выглядели совсем иначе. Если во владениях де Терзита, известных множеством лесов, дома в большинстве своём строились из дерева, то в Орлаёне примерно

треть города была построена из камня, который в излишке добывался в многочисленных здешних шахтах, хотя небогатые дома многочисленных крестьян оставались сложенными из дерева, иногда облепленного внешне речной серой глиной. Интересной деталью было и то, что у города имелись несколько воистину широких улиц, на которых могли разойтись по меньшей мере по четыре телеги. Для небольших средневековых городов это было очень необычно, но здесь, похоже, старались делать всё, чтобы торговля жила. Особенно это были видно и слышно на нескольких торговых площадях, коими была усеяна территория города. Чем ближе мы подходили к городу, тем больше чувствовался идущий от города запах, и в этот раз он был отнюдь далеко не из приятных. От города откровенно несло помоями, запах коих проникал в тело через ткань одежды. Даже приятный запах еды не перебивал смрад.

Хотя, чему я тут мог удивляться? Средневековые города, по большей своей степени, не имели хоть какого-то подобия водопровода, а потому помои просто выливали на улицу, отчего поселения никогда фиалками не пахли. Хотя, для их жителей, столь неприятный запах уже наверняка стал привычным и не терзал их обоняния.

Но даже неприятных запах не смог отвлечь меня от восхищения городской стеной Орлаёна. Огромные, монолитные стены города, тянущиеся зубцами бойниц к небу, были не меньше трёх десятков метров и поражали высотой. Сверху и до низу стены, сложенные из искусно обтёсанного камня, были плотно побелены и от того сияли на солнце, отражая от себя тысячи лучей. По всему длинному периметру стены город опоясывали высокие квадратные башни, некоторые из которых не имели крыш. Вместо них на площадках были установлены баллисты на поворотных механизмах и даже несколько катапульт. Такая ранняя средневековая артиллерия сильно улучшала оборонную силу города, не позволяя потенциальным противникам спокойно подходить к стенам и строить осадный лагерь.

Столь великие стены решится брать далеко не каждое сильное войско. Даже взять в город в осаду будет очень проблематично, ведь поступление пресной воды перекрыть невозможно из-за проходящей внутри стен реки. Да, может закончиться провиант, но сколь же еды надо осаждающим, чтобы переждать и заставить голодать город, который изначально строился для того, чтобы защищать внутренние земли королевства от диких племён с востока?

Однако, стоит признать, что сейчас из диких племён остались одни только ватанийцы, да и те оставались свирепыми воинами. Вместо крупных племенных союзов, там образовались большие и мощные королевства, способные «дать прикурить» ослабленной феодальной раздробленностью Ларингии.

— Красота... — невольно сорвалось с моих уст.

— Орлаён — Белый Город Востока. — широко улыбнулся Зеф и хлопнул меня по плечу.

Это прозвище, как никакое другое отлично подходило Орлаёну. Даже плохой запах отступил на второе место, и теперь мне просто хотелось познакомиться с городом поближе. Всё же, по меркам средневековья, он и вправду был огромен. Даже не видя сторону города на другом побережье реки, я смело мог предположить, что здесь проживает по меньшей мере под сотню тысяч человек.

Наше появление здесь не вызвало такого ажиотажа, как было то в землях де Терзита. Впрочем, здесь видели отряды и побольше. Для местных сил сейчас мы были не больше, чем очередной бандой, пирующей на теле больного королевства. Бернд же явно намеривался изменить мнение местных о нас, и для этого у него уже был план.

Только мы успели занять одну из таверн, стоящую на окраине города, Бернд

практически сразу исчез, оставив Фабриса верховодить отрядом. Лекарь, бывший самым старым членом компании, спокойно перенял руководство, заставив наёмников тут же заняться тренировками на заднем дворе, направив меня как эдакого спортивного тренера. Фабрис, похоже, заметил мою систематичность и необычность тренировок, которые уже сейчас смогли привести меня в намного лучшую форму по сравнению с тем, каким было моё тело больше месяца назад. Да и в целом, с каждым днём я чувствовал себя в отряде всё увереннее и увереннее. Этому способствовали не только стычки, в которых мне удавалось поучаствовать, но и та храбрость, с которой я в них бросался.

К вечеру, когда отряд только успел разложить свои пожитки, Бернд вернулся, причёсывая свои усы и радостно потирая ладони. Выбив ногой входную дверь и ворвавшись в таверну, командир махнул рукой, одновременно с тем кивнув, и стал подниматься на второй этаж, где у него и сержантов отряда имелись отдельные комнаты. Этот его жест был уже заучен всеми бойцами отряда и означал, что он собирает своих ветеранов на совет. Заметив это, я просто продолжил затачивать саблю, наслаждаясь скрежетом металла и с удовольствием трогал становящийся всё острее и острее клинок. Но, похоже, спокойно поухаживать за своим оружием мне давать не хотели. Сезар рывком за шиворот поднял меня на ноги и взглядом указал на второй этаж. Ничего хорошего можно было не ожидать. Сунув саблю в ножны, я последовал указанию бородача и вошёл в одну из комнат, где уже собрались остальные ветераны.

— А с чего мне такие почести? — нахмурившись, спросил я у командира, стоящего у стола и с удовольствием уплетающего кашу из деревянной тарелки.

— Ты... — Бернд с великим усилием проглотил не пережёванную кашу, — в четырёх боях выжил. Очень хороший результат, как для наёмника, который до того не воевал. Так что ты, учитывая нашу возросшую численность, стоишь здесь как кандидат к званию сержанта. — командир отставил тарелку и радостно потёр ладони, — Теперь к главному. Я встретился с одним из королевских офицеров, заведующих речными крепостями, и тот с радостью, по старой дружбе, предложил нам контракт, в качестве вспомогательного летучего отряда. Коней у нас нет, но и у варваров кавалерия — зрелище нечастое. Так что будем мы отлавливать просочившиеся банды ватанийцев. Платят по пятнадцать ломанов в день, и ещё по двенадцать людинов за каждую голову ватанийца. Если живого кого приведём, то можно будет с торговцами договорится и на этом ещё навариться. Всё добытое оружие и снаряжение остаётся у нас. Выступаем завтра.

— Уже?! — удивился Сезар, отчего его кустистые брови вздёрнулись вверх, — Мы больше двух седмиц шли, и теперь, без продыху, сразу в бой?

— Сезар, ты дослушай меня сначала. Я не сразу в бой бросаться хочу — сам устал. Мы жить будем в большой деревне к северу. Вот оттуда уже и будем по надобности выходить на службу. Доволен?

Бородач что-то буркнул в ответ, и небольшая планёрка закончилась. Новость о моём возможном повышении меня изрядно порадовала. Карьера наёмника строилась споро, хотя... это было не совсем удивительно, ведь солдаты удачи мало когда умирали своей смертью.

На следующий день мы уже выдвинулись из города. Это навевало на меня грусть, ведь нормально познакомиться с таким прекрасным городом у меня не получилось, а желание было великое. Ну ничего, вернуться в город рано или поздно придётся.

По пути Бернд закупил нам провианта, спустив туда последние деньги. Всю еду мы

положили в телегу, сбрасывая всю их тяжесть на спину бедного Хохлика, отдувавшегося за ленивых двуногих. Впрочем, за это он каждый день получал по несколько добрых порций вкусного овса и кипячённой воды, так что сделку я считал честной.

Ещё через два дня пути мы наконец достигли назначенной деревни, от которой до границы было чуть больше одного дневного пешего перехода. Было странно, что столица герцогства расположилась в такой близости от опасной границы, хотя, вспоминая её прошлое, всё было вполне закономерно.

Глава 8. Десятник

В деревне нас встретил молодой, чуть больше полутора десятков лет, парень, представившийся Рубеном. Его можно было бы принять за обычного деревенского парня, вот только одежда, сшитая из довольно качественных материалов и крепкие кожаные туфли с подкладом выдавали в нём персону более важную, чем обычный крестьянин. В пользу этого говорила и тканевая накидка на его левом плече на которой был изображён герб Кловиса Орлаёнского — два красных скрещенных меча на фоне белого замка. На рыцаря он не был похож, да и из оружия имел только короткий, больше похожий на кинжал меч в ножнах на поясе, которым было бы сподручнее ковыряться в зубах, чем делать новые дырки в телах горцев, а потому наверняка парень был кем-то из дворцовых прислужников. Но зачем он отряду наёмников? Лишние необученные руки тут скорее будут мешать, нежели помогать.

Через несколько секунд с неба, закрывая своими чёрными крыльями солнце, со свистом рассекая воздух, спикировал большой сокол, мягко приземлившись на плече Рубена и, kloкотнув, ткнувшись головой в его висок. Оказалось, что «Красный рыцарь», ввиду своей искренней любви ко всему военному, старался как можно лучше оптимизировать связь меж войсковыми отрядами, а потому полагался не на конных гонцов, которым нужны были дороги для перемещения, а на соколов, пусть это и выходило значительно дороже. Потому Кловис и обучил множество сокольников, которых прикреплял даже к таким небольшим подразделениям как наш отряд. Бернд, не уведомлённый о пополнении, по началу мальчика принимать не хотел и решение его не менялось даже при предъявленном документе.

— Нам о тебе не говорили. С чего мне тебе верить? — командир смотрел на Рубена без тени доброты, — Даже бумажку эту подделать можно. Я таких мастеров знаю, что они тебе хоть Хартию Вольностей Рюглендских городов свояют, да так, что сами королевские писцы не отличат.

— Командир, а зачем парню врать. — протестовал я, — На голодранца он не похож. Крестьяне на него искоса не смотрят. На обман не смахивает, да и сокол этот пригодиться может. Много ли сокольников у горцев?

— А вдруг он шпион! — возмущённо пыхнул в усы Бернд, — Пошлёт письмо горцам, а те на нас засаду сделают и конец.

— Тогда пиши послания сам или мне с Фабрисом приказывай как грамотным. Только по твоей команде и будет сокола отправлять. Пришить парнишку мы всегда успеем.

Похоже, что Бернд нашёл мои слова разумными и разрешил Рубену присоединиться к отряду. На этот раз командир всё-таки дал нам отдохнуть, позволив расположиться в деревне и занять дома, которые нам добровольно дали крестьяне. Земледельцы с радостью выделили нам часть домов, прекрасно понимая, что с отрядом союзных воинов куда как безопаснее, нежели быть незащищёнными пред горными налётчиками. Потому мы с комфортом смогли отдохнуть до следующего утра.

Поскольку сигналов тревоги для нас ещё не было, то Бернд распорядился начать тренировки. На этот раз, именно, что начать, а не продолжить. Герцогский командир, который и выдал нам этот контракт, в качестве помощи выделил нам несколько связок дротиков. И нет, это не те дротики, кои в моё время кидают в дартц ради развлечения. Эти дротики были достаточно большими копьями, которые метали во врагов и залп таких острых палок очень страшен. Не зря же, подобными дротиками пользовались и римские легионы, и

греческие пельгасты, и русские дружинники. Вот и решил Бернд воспользоваться такой возможностью и дополнительно обучить своих бойцов. Раньше я мало практиковался в метании копий в принципе, но систему знал хорошо и имел правильно поставленные движения.

Взявшись за древко, я замахнулся и с богатырским выдохом, метнул дротик в дощатый щит, стоящий от нас метрах в сорока. Дротик, описав свою параболу, с щелчком воткнулся в доски, пробив их насквозь и застряв примерно на половине длинные древка. Увидев это, Сезар удивлённо и даже уважительно покивал. Он, будучи выходцем из северных домов Рюгланда, происходивших от живших там племён, сохранял военные традиции предков и тоже с удовольствием пользовался всевозможными тяжёлыми метательными железками. С его-то силой, он наверняка сможет прошибать людей насквозь, а потому был эффективен.

По итогу, нам с Сезаром доверили обучать новичков. Результаты были не лучшими, но вполне терпимыми, а при залповом закидывании противника дротиками, эффект мог и вовсе стать очень смертоносным.

Только мы успели отдохнуть, как на поле, где мы тренировались, вбежал взъерошенных Рубен, на плече которого клокотал его чёрный сокол. Оказалось, что его пернатый друг, посланный на пограничные посты, вернулся не с самой радостной вестью. Стало известно, что группа горцев пересекла речную границу на нескольких лодках и теперь оказалась на Ларингской земле. Из-за прокола речного флота, теперь с этим придётся разбираться нам.

Бернд экстренно созвал своё «войско» и несколько раз перечитал послание, привязанное к тонкой лапке птицы. Выходило, что до реки отсюда было полтора десятка километров если идти напрямую и выдвигаться нужно прямо сейчас.

— Зеф, что им тут интересно может быть? — посмотрел на молодого бойца Бернд.

Длиннорукий наёмник задумался, потирая свой подбородок и играя желваками, — Тут несколько деревень в округе, монастырь, торговая лодочная стоянка, да и всё, пожалуй. — Зеф ещё на несколько секунд замолчал, после чего воскликнул, — Копь серебряная! Они серебро там добывают и сразу же плавят!

— А охраны там много?

— Не знаю, но когда это горцев волновало? С копей серебро в конец каждого месяца отправляют, а срок уже приближается, так что наплавлено там прилично.

— Далеко?

— Не знаю, но мы там не быстрее горцев окажемся. — помотал головой Зеф.

— Я вас по тропам проведу. Сэкономим много времени. — вклинился в разговор Рубен.

Бернд сердито посмотрел на кудрявого сокольничего, но рациональное мышление пересилило злость, и он согласно кивнул. Обрадованный Рубен, дождавшись пока наёмники соберутся, бодро повёл нас по лесным тропам, только одному ему известному. Бернд, напрягшийся из-за внезапности нападения, быстро придумывал план по ходу движения.

— Рубен, там же река должна быть, я правильно помню? — спросил у темноволосого Зеф.

— Да. Там мост есть деревянный и чуть дальше по течению в брод можно пройти.

— Вот на мосту мы их и поймем! — обрадованно хлопнул в ладоши Бернд.

— Рубен, а мост там крепкий? — спросил я кудрявого, но тот отрицательно помотал головой и тогда я обратился к Бернду, — Командир, может мы тогда мост срубим и на броне примем?

— Зачем?! Это герцогская собственность! — возмутился Рубен и даже встал на месте,

остановив всю колонну.

— А затем, Рубен, что наша задача — это не допустить прорыва варваров в земли герцога. Посчитай сам, сколько могут они украсть серебра и увести людей, а сколько будет стоить восстановление обычного деревянного моста? Тем более, тогда у них будет всего один путь к копиям, где мы их гарантированно возьмём.

Рубен, похоже, протестовать больше не хотел, а Бернд согласился с моим планом. Потому, достигнув моста, нам пришлось оставить там троих из новичков, что раньше были лесорубами, а потому наверняка управятся куда как быстрее и верховодить над ними поставили Зефа, как уроженца этих земель. Основная же часть отряда через час быстрого перехода достигла второй переправы. С обеих сторон от текущей реки был дремучий лес, но с нашей стороны в деревьях был вырублен небольшой проход с последующей тропинкой на которой могли с трудом разойтись три человека.

Предположение Зефа оказалось верным, впрочем, как и мой план. Два десятка ватанийцев появились довольно скоро. Хоть их и не было видно, но через журчание реки и лесной шум, звуки от передвижения двадцати человек всё равно пробивался. Мы рассредоточились по двум сторонам дороги, дожидаясь того, когда они войдут в зону нашего поражения.

Ожидание боя, честно говоря, выматывало очень сильно. Я сидел за кустом, опустившись на колени и сжимал дротик до побеления пальцев. Засада. Только недавно я был её жертвой, а сейчас сам ждал, пока цель попадётся в капкан.

Сквозь плотные заросли кустарника было отлично видно, как выходят с брода ватанийцы и унимать кипящий в крови адреналин с каждой секундой становилось всё сложнее и сложнее. Даже страха перед боем на этот раз не было. Похоже, что этот мир уже начал на меня влиять...

Наконец последний из горцев, не опасаясь засады, зашёл в глубь леса. Над деревьями разнёсся громкий птичьей крик и бой начался. Я встал, замахнулся дротиком и метнул его в сторону плотно идущий язычников. На это мне понадобилось меньше трёх секунд и на земле уже лежал один труп. Следующие два брошенных дротика уже не возымели такого хорошего результата, ведь надо отдать должное язычникам, они быстро опомнились от атаки и попытались сформировать единый строй, прикрываясь щитами, но тут свой шаг сделали ветераны наёмников. Прекрасно понимая, что нельзя дать варварам сгруппироваться, мы ударили с двух сторон, разрубая их группу на две небольших части.

Я не видел перед собой лиц и просто бежал вперёд, сильнее сжав свой круглый щит и обвитую кожей рукоять сабли. Один из варваров, заметив меня, постарался закрыться щитом, но скорость его была слишком малой, и я оказался быстрее. Заточенная накануне сталь с лёгкостью врубилась в открытую шею горца. Оттолкнув его ногой в грудь, я попытался рвануться вперёд и чуть было не наскочил лицом на остриё копья. Несколько сантиметров отделали меня от смерти, но широкий листовидный наконечник копья скользнул по шлему и ушёл в сторону, несильно при этом меня оглушив. Отпустив одну из лямок щита, я перехватился за древко копья и потянул его на себя. Варвара не ожидал такого и потянулся за копьём вперёд, напарываясь на сталь сабли. Его живот был защищён только жилетом из шкуры, и она никак не могла остановить моего удара. Сабля вошла почти по рукоять, выйдя из спины налётчика остриём. Он умер почти моментально, и я постарался вытянуть свой клинок обратно, но не тут-то не было — втаниец даже после своей смерти хотел причинять мне страдание. Вынимать оружие было не время, и я перехватил трофейное

копье, закрываясь от нападающего на меня здорового горца. Он с размаху постарался всадить свой широколезвийный топор мне в голову, но я успел закрыться щитом. Со свистом лезвие попало на круглый умбон щита, пружинисто отскочив от него и оставив на металле глубокую вмятину. Я ткнул в его сторону, целя в незащищённый подбородок, но, не смотря на внушительные габариты, тот легко отскочил в сторону, крутанув своим оружием над головой и на этот раз со свистом попытался отрубить мою ногу. Работал он своим оружием настолько легко и уверенно, будто это был не тяжёлый двуручный топор, а простая деревянная палка. Из-за этого мне постоянно приходилось отступать раз за разом, лишь изредка огрызаясь короткими ударами. Ватаниец ударил сверху вниз, но я шагнул назад, из-за чего топорище врезалось в землю, глубоко застряв там. Горец попытался выдернуть оружие из земли, но я наступил на топорище и пригвоздил его руку копьём. Он заорал от боли, но я вытянул свой нож и всадил его в глазницу язычника с усилием проворачивая клинок внутри черепа, превращая мозг врага в кашу.

К тому времени, когда мне наконец удалось вернуть саблю, то остальные бойцы окружили ватаниец, численность которых после короткой стычки была значительно меньше нашей. К тому же, мы смогли удачно воспользоваться преимуществом в оружии дальнего боя, позволив лучникам безнаказанно расстреливать горцев со всех сторон, зажатых нашим отрядом. Я тоже присоединился к бою, окончательно дожимая оставшихся язычников, понимая, что последующий бой будет простым добиванием уже проигравших ватаниец.

Я методично бил по пытающимся защищаться языщикам, чувствуя себя уже опытным охотником. Но всё оказалось не так просто. Со стороны второй группы, также расправляющейся с налётчиками, послышались крики, и я обернулся. Огромный язычник с медвежьим рёвом смог прорваться через окружение и махнув рукой, просто откинул Фабриса, отлетевшего на пару метров. Напрыгнув на него сверху, он уже заносил свой широкий меч для последнего удара.

До них было метров десять, и я никак не успел бы добежать до них, но стоять просто так было нельзя. Решение пришло на уровне инстинктов, и я поднял свой копье. Оно было слишком длинным и неудобным, но другого варианта просто не было. Богатырски ухнув, я отправил его в полёт и через несколько мгновений стальной наконечник пробил незащищённое бедро огромного ватаниеца. Тот заорал от боли, а Фабрис, неестественно вывернувшись всадил свой нож прямо в пах налётчика и длинным движением пропорол всю его промежность. Ватаниец рухнул на землю, испуская из себя последнюю кровь.

Этот воин был последним актом сопротивления окружённых варваров, хоть никто из них не собирался сдаваться. Пришлось добить всех до последнего. Мы стали методично собирать полученное с них снаряжение, и я сделал вывод, что эти налётчики были далеко не самыми сильным и опытным. Многие из горцев были молоды, их защита была из простых шкур и только пара-тройка выглядели теми, кто сумел побывать в нескольких боях. Тем не менее, это был успех и успех хороший.

Оттерев клинок о штаны одного из мёртвых язычников, я оглядел нашу честную компанию, пересчитывая выживших и раненных. Оказалось, что бой оказался почти бескровным, если не считать пару павших новичков, да нескольких раненных, включая Фабриса, нос которого был выбит и теперь смотрел в левую сторону, но старого лекаря это не особо заботило и он, не смотря на боль, одним движением вернул его на место. От увиденного меня аж передёрнуло — на такое бы я точно не решился.

Двадцать четыре — именно столько бойцов осталось в живых. Хороший результат. Наверняка, могло бы было быть лучше, но наша выучка оставляла желать лучшего, а потому что имеем, то имеем. Стоп...

Я сильнее завертел головой в поисках кудрявого сокольничего. Изначально он сидел прямо за моей спиной, но с началом боя куда-то запропастился. Я побежал в лес, где видел его в последний раз. У куста, за которым я прятался, лежал красный берет с гербом «Красного рыцаря», который носил Рубен. Вещица достаточно приметная и вряд ли паренёк оставит его просто так. Приглядевшись к траве, я заметил, что она примята. Причём, примята так сильно, будто по ней волочили что-то тяжёлое. Хорошим следопытом я не был, но по столь явному следу пойти мог даже такой профан как я.

Не смотря на усталость после хоть и короткого, но интенсивного боя, я побежал по следу, чувствуя какую-то ответственность за парня, ведь именно благодаря мне он остался в отряде и теперь его точно нужно было спасти.

Далеко углубиться в лес я не успел, как на грани слуха послышался крик. К нему-то я и направился, вынимая саблю из ножен. Как и подозревалось, Рубена утащил вглубь леса один из язычников и теперь, прижав того к стволу дерева, усиленно пытался зарезать бронзовым кинжалом сокольничего, который активно дёргался, пытаясь вырваться из крепкой хватки горца. Кудрявый орал, надрывая глотку и пугая всех лесных обитателей.

Выдумывать план было ищдишим, а потому я просто подбежал сзади и рубанул по руке замахнувшегося для удара горца. Неожиданно легко клинок прорубил кости и отсечённая кисть, несколько раз крутанувшись, шмякнулась в зелёную траву. Горец закричал так, что заложило уши и вторым ударом я ударил того по голове, раскроив череп и войдя саблей в мозг.

Пока я уперто пытался вытянуть глубоко засевший в черепашке мертвого налётчика клинок, а Рубен иступленно смотрел на отсеченную руку мертвеца, до сих пор сжимавшую в себе грубый бронзовый клинок, к нам, проламывая кусты и хрустя ветками под ногами, прибежал Сезар. Свой топор он держал так, чтобы быстро нанести удар и быстро вертел головой в поисках противника.

— Что произошло?! — пробасил бородач, даже не собираясь опускать своего страшного оружия.

— Парня утащили. Пришлось отбивать. — хмыкнул я после того, как мне наконец удалось вернуть своё оружие из головы упёртого горца.

Обтерев клинок о траву и вернув его в ножны, я поднял с земли недомеч сокольничего. Сам его владелец до сих пор не мог прийти в себя, медленно переводя взгляд с отрубленной руки на раскроенную голову ватанийца. Неожиданно для себя я разозлился и за грудки поднял Рубена на ноги. Рывок, похоже, был столь сильным, что несколько пуговиц с куртки парня остались в моей ладони, а сам он смотрел на меня испуганно и похоже не признавал во мне союзника.

— Оружие нужно чтобы сражаться! Зачем тебе оно, если ты не хочешь биться за свою жизнь?!

Прокричав это, я сильно толкнул Рубена в грудь его же ножнами, отчего тот упал обратно в траву и отправился обратно, утирая лоб от налипшей смеси пота и крови, которая уже начала сворачиваться.

Позже, отряд, одержав блистательную победу, оттянулся обратно в деревню. Окровавленное войско встречали сотни заинтересованных глаз крестьян. Некоторых из них

сильно смутили отрубленные головы налётчиков, обернутых в несколько мешков. Это было бы скрыто, если бы не несколько любопытных детей, которым очень хотелось узнать, что лежит в мешках у "дядей-наёмников". В общем, пришлось Сезару на них прикрикнуть, а их матерям успокаивать своих отроков.

Следующие три месяца были похожи на фильм "День сурка", но в гораздо более его кровавой версии. По большей части мы всё также продолжали базироваться в деревне, нагло приватизировав несколько домов для собственных целей. Селяне могли бы быть недовольны такой наглостью со стороны нашей братии, но с момента нашего появления здесь, налётчики ни разу не подбирались к поселению, а потому земледельцы были даже рады тому, что мы разбили свой лагерь здесь. Что же касается нашего контракта, то несколько раз нам всё-таки пришлось вступить в бой с налётчиками, которые продолжали пересекать пограничную реку и пытаться нападать на окрестные поселения. С каждым боем отряд становился опытнее и через время Бернд в очередной раз решился на расширение «Кабаньей головы», а потому отправился ко всё тому же герцогскому офицеру и в очередной раз вернулся с хорошими новостями. Честно говоря, я каждый раз поражался умению командира договориться и вывернуться так, чтобы добыть для себя наиболее приятные условия. Оказалось, что он смог увеличить плату за наши услуги ровно в два раза, да вместе с тем смог удачно продать всё то снаряжение, что мы собрали с трупов горцев. Да, ту немногую часть, что могла пригодиться, мы всё же оставили у себя, но и остальное стоило приличных денег по меркам нашей братии.

Из Орлаёна Бернд вернулся с большими, плотно набитыми кошельками и тремя десятками новобранцев, которые должны были как восполнить понесёнными нами потери, так и довести общую численность до полусотни человек. Такая численность уже больше смахивала на маленькую армию. У меня даже появились мысли о том, что у Бернда появились гораздо большие амбиции, как для простого наёмника. Однако командир поспешил уверить меня в том, что большего, чем хороших контрактов он не хочет.

Я уж было успокоился, как Бернд решил ошарашить меня ещё одной новостью. Как только прибыло подкрепление, то мне вручили звание десятника в компании, а вместе с тем и подарил полноценный куяк. Для кого-то это может звучать как ругательство, но фактически это был кольчужный доспех с вплетёнными в нём стальными пластинами на груди. Снаряжение достаточно дорогое, но видя, как значительно за последние месяцы улучшилось материальное положение отряда, можно было этому не удивляться. Все ветераны давно уже были облачены как минимум в кольчуги, а Бернд и вовсе таскал на себе бронзовый ламеляр поверх кольчуги, снятый с убитого мною ещё на мосту ватанийца, тогда как остальные из новичков носили плотные стёганые доспехи. Со стороны мы уже выглядели как профессиональная армия и десятник должен этому соответствовать.

За полученный в моё командование десяток я взялся сразу и очень крепко. Многие из моих бойцов были достаточно молодыми людьми, но хоть были из деревни, а потому привыкли к тяжёлой работе, но после дня тренировок каждый из них желал протянуть ноги.

Помимо физических тренировок, большое внимание я уделял битву в строю и дисциплине, что в нынешних реалиях было куда как важнее и эффективнее крепких лат и острого оружия. Хоть в больших сражениях я и не участвовал, но, судя по рассказам Фабриса, на местных полях битв до сих пор господствовала тяжёлая рыцарская кавалерия. Впрочем, такая конница далеко не всегда эффективна, особенно против подготовленных и дисциплинированных пехотинцев, не разбегающихся уже при виде сияющих доспехов и

мощных коней. Это в моём мире часто доказывали швейцарцы, сначала самолично озвездюлившие всех своих соседей, а потом и продавая эти самые звездюли, построив на этом целый государственный бизнес. Однако мне до выучки швейцарцев было ещё далеко, но я, как и бойцы, активно к этому шли.

Очень филигранно обучение новичков азам воинского ремесла, перетекло с Бернда на меня с Фабрисом и Сезаром. Не уверен почему Бернд решил так, но, похоже, что сильно доверял нам, а потому и возложил на нас эту сложную задачу. Сам же командир отряда всё больше и больше занимался бухгалтерскими делами, вручную прописывая множество строк в толстом фолианте и постоянно при этом щёлкая счётами.

Тем не менее к первому выпавшему снегу «Кабанья голова» имела под своими знамёнами полсотни достаточно подготовленных бойцов, каждый из которых был снаряжён, вооружён и обучен битву в строю. Такой компанией можно было наворотить немало дел и, похоже, об этом прознали и герцогские военачальники.

Когда наконец выпал первый снег, в ставшую уже почти родной деревню, прискакали парочка всадников. Их уже было хотели расстрелять ещё на подходе, но, увидев герцогский штандарт, было решено всё же пропустить делегацию.

— Я ищу Бернда командира наёмничьего отряда «Кабанья голова». — прокричал всадник, конь которого загорцевал.

Я взглянул на двух всадников, прибывших в нашу деревню. Они были определённо благородных кровей, поскольку доспех их выглядел уж очень дорого.

Так вот. Воины эти были больше похожи на рыцарей, одетые в стальные, начищенные и сверкающие на ярком зимнем солнце латы. Латные поножи, набедренники, наручи, латные перчатки и даже шлема, сильно смахивающие на бациенты, несли на себе следы ручного труда. Всё это выразалось в небольших кратерах от ручной обработки молотками кузнецов. На груди у всадников были надеты крепкие и достаточно передовые для этого времени бригантины, поверх которых натянуты короткие красные сюрко с перекрещенными чёрными мечами — герцогский герб.

Такие посланники были уж слишком дорогими гостями для простых посланий. Эта мысль пришла в голову не одному мне и по лицам как молодых наёмников, так и ветеранов, было понятно, что они ждут либо серьёзных проблем, либо любых других критических изменений в жизни нашей маленькой армии.

Рубен, посланный за командиром, быстро вернулся с Берндом, протирающим глаза от долгого оперирования с цифрами и позициями. Сейчас он выглядел больше похожим на средневекового клерка, нежели на бывшего наёмника и только меч вместе с покрытыми сетью шрамов руки, выдавали в нём прошедшего много боёв воина.

Посмотрев на прискакавшего воина, он устало вздохнул и похрустел затёкшей шеей, после чего кивнул всаднику, — Меня искали?

Всадник откинул забрало шлема, под которым оказалось морщинистое лицо с тронутыми сединой усами, и смерил Бернда брезгливым взглядом, после чего потянулся к своему поясу, на котором висел жёсткий тубус из плотной кожи. Откинув крышку на пуговице, всадник вытряхнул его содержимое в свою латную ладонь и развернул появившийся свиток пергамента.

— Его величество герцог Кловис Орлаёнский, главный наследник короля Людовика и истинный король Ларингии, призывает под свои знамёна все верные ему войска для противостояния нависающей над герцогством ватанийской угрозе. Кровавые язычники

готовят поход на нас, желая забрать все богатства, уничтожить наши святыни и забрать наших женщин...

Бернд покосился на меня с немим вопросом в глазах. Получив мой многозначительный кивок, он окриком прервал рыцаря, — К чему нам, простым людям, такой официоз? Давайте, ваше благородие, сразу к сути дела.

Всадник тяжело вздохнул и взглядом пробежался сразу вниз своего свитка, — Наёмничьему отряду «Кабанья голова» с его главой Берндом из Флауртина, предлагается заключить новый контракт. Все выплаты по прошлому контракту будут произведены в полном размере, а новый контракт будет заключён по новым условиям. — всадник на время замолчал, обводя наёмников взглядом и посмотрел на Бернда, после чего продолжил, — По условиям контракта ваш отряд должен будет влиться в войска герцога Кловиса на правах самостоятельного подразделения и участвовать в кампании против племён Ватании. Обеспечение провиантом герцог берёт на себя. Денежное довольствие будет выходить из пятнадцати людинов в сутки. Любые трофеи и пленные воины отдаются в полное владение отряда. Войнство собирается в течении семи дней у стен Орлаёна. Договор должен быть подписан в день получения сообщения или же в услугах «Кабаньей головы» герцог больше нуждаться ну будет.

Бернд впёрся взглядом в герб на груди рыцаря, почёсывая свой подбородок, на котором уже значительно отросла аккуратная борода, за которой командир тщательно ухаживал. В такой позе он простоял несколько секунд и по лицу его медленно поползла улыбка, из-за которой всем стало отлично понятно принятое командиром решение.

Глава 9. Кровавый снег

Бернд, впрочем, как и всегда, смог выторговать лучшие условия для отряда. Да, герцогский рыцарь, оказавшийся Гуарином из рода Богурне, торговаться не желал, но командир имел уж слишком подвешенный язык, а потому за каждый день теперь мы получали по семнадцать людонов за сутки. Сам же Гуарин мне не был знаком, но Фабрис подмечал, что этот мужчина долго командовал всеми ларингийскими войсками на южных границах, обороняясь против гранисийских налётчиков и отправляясь в ответные карательные походы. Из-за этого было ещё более странно видеть его в роли посыльного.

Мы же, подписав контракт, в тот же день свернули свой полевой лагерь и отправились обратно в сторону Орлаёна. Крестьяне по поводу нашего отхода особо радостных эмоций не испытывали. Деревня была большой, и подспорье в виде пятидесяти вооружённых человек были не лишними. Особенно многие были расстроены вестью о том, что уходит Фабрис. Старый лекарь хоть и не имел теологического образования и в прошлом был воином-монахом, стал заменять отсутствующего в деревне священника, которого убили в одном из набегов ещё до нашего появления. Фабрис упорно отказывался вести службы, но выслушивал каждого нуждающегося и выдавал советы как нужно поступить в том или ином случае. Такие советы многим помогали, и земледельцы осыпали Фабриса кучами благодарностей. Под конец нашего прибывания там потянулись люди даже из соседних деревень. Самому Лекарю, похоже всё это нравилось, и он находил в этом какую-то отдушину. Ещё никогда я не видел его таким спокойным и счастливым. Похоже, что он нашёл своё призвание в этой мирной духовной профессии, но наотрез отказался оставаться на роли священника и ушёл вместе с нами.

Дни пути обратно в город пролетели незаметно. Мы, не смотря на сильный снегопад, довольно быстро прошли расстояние всего за пару дней. Даже телега Хохлика особенно сильно не застревала в снегу.

В самом Орлаёне царил необычайная активность. Даже раньше всё было в постоянном движении, а теперь, когда множество войск стянулось в город, его можно было бы сравнить с муравейником. На городских стенах было в несколько раз больше солдат и по улицам ходило множество стражников, охраняющих порядок в наполненном разношёрстными войсками городе. В снегах он был ещё красивее, а знамёна сотен отрядов и домов яркими пятнами покрывали его с высоты. Их были десятки, если не сотни, и с каждым днём их становилось всё больше и больше. Первое время я ещё пытался подсчитать то великое количество войск, которое собралось у стен, но вскоре бросил это дело, поняв бесполезность подсчётов.

Порядка двух недель нам пришлось прождать в городе, заняв одну из последних свободных таверн. Пока было свободное от тренировок время, то я ходил по городу вместе с Берндом, высматривая лавки с провиантом и обучаясь искусству торговаться с лавочниками. Получалось не так уж и хорошо, но определённые сподвижки всё-таки были.

В одной из лавок мы столкнулись с двумя большими мужчинами, занимающими приличную часть небольшой лавки. При виде двух столь габаритных человек, хоть и стоящих спиной, но выглядящих весьма опасно, рука у меня всегда тянулась к висящей на поясе сабле, но применять её пока не спешил. Они о чём-то громко говорили с лавочником, который активно жестикулировал, то и дело поднимая со стола продукты и чуть ли не тыча

ими в лица мужчин.

— Ну что же ты за непонятливый торгаш... — со вселенским отчаянием проговорил один из мужчин, потирая свой лоб.

Слова прозвучали на сурском языке и меня как будто включило. Я шагнул вперёд и увидел, что перед прилавком стоит два уже знакомых мне бородача. Это были Тур и Боян, с которыми я повстречался ещё в первые дни своего прибывания в этом мире. Я случайно толкнул светловолосого Тура, который, будучи в не самом лучшем расположении духа, явно хотел выдать длинную тираду из нелицеприятных слов, но я протянул ему раскрытую для приветствия ладонь, сбив тем самым настрой северянина. Этих нескольких мгновений непонимания хватило суру для того, чтобы вспомнить меня.

— О! Ты же тот мужик из таверны. Как тебя там... — Тур огладил свою светлую бороду, — Точно! Вадим.

Сур крепко сжал и потряс мою ладонь. Заслышав знакомую речь, повернулся и Боян, не менее удивлённый от встречи, ещё раз сжав мою руку в тисках. Поняв, что я не против пообщаться, суры быстро окончили свою сделку и мы втроём вышли из лавки, оставив Бернда за закупками одного.

— С последней нашей встречи ты явно стал выглядеть лучше. — заметил Боян, вгрызаясь в кусок купленной солонины, — Всё-таки нашёл себе отряд?

— Да. «Кабанья головы» меня приютила. Может вы о нас слышали. — в ответ Боян отрицательно помотал головой, дав понять, что впервые о нас слышит, — Вы сами-то какими судьбами?

— Раз ты среди наёмников ошиваешься, то сам знать должен. Дружину наш здешний герцог нанял. Аж целого рыцаря послал с нами договариваться.

— Стало быть теперь вместе воевать будем? — улыбнулся я.

— Да. — кивнул сур, — Может, даже на одном фланге стоять будем.

Похоже, Бернд сделал все свои дела намного быстрее, чем ожидалось, и теперь звал меня, желая отправляться дальше. Пришлось пожелать северянам доброго пути и бесконечной удачи, и отправиться за собственным командиром.

Наличие суров в этой армии меня радовало. Фабрис, ставший для меня не только боевым товарищем, но и этакой очень умной энциклопедией, которая позволяла хотя бы теоретически познавать мир, успел мне о них немало поведать. Царство Сур, откуда и приплыли Тур и Боян, славилось своей стойкостью, своей пехотой и своей армией. Сур было похоже на помесь средневековой Руси и скандинавских королевств с явным преобладанием первой. Вот это вот Царство имело профессиональную пехоту, способную биться, как и на воде, беря на бордаж вражеские суда, так и на земле, собираясь в крепкий строй. Часто они искали славы на иностранных берегах, тогда как конница Суоров оставалась на собственной земле, охраняя её целостность. Да, по сравнению с рыцарями западных стран, по тяжести они были достаточно средними, но и исполняли совсем иную функцию. В отличие от рыцарей, их основным применением был не тяжёлый удар кавалерией по пехоте, а противостояние лёгкой коннице, идущей с востока. Потому Суры имели хоть и несколько медленных, но гораздо более выносливых коней для долгих преследований врага. Чаше Суры вели бой на расстоянии, изнуря противника стрельбой из лука и только при необходимости врезались в ряды врага. К сожалению, встретиться мне удастся пока что только с пехотными отрядами северян, но хорошо, что в качестве союзника, а не врага.

К концу недели герцогское войско наконец было собрано, и мы выдвинулись в бой.

Воинство, надо сказать, было весьма разношёрстным. Здесь присутствовало и феодальное ополчение, и знатная рыцарская конница, и разные наёмничьи отряды, и церковные войска, держащиеся особняком. Отметились даже знатные дома Рюгенда, некоторые из которых прислали немногочисленные контингенты, которые, в большинстве своём, состояли из хоть профессиональных, но пехотных отрядов.

Кто-то из герцогских офицеров обмолвился, что войско правителя составляло не меньше пяти тысяч человек, две трети из которых представляли крестьянское ополчение, мало на что способное при отсутствии крепкой дисциплины. Такие отряды чаще всего не решали итога всей битвы, выступая лишь подспорьем для сражающейся знати. Но даже так, это было достаточно большим войском для части раздробленного королевства. Похоже, что опасность от ватанийцев исходила большая, а иначе бы Орлаёнский Герцог не привлекал бы настолько большие силы.

Войско было разделено на две части. В первую, идущую под руководством самого герцога, отправились почти все кавалеристы. Похоже, что герцог хотел занять выгодное ему поле боя. Решение для проведения такого манёвра было не то, что важно, а просто жизненно необходимо. Да, хоть по численности большая часть отрядов была из пехоты, которая, за исключением наемничьих и рюгендских контингентов, была просто необученный и малопригодной для долгих битв, ударной силой ларингийского короля была именно тяжёлая рыцарская и церковная конница, которой нужно много пространства для проведения своих атак, а значит, что холмистая или лесная местность для такой армии будет противопоказана.

Мы же, будучи в составе обычной пехоты, пёрли по не самой широкой заснеженной дороге. Вся колонна с немногочисленным арьергардом, авангардном и обозом растянулась километров на шесть и двигались со скоростью не больше трёх. Можно было бы идти и быстрее, если бы не неожиданно выпавший снег, густо покрывший дороги и крупными хлопьями падающий на наши головы. Впрочем, именно этот снег и наступившие пред ним неожиданные заморозки стали причиной столь экстренной мобилизации герцогских войск.

Если летом, в силу наличия речной флотилии и самой реки, отбивать мелкие нападения ватанийцев было ещё худо-бедно, но возможно, то с зимой риск их прорыва за первые и вторые рубежи обороны возрастали многократно. Такие прорывы из раза в раз приводили к опустошению немалой части герцогства вплоть до стен Орлаёна. На штурм столь укрепленного города варвары не отваживались уж сотню лет, но даже так приходилось не раз отстраивать из пепла множество деревень и небольших городов, принося многокилограммовые убытки в казну короля и герцога. Причиной тому становился лёд, сковывающий реку и позволяющий горцам переходить её в любой момент в любом месте.

До момента осуществления такой возможности оставалось пара недель и "Красный рыцарь", следуя древней мудрости "Лучшая защита — это нападение", решил первым навязать бой.

Наш переход занял практически две недели и за всё это время по моим прикидкам пройдено было около полутора сотен километров и это был просто великолепный результат. Двигались мы, можно сказать, форсированным маршем, находясь в дороге часов по десять за сутки. Дорога была заснежена и узка, многие телеги обозов застревали в снегах, а воины шагали кто во что горазд, абсолютно не зная о таком явлении, как маршевый шаг. Да и построить в походную колонну недисциплинированных пехотинцев было той ещё задачей, и занимало не меньше двух часов. Вот и выходило, что пройти по десятку километров за весь день было задачей непростой.

Наконец, мы вышли на очень широкое поле уже почти в ночное время, после чего было приказано ставить лагерь. Это поле боя прекрасно приспособлено для широких манёвров кавалерии, поскольку было оно почти ровным, исключая только один большой холм, глыбой стоящий напротив нашего лагеря. Склоны холма были достаточно пологими и туда отправили несколько небольших отрядов для того, чтобы следить за передвижением варварских колон. Почему Кловис был уверен в том, что ватанийцы согласятся на генеральное сражение именно здесь, было непонятно, но мне, как обычному бойцу, до этого дела быть не должно. Уже ночью мы наконец смогли поставить костёр и от пуза наесться горячей похлёбкой, после чего отправиться на боковую.

Утром нас разбудил множественный колокольный звон, поднимающий войска по тревоге. Насколько было возможно быстро, я надел на себя снаряжение и выбежал из шатра, и приготовился к бою.

Вот только картина, представшая пред мной, оказалась более чем поражающей. На заснеженном поле перед нашим лагерем стояла армия язычников, и армия это была огромной. Посчитать точное количество голов было невозможно, но я бы с лёгкостью сказал, что ватанийцы собрали под свои знамёна не меньше пятнадцати тысяч человек. Все эти пятнадцать человек развернулись на большом поле, не оставив, похоже, никаких резервов. Такая численность войск была очень большой, и похоже, что собрались здесь многие племена. Построение их не отличалось особой изысканностью и представляло собой полукруг, "крылья" которого смыкались ближе к склонам холма. Центр, похоже, занимала лёгкая пехота, тогда как по концам построения расположились наиболее знатные и тяжелые воины. Немногочисленная кавалерия стояла одной большой кучей по нашу правую руку и не стремилась в бой. Стрелков видно не было вовсе, хотя и не исключено, что они просто смешались с основной массой пехоты. Похоже было, что вся эта армия планировала обороняться.

Воины герцога же выстроились совсем в другую формацию. Пехоту герцога разделили на три баталии, вытянутые по фронту. Впереди отрядов ближнего боя выдвинули тонкую цепь стрелков. Конница расположилась по бокам основной армии.

Наш отряд, вместе с сурами, поставили на левом фланге — там, где напротив стояли знатные кавалеристы ватанийцев. Вся ситуация мне не нравилась. Напрягало меня не сколько ожидание боя, столько то, что было до поднятой тревоги. Воины-горцы каким-то образом смогли разобраться со всеми нашими наблюдателями и построить несколько тысяч воинов, которые передвигаются отнюдь не тихо. Да и было очень уж странно, что они не напали ни ночью, ни сейчас, пользуясь своим подавляющим численным перевесом.

Трубачи коротко дунули в свои инструменты, и наше войско медленно двинулось в сторону врага. Командовать над нами поставили того самого, уже известного нам Гуарина Богурне, бодро шагающего сквозь снег, не обращая внимание на свой почтенный возраст. Двигались мы медленно, что позволяло мне лучше рассмотреть готовых противостоять нам варваров.

Похоже, что у горцев была особая система построения в едином фронте, напоминающая систему ранних римских легионов, но ценз здесь был не имущественный, а возрастной. Ряды варваров делились на три линии. В первой линии стояли наиболее молодые воины, вторую составляли менее новые, а третьими и вовсе стояли самые старые и опытные воины. В таком построении определённо был смысл, ведь ватанийцы, привыкшие сражаться с тяжёлой конницей окружающих их государств, делали ставку на остановку противника и

завязыванию его в рядах пехоты, где именно от последних рядов зависело то, смогут ли прорваться рыцари и смять ряды обороняющихся, так как плотное построение дисциплинированных пикинёров горцы ещё не придумали.

Через четверть часа мы, наконец, сблизились на достаточное расстояние, чтобы стрелки могли открыть огонь. Вот только ватанийцы в этом деле преуспели гораздо больше королевских воинов. Как я предполагал, лучники отделились из рядов пехоты и сделали первым залп. Тысячи выпущенных в одно мгновение стрел заполнили небо, закрывая небо тучами и поднимая бешенный свист, давящий на нервы. Сам же залп оказался столь эффективным, что через несколько секунд сотни слабозащищённых королевских тел рухнули в хладный снег, обогрив его рубиновой кровью. Королевские лучники попытались было ответить собственными залпами, но через несколько минут стало понятно, что воинов короля просто низведут под ноль. Трубачи отдали команду на отступление и лучники, и так готовые в любой момент бежать, убежали за крепкие щиты пехоты.

Со стороны горцев послышался рёв звериной радости. Ватанийцы потрясали своим оружием, уже чувствуя вкус своей победы, что немало злило немногих знатных офицеров, назначенных управлять пехотными соединениями. Их же конные товарищи, похоже, были готовы в любой момент броситься в атаку. Вот только, похоже, Красному Рыцарю удавалось удерживать дворян от опрометчивой атаки.

Но делать что-то было нужно. Как минимум пара сотен стрелков короля лежали в снегу мёртвыми или тяжелоранеными, тогда как язычники отделались всего несколькими десятками воинов. Продолжать перестрелку было делом бессмысленным, ведь стрелки у Герцога просто закончатся, и уж тогда воины язычников будут безраздельно хозяйствовать на поле боя.

Тут бы как нельзя кстати пригодилась подвижная кавалерия лучников на манер монгольских кочевников или римских сагиттариев или же артиллерия, чтобы разметать врагов по полю боя. Вот только их просто не было и Кловису нужно было что-то срочно выдумывать. У него в запасе было несколько сотен мотивированных, обученных конников и примерно четыре тысячи не таких обученных и мотивированных пехотинцев.

Однако Кловис медлил, не решаясь, похоже, на конкретные действия. Это просто парализовало всю армию герцога, и эта нерешительность сильно заставляла колебаться воинов. Они просто стояли, смотря на тела павших товарищей, слыша крики раненных и победные вопли язычников. Даже я, будучи наёмником, чувствовал себя некомфортно.

Ожидание растянулось, и даже Гуарин уже показывал свою неуверенность, постоянно посматривая в сторону герцогского шатра, где скопилось пару десятков человек с различными гербами на своих сюрко. Похоже, что Кловис либо решил созвать совет знатных рыцарей, либо же на него давило дворянство, склоняя к атаке на ряды язычников.

Я же усиленно пытался понять замысел горских командиров, чувствуя, что что-то мне напоминало их построение. Слабый центр войска и сильные фланги, загнутые концами от противника, плюс к тому ещё и конница, собравшаяся всей кучей на одной стороне. Это было странно, ведь для многих армий, где конница выполняла исключительно вспомогательные функции, было абсолютно характерно распределение её по флангам армии в качестве прикрытия. Я перевел взгляд на свободный от кавалерии фланг, пытаюсь отыскать причину столь интересного использования подвижных войск. Однако там была абсолютна пустая заснеженная и ровная поверхность, где вполне могла стоять и кавалерия. Странно... Язычники явно прибыли сюда раньше нашей конницы, ведь иначе вряд ли смогли бы так

бесшумно подобраться в снега. Что из этого исходит? А исходит то, что там вполне могли быть оборудованы «волчьи ямы» или рассыпаны триболы — маленькие шарики с четырьмя стальными шипами, которые ранили лошадиные ноги. Недавно выпавший снег хорошо мог скрыть следы таких работ, и тогда понятно, почему кавалерия стоит на противоположном фланге. Но что с пехотой? Почему такое странное построение?

Через мгновение я, наконец, понял, что напоминает мне эта ситуация. Мощные фланги с опытнейшими воинами и слабый центр, который под атаками точно отойдет назад. В добавок к этому ещё кавалерия, способная нанести единственный мощный удар, способный довести окружение до конца. Ситуация сильно напоминала битвы при Каннах или же сражение на берегах Чудского озера. И карфагенский полководец Ганнибал и русский князь ставили свои войска так, чтобы центр фронта был слаб, а фланги сильны. Как только центр продавливался под атакой врага, то "крылья" обхватывали врага, довершая окружение, и тем самым создавая этакий "котёл", в котором и уничтожат пробившихся. В обеих битвах атакующие проиграли, и этот раз вряд ли станет исключением.

— Рыцарям нельзя атаковать... — почти беззвучно прошептал я одними губами.

— Чего ты там говоришь? — ко мне повернулся стоящий рядом Сезар, сменивший свой топор на тяжёлое копьё и большой овальный щит.

— Это ловушка. Если рыцари атакуют, то их просто окружат, а уж нас потом по ветру рассеют. Нужно сообщить об этом герцогу.

Сезар по цепочке из бойцов передал сообщение Бернду, и тот вскоре оказался рядом с нами. Я коротко рассказал ему свои подозрения, и мы вместе, расталкивая плотные ряды пехотинцев, побежали по примятому снегу к командиру нашего фланга.

Благородный дворянин нервничал и раздражённо переступал с ноги на ногу, и то и дело почесывая свою шикарную седую бороду затянутой в кожаную рукавицу перчаткой. Наше появление он встретил с брезгливостью и непониманием смысла нашего здесь нахождения. Такая неприязнь к наемникам была очень частой чертой для многих благородных людей, ведь они блистательные рыцари, а мы долбанная грязная пехтура.

— Что нужно?! Встать обратно в строй! — зычно рыкнул фланговый командир, как только мы к нему подошли.

— Полагаю, что рыцарская атака будет провальна. — без предисловий выпалил я, — Ватанийцы специально выстроились так. Они заманивают нас в ловушку.

— Да что ты, грязный наемник, знаешь о наших славных рыцарях?! Мы топчем этих язычников под копытами наших коней из года в год! Они не могут нам ничего сделать! Они лишь жалкие варвары, не способные к победе!

Дворянин надвинулся на меня, положив при этом ладонь на рукоять устрашающего шестопера, висящего на его широком поясе. Командующий был разъярен и раскалился остатками пожелтевших зубов. Его охрана, состоящая из нескольких сержантов-латников, тоже развернулась ко мне, обнажив оружие, и в любой момент готовая накинуться на наёмника-выскачку. Спорить с разозленными дворянами было откровенно страшно, но я понимал, что необходимо было донести моё предложение для герцога.

— Именно, потому что вы много раз так с ними сражались, горцы и выработали новую тактику. Как только рыцари продавят центр, то их окружат и разобьют. Если вы хотите потерять здесь весь свет орлаенского герцогства, то Ватанийцы будут только рады этому.

Я уже видел, как Гаурин готовится проломить мне голову, но тут перед нашими рядами проскакал один из адъютантов герцога, при виде которого старый командующий решил не

исполнять уже желанную кару.

— Что тут происходит? — грозно спросил адъютант, удерживая своего норовистого коня.

Краем глаза я заметил, как Гаурин уже вбирает воздух в лёгкие, но я оказался быстрее.

— Ватанийцы сделали для нас ловушку. Рыцарям нельзя атаковать.

Несколько мгновений адъютант молчал, а затем протянул закованную в латную перчатку руку, предлагая мне взобраться на спину коня. Рывком я оказался рядом с адъютантом, и тот пустил коня рысью в сторону шатра герцога. Внутри кипели нешуточные страсти. Изнутри слышались десятки взбудораженных голосов, яро обсуждающих возможные решения сложившейся ситуации. Когда я вошёл в шатёр, то на меня никто не обратил внимания, а я же увидел пару десятков мужчин в богато украшенных доспехах с различными гербами на сюрко. Похоже, что были здесь самые известные и влиятельные графы герцогства, главы рюглендских контингентов и епископ-командующий монастырских сил. Большинство из графов предлагали начать прямую атаку на позиции язычников. Только церковники предлагали реализовать преимущество в обученной и тяжёлой пехоте.

Наконец, мне пришлось театрально покашлять, чтобы на меня обратили внимание. Большинство графов продолжили свой неудержимый спор, но своей цели я достиг — герцог обратил на меня внимание. Наконец, я смог нормально рассмотреть правителя Орлаёна с удобной дистанции.

Кловис оказался рослым парнем чуть больше двадцати лет отроду. Не смотря на столь невеликий возраст, выглядел он серьёзным и прожжённым человеком. Кловис обладал крепким телосложением, и даже латный доспех не скрывал этого. Голова герцога была прямоугольной, и со всех сторон её покрывали длинные золотистые вьющиеся волосы, ниспадающие до подбородка, и подобранные сейчас золотистым обручем с ярким, искусно огранённым сапфиром, сверкающим на солнце, напоминающим от того звезду. Смотрел он на меня серьёзным взглядом, глубоко посаженных синих глаз, являющихся отличительной чертой правящей династии Ларингии.

Герцог поднял вверх сжатый кулак и через несколько секунд беснующиеся дворяне замолчали, также устремив на меня взгляд. Я почувствовал себя некомфортно, но времени паниковать сейчас не было совсем.

— Ваше высокоблагородие, я считаю, что горцы создали для нас ловушку. Атака рыцарей обернётся нашей гибелью.

Как только я произнёс последний слог, то почувствовал на себе весь гнев орлаёнской знати. Столько синонимов слов «грязный», «вонючий», «уродливый» в одном предложении я ещё не слышал и предложений таких было далеко не одно, так что это сильно расширило мой словарный запас ларингийского языка. Вот только герцог мои слова воспринял всерьёз, и пришлось мне рассказывать предположительный дальнейший сценарий битвы при этой глупой атаке, сразу же с численным анализом, который приходилось мне производить по ходу рассказа, да во всех красках расписать, что будет со всеми дворянами, попади они в окружение горцам. Похоже было, что рассказ сильно впечатлил Кловиса, отчего встал резонный вопрос:

— И как ты предлагаешь нам действовать?

Вопрос был сложный, интересный, и главное, что своевременный. Вот только ультимативного ответа у меня не было. Мало было того, что язычники имели подавляющий численный перевес в пехоте и дальности лучников, так ещё и поле было подготовлено

врагом. В какой-то момент у меня возникла мимолётная идея предложить отступление герцогу, но потом понял, что для человека с прозвищем «Красный Рыцарь» такое решение будет оскорбительным, а оскорблять целого герцога мне не хотелось.

Честно говоря, неизвестный мне командир язычников, точно был бы осыпан целой тучей аплодисментов со стороны древнего китайского философа и военачальника Сунь Цзы. Мало того что ватанийцы имели численный перевес, но и явились на поле боя раньше, подготовив его и обернув преимущество врага в его недостаток. Я же, не имея достаточного военного и стратегического опыта, смог придумать только один план.

— Здесь идёт единственная дорога на Орлаён? — спросил я, и получив утверждающий кивок герцог, продолжил, — Тогда они сами пойдут в атаку...

План мой был не так сложен, но сильно рискован. Многочисленные графья точно не дали бы герцогу отступить на перегруппировку, а потому приходилось выдумывать что-то, чтобы не уходить с поля боя. Мой план заключался в том, чтобы обернуть преимущество численности врага в его недостаток. Вскоре уже начнётся зима, а это значит, что провианта у обеих армий сейчас далеко не на самой высоте. Вот только если Кловис, будучи средневековой версией милитариста с головы до ног, каждый год запасался огромными объёмами пропитания в своей столице, и сейчас смог воспользоваться ими для собственной кампании, то язычники, учитывая их стандартную тактику ведения грабительских рейдов, слишком сильно делали расчёт на грабёж провианта из поселений своего врага. Вот и выходило, что терпение и еда у племенных воинов закончится, и им придётся переходить в атаку. К тому же, мне удалось уговорить Кловиса на отправку нескольких десятков бойцов на охрану ещё одной переправы, которая была лишь небольшим узким мостом, перехват через который такой армии займёт далеко не один день. Такое решение было просто перестраховкой для моих нервов, да и удержать столь узкие переправы даже малым количеством бойцов будет несложно.

Что же именно планировал я? Благодаря Фабрису и удивительному согласию герцога Кловиса, мне удалось договориться с силами монахов-воинов, контингент которого в войске был одним из самых боеспособных, хоть и небольших. Из восьми сотен кавалеристов чуть меньше четверти приходилось на собранных из монастырей воинов. Да, такая кавалерия была не столь тяжёлой, как дворянская конница, но для моих целей более чем подходила. Конница мне понадобилась из-за того, что вспомнил я о засадном полке, действовавшем ещё на Куликовском поле. Да, идея разместить кавалерию в лесу была глупой, но этого делать я не планировал. Моей идеей было отвести отряд из чуть более чем сотни кавалеристов на несколько километров. Как мы узнаем о приближении врага на столь далёком расстоянии, ведь раций не придумали, а пускать сокола, когда тебя окружают несколько тысяч лучников, меткостью которые не уступали знаменитым лучникам из гористого Уэльса, а это сила великая? Решение оказалось простым, но доселе Ларингийцами неизвестное — дымовые сигналы с помощью костра. Обучил я этому делу Сезара и теперь был спокоен за коммуникацию.

Время для осуществления моего плана пришло через двое суток. К тому времени лагерь представлял из себя небольшую крепость с вышками и несколькими рядами частокола. Два предыдущих дня горцы всё чего-то выжидали, рассчитывая, видимо, дать генеральное сражение на своих условиях, но Кловис остался непреклонен, продолжая действовать по предложенному плану.

Я же, с отрядом конницы, чуть больше чем в сто голов, как и планировал, отошёл на

несколько километров в сторону от поля боя. Отходили мы под прикрытием ночи, имея большой шанс переломать коням ноги, но нам это удалось, и теперь мы выжидали, скрытые лесом.

Коня мне выдали далеко не самого лучшего, но для моего невеликого мастерства наездника этого было достаточно. Помимо того, из монастырских запасов получил в довесок копье с треугольным кавалерийским щитом. Идти в плотном конном строю на таран мне не сильно хотелось, но в ином случае смысл от тяжёлой кавалерии исчезал полностью.

Неожиданно, ранним утром один из дозорных заметил, что в небо поднимается постоянно прерываемый дым. Это значило только одно — ватанийцы пошли в атаку. Быстро поднятая тревога заставила монахов быстро надевать доспехи и спешно седлать коней. Командование нашим отрядом по факту находилось за епископом-командующим, и моё присутствие было только номинальным, да и только потому, что я понимал отправляемые костром сигналы.

Через полчаса мы уже были готовы, после чего выстроились в боевые колонны и отправились в путь. До поля боя у нас было всего несколько километров, и это расстояние нам нужно было преодолеть всего за час. Время не такое уж большое, но горцы явно не будут медлить.

Хруст ломающихся снежинок под копытами боевых коней всё громче возвещал о нашем приближении. Единственным местом, откуда мы могли войти на равнину, где и развернулась битва между двумя холмами, было небольшое пространство между вражеским холмом и окружающим лесом, где свободно могли проскочить всего четыре коня. Да, горский командующий вполне мог разместить ловушки и там, но это пространство отлично просматривалось с нашего холма, и при обнаружении проводимых там инженерных работ, Сезар должен был известить меня об этом с помощью костра, а раз сообщения не последовало, то у меня оставалась надежда на то, что план завершится удачей.

Наконец, проём показался перед нами, и я затаил дыхание, крепче сжимая конские поводья. Первая шеренга вошла в проход... и оказалась в низине. Я выдохнул, и вся сотня с небольшим теперь перешла на поле боя.

Открывшаяся пред мной картина поражалась. Огромные людские массы горцев, не сохраняя даже подобия строя, единой кучей пёрли на укрепленный лагерь ларингийцев. Горцев было настолько много, и шли они столь плотно, что, казалось, заполняли всё пространство пред мною и не имели конца. Десятки, если не сотни горских знамен радели не ветру, и это пугало. Столь великое войско могло сокрушить многих, и даже воины «Красного рыцаря» могли не устоять перед свирепым натиском язычников.

Я посмотрел на епископа. Он поднял копьем над своей головой и описал наконечником круг. Монашеская конница начала перестраиваться, образуя большой клин. Сделали они это столь филигранно и быстро, что я не успел осознать этого, как мы уже скакали вперёд, медленно набирая скорость.

Наше появление в тылу оказалось смертельным сюрпризом для наступающих горцев. Их лучники,двигающиеся позади основной пехоты, опасаясь ответного обстрела с холма, не имели позади себя прикрытия, ведь их командующий решил победить одним днём и взять лагерь герцогских войск нахрапом.

Топот множества закованных в броню коней был сам по себе страшен, но именно восседающие на них всадники несли смерть. Набрав невероятную скорость, мы врубались в лучников. В последний момент они успели заметить нас и даже выпустить редкие стрелы,

но этого было слишком мало для того, чтобы хоть как-то помешать нашей атаке.

Копья всадников пронзали тела горцев, протыкая иной раз сразу по несколько воинов, а кони топтали самых нерасторопных, ломая кости и раздавливая черепа. Мы двигались вперёд, рубя, коля, топча всех и каждого, кто появлялся на наших глазах. Горцы были слишком слабы и трусливы, чтобы хотя бы попытаться сопротивляться. Десятки, сотни тел лежали на снегу, корчась от боли или уже испустив дух. Боевой раж охватил всадников, и они никак не хотели останавливаться, сея смерть вокруг себя.

Бьющиеся на холме герцогские воины, наконец, увидев столь ожидаемую подмогу, рубиться стали в разы усерднее, стараясь обратить всё прибывающих горцев в бегство, и это у них получалось благодаря той неразберихе, царившей в рядах язычников, и нашей неожиданной атаке. Вновь это показывало необходимость дисциплины в войсках и полноценной тактики.

Но даже наш неожиданный натиск не мог быть вечным. Мы откатывались и атаковали, атаковали и откатывались. С каждым нашим нападением на снегу оказывались десятки, если не сотни язычников, но и наши ряды сильно проредили. От сотни уже не хватало четверти, а часть оставшихся была ранена. К тому же, часть ватанийцев смогла выйти из боя и теперь перестраивалась, желая хоть как-то перехватить наш отряд. Вот только врага они себе выбрали непосильного.

Следующие несколько часов превратились в кровавую бойню. Холм быстро обрастал кучами трупов, распространяющих тяжёлый запах крови по воздуху. Теперь, когда язычники лишились своего основного преимущества в виде подавляющего количества стрелков, которые рассеялись по всему полю, всё зависело от пехоты, а пехота была у герцога крепкая. В добавок, он приказал своим рыцарям спешиться и сражаться в первых рядах, вместе с остальными пехотинцами. Сам Кловис от битвы не уклонялся и, вместе со своей охраной, принимал удары противника, подбадривая остальных воинов.

Монастырской коннице позже пришлось очень и очень тяжело. После нескольких атак на пехоту, им пришлось столкнуться и с горской конной знатью, вознамерившейся положить конец нашим тыловым приключениям. В следствии своих военных традиций, горцы применяли кавалерию как вспомогательные войска, тем более что в горах и их лесах достаточно сложно было обучать конницу. Монастыри же, следуя западным ценностям рыцарства, опирались на тяжёлую конницу как на основной ударный кулак, а потому, хоть и с большим трудом, но они смогли разделаться со столкнувшимися с ними ватанийцами.

К четвёртому часу битвы исход стал, наконец, решён. Центральная баталия, в которой бился и одновременно управлял сам герцог, смогла пробиться через центр войска горцев, как бы разрезав то на две части. Ватанийцы, несущие очень большие потери в этой яростной сече, во множестве стали отступать, попадая на копья монашеской конницы, которая продолжала биться, не взирая на потери и усталость.

Медленно, но, верно, три герцогских малых баталии смогли сначала окружить правый фланг язычников и вырезать почти всех бьющихся там воинов, после чего развернуться и повторить то же самое с левым флангом, который, однако, бился до последнего, поскольку там воевали самые опытные и упёртые горцы, нежелающие отступать.

Победа была достигнута, но потери оказались очень большими, дойдя до двух с лишним сотен человек. Число, для такой грандиозной битвы, небольшое, однако герцогские хронисты считали только знатных людей, и столь большие потери среди дворянства были очень значительны. Такое количество могло означать то, что Орлаённое герцогство может

недосчитаться нескольких знатных семей в полном составе. Потери горцев были в несколько раз больше и точное их количество никто считать не хотел. Кто-то навскидку назвал несколько тысяч раненных и убитых.

Что же касается меня, то успел я сходить только в одну кавалерийскую атаку. В ней же моего коня ранили, хоть и удалось мне заколоть двух ватанийцев. По возвращению он истёк кровью и рухнул в снег, а я же побежал к лесу на краю поля боя. Уже там, пробираясь и скрываясь в лесу, мне удалось вернуться к своему отряду. Правда, тогда бой уже подходил к концу, а меня чуть не застрелили из арбалета, но к ставке я вернулся в добром здравии, даже сохранив снаряжение.

«Кабанья голова» вернулась хоть и потрёпанной, но живой. Почти всех наёмников поставили на левый фланг, где они, в жёсткой схватке, столкнулись с тяжёлой пехотой горцев, не уступавшей в выдержке и профессионализме самым опытным наёмникам. Но здесь большую роль сыграла дисциплина, насажденная в наших рядах за несколько месяцев. Наши десятки бились достойно и умело в первых рядах, но даже так потеряли только убитыми целый десяток и ещё почти два имели ранеными разной тяжести.

Раненым оказался и Бернд. Сезар вытащил его с поля боя на плече, донеся до Фабриса который помогал в ставке всем покалеченным в битве. Командир оказался подбит случайной стрелой прямым в бедро посреди боя. Крепкие кожаные штаны, вместе с кольчужной юбкой, смогли спасти его от сильного ранения, но даже так стрела в ноге не сильно способствует подвижности.

— Ты как, командир?

После окончания битвы я одним из первых оказался в лазарете, где на кучке сена лежал командир.

— Бывало и хуже. — Бернд потрогал своё перебинтованное бедро и шикнул от боли, — Ловкий план придумал. Хвалю. Про сигналы дымом сам придумал?

— Да.

— Молодец. Надо будет запомнить. — командир почесал своё лицо пятернёй, — Я уже думал, что ты погибнуть успел. Сильно хорошо монастырские взялись за горцев, а тебя на коне я вовсе не видел.

Неожиданно в лазарет ворвался герцог вместе со своей охраной. Пять человек в латном обмундировании вызывают, мягко говоря, страх, а тут это не простые воины, а натренированные рыцари, каждый из которых стоит по меньшей мере полусотни простых ополченцев. Да, наёмники — это далеко не простые воины, но даже Бернд или Фабрис бы сейчас не решились сражаться ни с одним из них. К чему я это? А к тому, что некоторые из таких вот дворян очень часто обманывали наёмников.

Я взглянул на герцога. Молодой рыцарь, чьи красные латы были заляпаны уже побуревшей кровью, был ранен в голову и белый бинт закрывал почти всю правую часть лица. Однако, не смотря на рану, дворянин был весел и улыбался от уха до уха.

— Наёмник! Как там тебя? — Кловис зажмурился, — Точно! Вадим! — дворянин звонко рассмеялся, — Ты как догадался, что они нас в ловушку завести хотят? Там, где ты указал, действительно были выкопаны ловушки. Если бы мы атаковали, то точно потеряли бы много знатных людей. Приношу тебе свою благодарность. — герцог положил ладонь на кирасу в том месте, где должно быть сердце и кивнул.

Такая почтительность со стороны знатной особы меня, мягко говоря, напрягала. Ладно я бы был лордом, боярином или ещё каким дворянином, но, будучи человеком без роду и

племени, общаться на равных с герцогом в принципе не должен. Об этом думали и рыцари из охранения самого герцога, смотря на меня со всевозможным презрением.

— Ваше благородие, я просто догадался. — я легко поклонился правителю, — Горцы обычно бьются иначе, ставя самых сильных и опытных воинов в центр. Меня это насторожило, и я предположил, что это ловушка.

— Вы удивительный воин, Вадим. Знание тактики ватанийцев, чутьё, дымные сигналы, так ещё и высоко слаженные солдаты. К тому же суры сказали о том, что вы можете говорить на их языке. Слишком много странных совпадений, как для простого воина. Не кажется ли вам так?

Герцог испытующе посмотрел на меня. От взгляда его голубых внимательных глаз меня пробрало до костей, и весь я покрылся потом. Было в его глазах что-то угрожающее, что чуть не заставило меня положить ладонь на рукоять своей сабли, но через несколько мгновений успокоился. Своими действиями я и вправду сильно выбиваюсь из рядов обычных наёмников, но хвататься за оружие в любой момент слишком опасно, а потому я просто пожал плечами.

— Впрочем, история знает многих славных воинов, которые неожиданно показывали свой военный дар. Не хотите вступить в моё войско командиром пехотного копьё?

Предложение было очень заманчивым. Слишком заманчивым, а потому и подозрительным. Опять же, не будучи уроженцем одного из знатных домов, в герцогском войске мне по карьерной лестнице не подняться. Максимум, что смогу, так это стать главным среди обычной быдло-пехоты. Даже такой пост для многих был бы пределом мечтаний, но служба в правительственной армии мне ещё при прошлой жизни не понравилась.

— Извините, ваше высокоблагородие, но я откажусь. Мне, как вы сказали, удобнее быть «простым воином».

Герцог добродушно рассмеялся, — Другого ответа я и не ждал, но я запомню, что у «Кабаньей головы» такие сильные воины. На пару дней мы здесь ещё останемся. Нужно собрать трофеи и похоронить павших, так что охранение для раненных ещё будет. Потом вы можете либо уйти сами, либо с нами. — герцог ещё раз кивнул и повернулся к выходу, — Пошлите кого-нибудь из своих за вашей частью трофеев.

С этими словами герцог и его охрана вышли из шатра с ранеными, оставив меня, Бернда и только недавно пришедшего Фабриса в смятении. Где видано, чтобы наследник трона Ларингии говорил с простым смердом? Вот именно — нигде.

Повисла недолгая тишина, а я стоял посреди широко шатра полевого лазарета, иступлённо хлопая глазами. Вокруг меня сейчас сидели воины, с которым я успел и обагрить кровью мечи, и надломить хлеб. Все они смотрели на меня с неким уважением. Командир же, вытянув раненную ногу, которую наглаживал намозоленной пятернёй, смотрел то на меня, то на повязку на бедре, и явно что-то хотел сказать.

— Вадим, подойди сюда. — окликнул меня Бернд и поманил движением ладони.

— Слушаю.

— Как видишь, из меня сейчас командир никакой. — усатый указал на свою раненную ногу, — Так что командовать сейчас придётся кому-то другому. — он посмотрел на Фабриса, но тот лишь помотал головой, подходя к кому-то из раненых, на ходу разматывая тряпицу, — Фабрис отказывается, Сезар, надеюсь он не обидится, но глуп, Зеф скор на расправу, а вот ты. — командир ткнул меня указательным пальцем в грудь, — Ты — дело

другое. Хорош в бою, знаешь два языка и головой, хоть и не всегда, но всё-таки пользуешься. Вот и назначаю тебя временным главой нашего отряда.

Бернд усмехнулся и толкнул меня в грудь. Мои глаза ещё больше округлились, и я затаил дыхание. Очередное неожиданное повышение, и опять, даже малейшего понимания, что делать дальше, у меня просто не было. Да, хоть и временно, но я командир, а значит, все проблемы теперь решать мне. Задача муторная, но бросать боевых товарищей без грамотного командира — целое преступление.

Глава 10. Новые знакомства

В Орлаён мы вернулись отдельно от основного войска герцога. Раны наших бойцов хоть и оказались серьёзными, но Фабрис настоял на том, чтобы быстрее вернуться в город, где в тепле и комфорте выздороветь наёмники смогут в разы быстрее. К тому же, трофеи оказались богатыми. В Ларингии была достаточно интересная система распределения трофеев среди бившихся солдат. Дворяне, как самый привилегированный и самый боевитый класс, всегда имели шестьдесят сотых от всего полученного в бою, разделяемого меж дворянами и их оруженосцами. Сержанты и наёмники получали двадцать восемь сотых от всех трофеев, а ополчение всего двенадцать сотых. Непонятно, чем обусловлена данная система, но функционировала она спокойно и удовлетворяла всех солдат. Хоть обоза у горцев как такового не было, однако доспехов, оружия и коней удалось набрать очень даже немало, а потому, никто обиженным не ушёл.

В город мы вернулись не только победителями. Новости о поражении войска горцев оказались в Орлаёне намного быстрее самих победителей, и горожане встречали нас радостными криками. Их даже не огорчали целые колонны раненных, без которых точно не могло обойтись столь сложное сражение. Многие из тех, кто был ранен, навсегда останутся калеками, и вряд ли будут способны вести привычную им жизнь.

Как только мы вернулись обратно в город, было необходимо сначала вылечить всех тех, кто понёс серьёзные ранения. Я, было, хотел обратиться к местным лекарям, но Фабрис стал активно меня убеждать, что справится сам. Как бы я не настаивал на своём, но уверенный в навыках старого монаха Бернд тоже подключился к своему убеждению, и противостоять двоим напористости мне не хватало.

Волновало меня другое. Учитывая, что раны некоторых из наших бойцов не дадут им дальше воевать в наших рядах, то нужно было выплатить им отпускные, а погибшим отправить погребальные деньги. Благо, казна после последних наших контрактов стала куда как больше и богаче, да и Орлаёнские почтовые службы славились своей честностью. Бернд заранее записывал в свой журнал имена и поселения, в которых были набраны новички. Это сильно облегчало задачу, и расправиться с ней мне удалось за день.

Пока бойцы отдыхали, а раненные затягивали свои раны, мне нужно было вновь искать новобранцев для нашего отряда. Да, учитывая нашу большую мощь, отряд мог пинать пни, но нужно было понимать, что на обучение новобранцев и создание из них полноценного войска нужно время и время немало, а потому стоит этим заняться уже сейчас. Радовало то, что слава «Кабаньей головы» росла с каждой битвой, и найти новых бойцов должно стать куда как проще.

Но хотелось мне хоть немного отдохнуть, да пройтись по городу. Неизвестно сколько мы ещё будем тут находиться, и выдастся ли мне шанс ещё раз прогуляться по столь большому городу. Всё же, это ещё средневековье, и найти здесь большие поселения будет уж очень сложно.

Доспех я оставил в таверне, где расположился отряд, надел ладно сшитый полушубок и мохнатую меховую шапку из лисы. Со стороны меня вполне можно было бы принять за северянина сура, ведь одежда моя вместе с рубахой были сшиты по привычному им крою, да и борода, изрядно выросшая за последнее время, сильно отличалась от ларингийцев, кои обычно носили только лишь усы. На широком кожаном поясе закрепил ножны с саблей,

расположив их поудобнее с правой руки.

Ещё раз окинув взглядом таверну, где веселились и отдыхали наёмники, я вышел на простуженную улицу, тут же обдав лицо холодом. За всё время в этом мире я уже было соскучился за зимой, и с удовольствием вдохнул стылый воздух и выпустил две тонкие струйки пара.

Навалившийся на город холод никак не заботил горожан, всё также тут и там снующих по улицам. Непривычные к столь суровому холоду Орлаёнки, хоть и жили на севере королевства, но всё больше и быстрее старались укрыться в домах. Я же, хоть и был телом как они, но русская душа радовалась зиме. Сразу захотелось сделать снежок и запустить его в какую проходящую девушку, но разум взял верх, и я просто пошёл в сторону крепости, смотря на красивые заснеженные дома.

Орлаён продолжал жить своей размеренной торгово-ремесленной жизнью. Река покрылась толстой коркой льда, но тракт из Рюгленда продолжает функционировать, пропуская по себе вечно движущиеся караваны. Знатные дома Рюгленда всегда держали руку на пульсе, и, как только опасность нашествия горцев была уничтожена, сразу же отправили десятки своих торговцев Ларингию с товарами, надеясь вернуться обратно с рабами и изделиями из металла, кои производили множественные кузницы и литейные Орлаёна.

Я призадумался, что тоже надо будет заглянуть в эти кузницы. Если у меня получится уговорить Бернда на качественное изменение отряда, то нам нужно будет много нового оружия и доспехов. Правда, цена, которую мы заплатим, с лихвой должна будет отбиться от тех контрактов, которые мы будем получать, и тех врагов, которых получится бороться.

Планы мои, мягко говоря, были наполеоновскими. Мне хотелось создать из нашего отряда полноценную армию, хотя бы в несколько сотен человек. Мне хотелось достигнуть уровня швейцарцев, а то и ландскнехтов. Судя по всему, пехота до конца ещё не достигла такого уровня тактики и дисциплины на поле боя, чтобы уметь сокрушать господствующую на поле конницу. Для меня, знающего когда, а главное, как дали звездюлей коннице, есть огромное поле для творчества. Правда, как бы я не пытался вызнать у Фабриса про пороховое оружие, тот раз от раза разочаровывал меня, говоря о том, что нечто подобное громяющим палкам используют только гранисийцы. Да и проблема была не только с отсутствием порохового оружия как такового. Дисциплина и логистика. Обе этих составляющих были очень важны, чтобы перейти от простых разрозненных наёмников до полноценной наёмной армии. Вдобавок к большому количеству снаряжения нужны и правильные люди, которые будут заправлять всей этой компанией вечно готовых бою людей.

Но пока я эти мысли старательно отгонял, поскольку мечты мечтами, а для начала надо бы уговорить на это Бернда, который по несколько дней раздумывал перед каждой значительной тратой денег. В общем, был скрягой.

В один момент я понял, что иду в мыслях, следуя за толпой. Горожане шли куда-то прочь из города под радостные крики и при этом пританцовывая. Настроение у народа было уж больно хорошее, и это меня удивляло, поскольку только недавно в город приехал целый обоз с телами мёртвых дворян, а это зрелище, понятно, было не из приятных. Тем не менее, похоже, собиралось какое-то празднество, на которое хотелось бы посмотреть.

Толпа вынесла меня из города, и вскоре мы оказались на большом поле в нескольких километрах от самых дальних домов нижнего города. На большом поле расположился целый городок из разноцветных шатров и палаток. Вновь я видел сотни штандартов и гербов различных рыцарских родов и семей. Здесь были как уже известные мне по битве меж двух

холмов рода, так и абсолютно новые рыцари. Похоже, что в честь своей победы, герцог решил устроить грандиозный турнир. Оттуда тянуло запахом множества блюд, и изголодавшийся по необычным запахам нос тут же учуял специи. Я был здесь уже несколько месяцев и давно убедился в том, что особо специями местная кухня не балует.

К шатрам знати не пускали, перегородив проходы, герцогские пехотинцы. Кто попало туда не проходил, хотя краем глаза я всё-таки заметил группу весьма неоднозначно одетых дам, сразу пошедших в сторону одного из самых больших шатров, сшитого из белых шёлковых и золотых парчовых полос. Одна такая ткань стоила очень приличных денег, а подобных шатров я сейчас видел несколько десятков штук. Выдайте мне всю использованную при пошиве шатров ткань, и я смог бы осуществить все мои идеи по созданию войска, но, увы и ах, эти огромные средства пошли на пошив больших палаток.

У лагеря было сколочено большое ристалище с высокими трибунами, где уже стали рассаживаться горожане. Стражники, стоящие там, не пропускали бедно выглядящих горожан и гостей. Внешне я выглядел вроде бы неплохо, а потому рискнул взобраться на трибуны. Стражники пропустили меня без особых проблем, и я поднялся на самую высокую скамью. С одного боку от меня сидела дородная женщина в искусной меховой шубой и с множеством золотых цепей на шее и браслетов с драгоценными камнями — купчиха. С другого бока сидел хмурый мужчина в потрёпанном плаще, подбитым мехом, и смотрел на ристалище самым ненавидящим взглядом из всех, что я видел. Его недовольство прямо повисло в воздухе. Я же просто сел, поставив локти на колени и положив на ладони голову, и принялся ждать шоу.

Я уже было успел задремать, как неожиданно загромыхали трубы. Показалось, что это была отдача приказов и захотелось сразу пойти в бой, но через пару мгновений сообразил, что нахожусь не на поле боя, а на турнире, и пальцы тут же отпустили рукоять сабли.

На ристалище под звуки труб въехали два рыцаря на здоровенных конях, в крепких латных доспехах и с раскрашенными щитами. У одного из них щит был раскрашен рисунком знакомого мне герба. Чёрный круг на белом фоне с двумя скрещенными золотыми копьями. Такой герб имел на сюрко один из герцогских охранников и я, кажется, даже помнил его имя. Элиос Лансьер — так звали этого рыцаря, и его турнирное копьё было выкрашено в бело-жёлтую полоску. Второго рыцаря, к сожалению, я не знал, но это только прибавляло ему в моих глазах симпатии. Очень уж этот Лансьер нехорошо на меня смотрел. Словно не на пыль под ногами, а на здоровенную такую коровью лепёху.

Второй рыцарь имел на щите и сюрко совсем иной герб. На фоне из больших синей и красной линий была связка серебряных колосьев. Его род я не знал, но конём и снаряжением он вовсе не уступал своему оппоненту.

Оба секунданта подошли к бойцам, проверяя их доспехи и копья. Через несколько секунд, стоящий на противоположной трибуне главный судья поднял руку вверх, вновь затрубили пажы, и кони, ударив в снег копытами, начали набирать скорость. В длину ристалище было метров сто двадцать, и до столкновения было всего ничего. От интереса я даже привстал на трибунах, и поднял сжатые к груди кулаки. Я был всего на одном таком турнире, да и то он был не настоящим. Бойцы на нём были такими же, как и я, реконструкторами, а от того всё происходящее ощущалось с некоторой фальшью, хоть эмоций доставляло изрядно.

Здесь же турнир был другой. Воины, которые сейчас готовы схлестнуться друг с другом, были мастерами своего дела, и положили на обучение воинскому ремеслу всю свою жизнь,

да и окружающая действительность добавляла антуража.

Ржание коней, удары их ног о притоптанный снег, крики толпы. Кони несли рыцарей на своих спинах с такой огромной скоростью, что отпечатывались на сетчатке лишь пятнами. Наконец, они сблизились, и раздался удар! Он оказался столь яростным и тяжёлым, что копыта треснули на мириады щепок, а сталь доспехов закрипела от приложенной на наконечники копий силы. Щит рыцаря с колосьями треснул, а сам всадник сильно отклонился назад и в бок от удара. Меж крепких досок щита застрял наконечник бело-золотого копья, а его обладатель... Лансьер раскинулся на снегу в позе звезды, и шлем его, похожий на жабью голову, отлетел в сторону, промявшись от копья своего соперника.

Рыцарь с серебряными колосьями на щите едва смог остановить разбушевавшегося коня у противоположной стены ристалища, и победно поднял своё копьё к небу, что-то закричав на ларингийском языке. Слов его было не слышно из-за забрала, скрывавшего лицо рыцаря, и победного крика толпы.

— Молодец, Чампдьяргент. Уделать Элиоса Лансьера — дорогого стоит. — ухмыльнулся сидящий рядом со мной мужчина в плаще.

Я посмотрел на него. Мужчина был не молод, и его лоб давно испещрили глубокие морщины. Кожа недовольного комментатора, похоже, не знала загара, а значит, он был далеко даже не из обычных горожан. Левый глаз мужчины пересекал грубый косой шрам, из-за чего казалось, что он вечно щурится.

— А кто этот Чампдьяргент? — поедаемый интересом спросил я у мужчины, — Я не видел его герба в битве с язычниками, а говорят, что собрали туда почти всех рыцарей герцогства.

Мужчина повернулся ко мне и с удивлением смерил меня изучающим взглядом.

— Чампдьяргент — странствующий рыцарь Ларингии. С ним я лично не знаком, но знаю, что он не успел на битву всего на несколько часов. А вы кто сам будете? Торговец? Ремесленник? Дворянин? Хотя, точно не последнее. Слишком наглые у вас манеры.

— Вадим. Десятник и временный глава «Кабаньей головы». — я протянул раскрытую ладонь.

— Анселм Вирт. — мужчина пожал мою ладонь, — Слышал о вашем отряде. Говорят, вы боялись язычников, как деревенские девки первого раза.

От захлестнувшего меня негодования я щёлкнул челюстью и спросил, — Кто такую брехню рассказывает?!

Голос оказался неожиданно низким и тихим, но отчётливым. Анселм ухмыльнулся, почесал аккуратную бородку, обрамлявшую его рот, и кивком указала на ристалище. Там, так и не приходивший в сознание, лежал на снегу Элиос Лансьер, к которому уже подбежали несколько человек, ведущих за собой лошадь с санями. Один из них перехватил поводья рыцарской лошади и увёл её за трибуны. Двое других бережно подняли рыцаря и аккуратно положили того на сани.

— Но не берите в голову, Вадим. Такие, как Лансьер, никогда не будут смотреть, как на равных, на тех, кто будет ниже их по рангу. Он из слишком древнего и знатного рода. Элиос не уважает даже тех, кто хоть на каплю менее знатен, чем он. Про вас же знаю, что действовали вы слаженно и профессионально. Крепкий наёмничий отряд. Кажется, — Анселм почесал свой гладко выбритый затылок, — говорили даже, что, дескать, наёмник какой-то придумал, как язычников разбить. Не знаю, обманывают ли.

— Не то, что обманывают. Скорее, приукрашивают. — улыбнулся я, — Тот план — наш

общий с герцогом. Да и придумать мало — надо задуманное осуществить.

— Верно говорите, Вадим.

— А вы из какого сословия будете? — спохватился я.

Вирт отмахнулся, — Дворянин, но мелкий и безземельный. Слава моего рода уже давно угасла, и я последний из тех, кто несёт достойную фамилию Виртов. — собеседник улыбнулся, — Нет у меня уже ни имения, ни крестьян, и даже лошади у меня уже нет. Так что, можете считать меня за простого человека.

В глазах Анселма читалась неприкрытая грусть. Всё же, мало чего можно найти более грустного, чем дворянина, потерявшего всё. Он покивал сам себе, уйдя куда-то в глубь собственных мыслей. Пока мы разговаривали, то на ристалище уже появилась новая пара конников. Вот только и я, и Анселм, уже потеряли интерес к состязанию.

— Бравый Вадим, может нам отойти выпить? — спокойно посмотрел мне в глаза Анселм.

— Можно. Мы расположились в таверне...

Дворянин отмахнулся, — Зачем нам таверна? На турнирах разливают пиво из лучших корчем. Надо только знать где. И я знаю.

Предложение было очень уж заманчивым, и отказываться мне совсем не хотелось. Сдвинув недовольно ворчащую дородную дамочку, мы спустились с трибун и наведались под один из шатров, где разливал пиво из большой бочки толстый мужик. Обливаясь потом даже в такой мороз, он быстро работал черпаком, выливая жидкое золото в глиняные и деревянные кружки. Мы взяли себе по одной, вместе с полноценной курицей, которая тут же жарилась на вертеле.

Пиво оказалось хорошим и шло очень легко. С каждым глотком я чувствовал, как усталость прошедших недель уходит из тела и разума. Мясо было слегка пережаренным и уж очень сильно отдавало чесноком, но вместе с пивом это уходило на второй план.

После первой кружки, наконец, у нас с Анселем завязался разговор. Дворянин говорил о прошедшем столкновении с язычниками, рассуждая о правильных и неправильных действиях герцогского войска, и о том, что бой сей, а точнее победа в нём, была просто на грани чуда. Вирт рассуждал, что многое решилось из-за малодушия язычников, и будь те больше крепки строем и духом, то даже неожиданная атака монашеской конницы не смогла бы перевесить чашу битвы в нашу сторону. Также Анселм заявлял о том, что существующие у королевства стрелки не могут нормально тягаться с лучниками Ватании, а нанимать арбалетчиков в Рюгленде — денег никогда не напасёшься. В том случае, если язычники догадаются вести не беспорядочные налёты, а сделают хоть сколько-то профессиональное и организованное войско, то, при следующем столкновении, даже рыцари будут бежать дальше, чем видят. Также безземельный дворянин заметил, что ватанийцам надо кого-то нанять из Гранисии, Ларингии, Рюгленда или каких-то других королевств, если не в качестве командующего, то в виде советника. Такой человек поможет им обучиться хотя бы минимальному бою в строю и дополнительной подготовке укреплений к сражению. Волчьи ямы стали немалым удивлением для герцогских рыцарей, а если будут оборудованы полноценные позиции, то латы и оружие не помогут рыцарям в победе. При таком отношении стрелков, всех двинувшихся в атаку просто расстреляют, а добравшихся до позиций и пробившихся через колья добьют пехотинцы ватанийцев.

Такая точная аналитка чуть не заставила мою нижнюю челюсть удариться о столешницу импровизированной пивнухи. Анселм практически пересказал сражение при

Креси, и сделал это столь точно, что закралось у меня сомнения в том, что он обычный человек, но нормальных причин волноваться у меня не было, и потому свои сомнения пришлось задвинуть куда подальше, что не отменяло правоту Анселма.

— Получается, добрый Анселм, вы страстно желаете вернуть славу своего рода? — решил вернуться я на интересующую меня тему.

— Было бы славно, вот только кто мне даст сделать это? Настоящего короля в Ларингии сейчас нет, да и не предвидится, похоже, в скором времени.

— А герцог?

— А что герцог? — вздохнул Вирт, — Ценит он только тех, у кого сила есть, и кто силу эту готов будет ему дать. А какая у меня сила? — дворянин быстрым движением вытянул меч из ножен и положил его на стол, — Только этот меч — и всё. Вот и перебиваюсь от заказа к заказу.

— А какую работу выполняете?

— После того, как долбаный Ландсьер отобрал мои земли, приходится перебиваться от раза к разу чем попадётся. По большей части либо нанимаюсь охранять купцов, либо обучаю мечу детей мелких дворян и тех же купцов.

— Ландсьер отобрал у вас земли?! Как?!

— Раньше мои земли граничили с его. За время служения Ларингии наш род получил множество земель, и урожай у нас даже в самые худые годы был отменный, так что Ландсьеры всегда завидовали нам. Моего отца уважали за доблесть, отвагу и справедливость, но почти двенадцать лет назад он умер, и не прошло месяца, как Ландсьер наняли наёмников с Рюгленда и подставил меня. Нанятые им воины были якобы посланы мною, и напали на его деревню. Сгорело пару домов, и на месте той деревни «нашлась» брошь с изображением герба моего дома. Герцог рассудил, что виноват именно я, и отдал мои земли в пользу Ландсьеров, после чего уже несколько лет я скитаюсь, как бездомный, хотя и имею дворянское происхождение.

Вирт имел историю, которых насчитывались тысячи, если не сотни в этом времени. Правило того, что сильные пожирают слабых, продолжало работать на протяжении тысячелетий и в средневековье набрало самые значительные обороты. Впрочем, мои грустные мысли быстро развеялись парой литров отличного пшеничного пива, распитого в компании приятного человека, который без усталости продолжал говорить о войне и той роли, которую в ней играет рыцарская конница. Анселм, предвосхищая мои мысли, заявил о том, что технологии рано или поздно сделают так, что куда более дешёвая пехота со временем вытеснит дорогую рыцарскую кавалерию. Особенно, учитывая момент того, что слишком много стало рыцарских земель, и обеспечивать качественную кавалерию становится всё сложнее, ведь новых земель уже больше сотни лет не завоёвывали.

Ещё полторы кружки, и у меня появилось чёткое ощущение того, что предо мной сидит самый приятный человек в этом мире. И с каждым его словом мне всё больше хотелось принять этого дворянина в свой отряд. Ну... почти в мой отряд. По крайней мере с человеком, который согласен со мной по многим пунктам реформы воинства, будет куда как легче продавливать решения.

— Слушай, — я пытался удержать язык во рту, который вообще никак не хотел слушаться, — Анселм, а ты хочешь в наш отряд? Денежек мы тебе хорошо положим! Монетой звонкой не обидим!

Анселм пробурчал что-то имеющее под собой согласие, и мы победно чокнулись

кружками. Дальнейший вечер помню только урывками. Помню, как мы осушили ещё несколько кружек, потом, вроде, ушли с турнира, поругались со стражниками, чуть их не зарубили, а потом всё. Дальше не было даже отрывков памяти. Только тьма.

Глава 11. Чёрная кровь войны

(UPD) Глава заменена

— Господин! Господин Вадим!

Меня активно трясли за плечо и кричали на ухо, но тёплое шерстяное одеяло и матрас, набитый соломой, не хотели отпускать из пучин сна. Я попытался было отмахнуться, вот только будящий меня человек был сильно настойчив и продолжал активно трясти меня за плечо. Сквозь пучину сна стало проглядываться понимание, что разбудить меня пытается Рубен.

Со стоном я медленно поднялся на локте, после чего сел. Голова была одновременно ватной и чугунной, из-за чего сознание возвращаться не хотело. Неужели меня так убрало с простого пива? Сколько себя помню — похмелья не было ни разу. Ощущение, мягко говоря, дурное, но Рубен замолчал и теперь в голове не звенело. Я зашарил рукой по прикроватной тумбе в поисках глиняной бутылки с водой, но тут мне её передал Рубен. Приникнув губами к горлышку, я жадно глотал, пока тонкие водяные струйки стекали по груди. Напившись, я посмотрел на сокольничего, который решил остаться у нас в качестве простого наёмника.

— Чего надо? Не видишь, что я отдыхаю?

— Там чёрный человек просит позвать вас и знатного господина, с которым вы вернулись вчера. Говорит, что накануне вы обещали ему помочь!

Я зажмурился до боли в веках и стал думать. Значит я вернулся вчера вечером и не один. Хоть каких-то воспоминаний о девушках у меня нет, а значит, что вернулся вчера я всё же с Анселмом. Тогда «знатный господин» — это Анселм Вирт. Но кто тогда такой этот «чёрный человек»? До сих пор я не видел на этих землях даже рыцаря в воронённых латах. Толку гадать?!

— Пошли покажешь, что это за чёрный человек такой.

Спал я в одних штанах и в таком виде спустился вниз. Благо, в таверне было жарко натоплено и мёрзнуть не приходилось. На первом этаже сидели бойцы из отряда, как будто бы окружив что-то или кого-то и очень оживлённо говорили. Здесь собрались даже раненные и стало понятно, что причина столь возбуждённого состояния воинов в чём-то очень интересном.

Растолкав бойцов, я оказался в самом центре круга и увидел там сидящего за широким столом человека. Мужчина имел тёмную кожу, короткие шелковистые чёрные волосы, аккуратную бородку клинышком на заострённом худом подбородке и короткие усы. «Чёрный человек» был невысок и не имел даже намёка на мускулы. Одеждой он был вовсе не похож на северян и носил на себе тёплый халат, выкрашенный жёлтыми и коричневыми красками. В окружении наёмников он вёл себя излишне спокойно и молчал, ожидая, похоже, именно меня. Увидев мою персону в толпе наёмников, мужчина оживился и вскочил со скамьи, но я усадил его жестом и сам сел напротив.

— Госхподин Вадим, вас то я и искхал! Вы общхали мне помочьх с моей проблемой! — возбуждённо начал мужчина, но остановился, когда я поднял вверх сжатый кулак.

— Погоди. Я вчера выпил изрядно и мало что помню. Начнём сначала. Кто вы такой?

— Я Мадир. Торгховец из Сабадии. — гость приложил раскрытую ладонь к груди, — Вчхера вы вон с тхем госхподином, — он указал в сторону другого стола, где лежал Вирт в обнимку с кружкой пенного, — спхосли меня от стражи. Я хотел попхросить помощи у

герцога, но стража чуть меня не захлолола. Тогда вы отогнали их и вхлели мне прихти сегодня сюда. Вы схазали, что можете мне помочь.

Сабад была большой страной, лежащей к югу от Ларингии через море Месяца. Если судить по рассказам Фабриса, то большая часть этой страны лежала в песках и хорошо можно было жить только на тонкой, но очень плодородной полоске прибрежной земли. Именно из Сабада когда-то прибыли тысячи воинов, забравших у ослабшей Ларингии три века назад много земель и образовав там новое государство, называющееся сейчас Гранисией. Море Месяца так называлось из-за того, что в самой узкой его части можно было пересечь воду за один месяц. И то это если ветер будет тебе благоволить, а волны не взбунтуются пред кораблём. Значит, что этот Мадир проделал очень долгий путь, чтобы добраться почти до самого севера Ларингии.

— А чем ты торгуешь, Мадир? — переворив полученную информацию, спросил я.

— Я узхнал, что ваш герцхог очень умелый военачальник и хотел предложить ему орхужие, которое прхидумали в моей стране.

Мадир что-то отвязал со своего пояса и протянул мне мешочек. Я бережно взял вещицу с его ладони и аккуратнo развязал тесёмку. Внутри шёлкового мешочка лежала кучка чёрного песка. Уже подозревая что это такое, я взял щепоть и осторожно принюхался. Порох! Такой запах я вряд ли когда забуду. Это был хороший рассыпчатый чёрный порох! Такого качества, которое далеко не сразу появилось в моём мире.

— Это порох. Орхужие страшной силы, но просхто так его ненужно исхользовать, но все мои товары похитили горные разбхойники. Вы обещхали помочь мне верхнуть их.

Я широко улыбнулся, — И мы поможем вам.

Долго уговаривать Бернда не пришлось. От моего рассказа он сразу почуял прибыль и санкционировал операцию, но воевать в горах очень сложно и ещё более опасно. К тому же, торопиться я отнюдь не собирался. Если я положу нескольких воинов зазря, то не видать мне командования в отряде, как целой пятерни опытному станочнику. Целый день я расспрашивал Зефа о той горной гряде, через которую проезжал южный торговец. Те горы были не самыми высокими из тех, что встречаются в королевстве, но от того не переставили быть прибежищем для многих разбойничьих шаек, грабящих многих простых людей и торговцев, кто не озаботился большим охранением. Чаще всего они совершали очень быстрые и стремительные атаки, забирая с собой товары вместе с лошадьми и телегами, уходя одними только им известными тропами. Какая из всех шаек забрала товар Мадира было неизвестно, а потому в моей голове зародился план уничтожить каждого из них, ведь та великая сила, которую мог дать порох никак бы не сравнилась с потраченными ресурсами. Поиски вернуться мне сторицей.

Ещё неделю пришлось потратить на то, чтобы отыскать пристанище первое разбойников. Для этого были наняты несколько пастухов из местных жителей в качестве проводников, и наконец нам удалось выйти на их след. Атаковать в лоб днём было слишком опасно, ведь разбойники знали эти тропы как свои пять пальцев, а вечером или ночью просто добраться до пещеры, где, как ни странно, укрылись горные бандиты, будет почти невозможно. Тем не менее, между почти гарантированным шансом убиться об врага или же хоть столкнуться с бандитами я выберу второй вариант.

Потому мною были отобраны полтора десятка самых опытных из тех, кто не имели ранений. Если брать больше воинов, то нас наверняка заметят ещё на подходе, а при меньшем числе просто не сможем одолеть врага.

На предгорьях мы разместились ещё днём и просто стали выжидать удобного времени, чтобы отправиться в бой. Зеф, как самый быстрый и вёрткий из нас, провёл разведку и выяснил, что подходы к нужной нам пещере охраняют всего пять бойцов, которые, впрочем, смогут оказать нам достаточно «тёплый приём». Специально для того, чтобы выбить этих охранников с нами в бой пошёл Мартин, умение которого в обращении с луком поражало многих.

Луна наконец поднялась к центру неба, и мы медленно поднялись на ноги, отправляясь в сторону пещеры. Её охранники даже не пытались прятаться и просто развели костёр у самого входа в пещеру, ведя при этом громкие разговоры и распивая алкоголь из большого бурдюка, который они передавали из рук в руки.

— Мартин, как быстро ты сможешь их убрать?

— Их всего пятеро и в свете костра они отлично видны. Вы не успеете добежать до пещеры, когда все они будут лежать мёртвыми. — улыбнулся в темноте Мартин, накладывая стрелу на тетиву из жил.

— Досчитай до пятнадцати с момента, когда мы двинемся и начинай стрелять. Понял?

Ответа от Мартина не поступил, но я прекрасно знал о том, что лучник отлично понял меня. Все наёмники уже ждали приказа и были готовы по моей команде отправиться в бой. До пещеры было всего чуть больше сотни метров, так что дистанция для Мартина просто плёвая. Однако опасно было не сколько расстояние до пещеры, сколько то, что будем внутри неё.

— Пошли.

Я махнул своим бойцам, и мы поднялись. Пока мы были скрыты темнотой, то следовало полагаться на скрытность, но метров через тридцать громыхание полутора десятков вооружённых бойцов не услышит только глухой.

Мелодично тренькнула тетива сзади и первый из горных бандитов упал на скалистую землю с пробитым стрелой горлом. Не успел он упасть, как мы сорвались на бег. Полтора десятка разгорячённых наёмников, гремя сталью и ругаясь из-за острых камней, впивающихся в подошвы сапог, бежали вперёд, готовые в любой момент атаковать. Мартин работал безупречно и оправдывал своё обещание. Один из охранников попытался было добежать до тревожного колокола, но сначала его кисть стрелой прибило к стойке фонаря и под его крик следующая стрела пронзила глаз.

Последний разбойник, ошарашенный неожиданным нападением, метался из стороны в сторону, не зная, как ему поступить. Заносая саблю для удара, я напрыгнул на него, одним мощным ударом рубя шею налёгчика. Вот только умер он не из-за этого, а из-за стрелы, за мгновение до того, как моя сабля коснулась его шеи, пробившей его висок.

Я посмотрел в сторону вершины, где стоял Мартин и заметил, что тот театрально поклонился нам. Времени рассматривать его не было и нужно было идти в атаку дальше, пока элемент неожиданности ещё работал.

Ворвавшись в пещеру в первых рядах, лицом к лицу я столкнулся с выбежавшим на шум бандитом. Он выскользнул из-за поворота неожиданно, но времени, что бы разбойник не успел обрушить на меня свою дубину ему не хватало, а потому я ударил первым. Искусно заточенный клинок сабли легко вонзился в незащищённое брюхо врага. Схватив его за ворот тёплой меховой жилетке, потянул на себя, вгоня саблю всё сильнее в его тело. Разбойник захрипел и стал оседать. Оттолкнув его ногой будто в замедленном времени, увидел, как мне в лицо летит остриё копья. Лихорадочно я дёрнулся в сторону, но узкие проходы пещеры не

располагали к манёвру. Голова дёрнулась вбок, но я смог схватиться за древко копья и дёрнуть на себя. Разбойник на ногах устоял, но немного дёрнулся вперёд. Этого мне хватило, чтобы быстрым ударом отсечь его пальцы. Обрубки влажно шлёпнулись на землю и звонкий крик боли, многократно отражающийся от стен, ударил по ушам. Добил врага идущий позади меня Зеф, метко ударив своим коротким копьём в ответ.

Отходить от шока времени не было, и мы стали прорываться вперёд. В узких коридорах нам встретилось ещё несколько, но на этот раз всё оказалось куда проще. В пещерах развернуться было практически невозможно, а потому я забрал у Зефа овальный щит и пошёл вперёд. Я прикрывался щитом, изредка отвечая быстрыми рубящими ударами, пока Зеф колол врага из-за моего плеча.

В конце концов наш отряд вывалился в большую пещеру с высокими сводами. Напротив нас уже стоял неровный строй из щитов, чего-то ожидающий. На входе в новую пещеру нас уже давно могли закидать дротиками или камнями, но мы до сих пор были живы. Что это могло значить? Либо у них нет дротиков, а это маловероятно, либо они ждут чего-то иного.

Наёмники тут же встали в единый строй, создав крылья по бокам меня. Полтора десятка крепких воинов, готовых броситься прямо сейчас в атаку по моему приказу, но и я продолжал ждать. Сзади меня пыхтел агрессивно машущий своим топором над головой Сезар. Он желал боя и наверняка был способен запросто разбросать по стенам пещеры хоть несколько банд горных бандитов, но одним взглядом под стальным шлемом мне удалось на время остудить его горячий пыл.

Разбойники скалились за своими щитами, смотря на нас загнанными зверьми. Впрочем, именно таковыми они сейчас и были. Только зарубив всех нас им удастся уйти из пещеры живыми. Мы продолжали стоять, выстроившись в две стены, оцетинившись оружием словно иглами. Напряжение было столь высоким, что любое неверное движение или слишком агрессивный вдох могли зажечь искру и тогда начнётся бойня.

Наконец из-за бандитского строя, раздвинув щиты своих соратников, вышел здоровенный мужчина. Высокий, широкоплечий с длинной курчавой чёрной бородой, закованный с ног до головы в толстую кольчугу двойного плетения и толстый стальной шлем, грубо скованный из нескольких пластин. Поверх кольчуги он носил толстый плащ из шкуры чёрного медведя, подбитый мехом чёрного песка. Вышел он молча, держа на плече широкий бородатый топор, а во второй руке держа толстый щит, больше похожий на вырванную с корнем дверь сарая.

— Кто ваш командир?! — прорычал глава разбойничьей шайки, словно убитый им чёрный медведь, — Выйди же на поединок со мной!

— Ну я. С чего бы мне биться с тобой, преступник?! — крикнул я, продолжая закрываться щитом.

— К чему нам проливать лишнюю кровь? Сегодня погибло уже достаточно воинов. Я и все мои парни гордые потомки Ватании. До того, как вы, грязные ларингийцы, пришли на эти земли, то все эти горы были нашим домом. Если вы вторглись на эти земли, то будьте добры — соблюдайте наши традиции. Выйди со мной на поединок и победителю достанется всё. Выиграешь ты — мои люди сдадутся, выиграю я — и я развешу головы твоих людей на пиках перед моей пещерой и их склюют вороны. Не будь трусом и сразись со мной!

Последние слова он прокричал столь громко и яростно, что своды пещеры затрепетали, а мой загривок вспотел. Этот разбойник выглядел столь устрашающим, что навевал на меня ужас много больший, чем перед тем старым горцем, вставшем на мосту. Да, за прошедшие

месяцы своё тело я стал чувствовать гораздо лучше, да и постоянные тренировочные бои против Бернда и Фабриса не прошли даром, но из прошлого я всё же научился извлекать уроки из прошлого. У меня есть шансы выиграть этот бой, но рисковать всеми своими воинами у меня не было ни желания, ни права так поступать.

И как же мне поступить? Что так, что так всё равно прольётся кровь. При любом раскладе я могу потерять людей, свою жизнь или всё вместе. Вот только стоит ли мне верить словам разбойника?

Я поудобнее перехватил копьё. Плотный строй щитов не даст мне нормально размахнуться, но этого и не нужно. До вражеского главаря всего-то метра четыре. Короткое и тяжёлое копьё будет очень удобным для того, чтобы пробить голову этого здоровенного дикаря.

Незаметно я удобнее перехватил древко и что есть силы метнул его в главаря. Не успело копьё долететь до цели, как я вырвался из строя, вытягивая из ножен саблю. Разбойник успел закрыться своим странным щитом и копьё с глухим стуком ударилось в его угол. Он закрыл свои глаза щитом всего на несколько мгновений, но мне хватило этого, чтобы в два прыжка оказаться рядом с ним. Я хотел ударить снизу, целясь ровно в его квадратную челюсть, прикрытую только густой бородой. Лезвие почти коснулось его кости, но дикарь подставил своё предплечье. Сабля глубоко врубилась в укрытую толстой кожей конечность и потекла кровь, но, казалось, разбойника это совсем не смутило. Он отбросил свой щит в сторону и схватился за топор обеими руками. Словно комбайн он начал рубить, пытаясь оттеснить меня к стене пещеры.

Горец бил яростно и быстро, но без выучки и хоть какого-то мастерства. Попади я под его удар и тогда жить мне останется мгновения, но пока мне хватало прыти, то под удары попадал только воздух. Он рычал и тяжело пыхтел, силясь достать меня, но только высекал искры своим широким топором, попадая вместо податливой плоти по твёрдому камню.

— Сражайся как мужчина! — зарычал горец, занося свой устрашающий топор над головой.

Я рванулся в сторону, но сразу же остановился. Разбойник ухмыльнулся и со всей своей страшной силой в то место, где я должен был быть через мгновение. От удара горец даже присел, открыв свою незащищённую шею и я тут же этим воспользовался. Собрав всю силу, рубанул по шее прямо промеж позвонков. Удар оказался очень сильным и наверняка бы отсёк голову врага, но главарь разбойников уже начал вставать, а потому сабля намертво встряла меж позвонков. Горец упал замертво и несколько раз дёрнулся, после чего затих.

Пока рывками пытался вернуть свою саблю, то услышал звон падающего оружия. Горцы, как и было обещано, побросали оружие и подняли руки вверх. Обтерев клинок об одежду главаря, я приказал своим бойцам повязать всех разбойников. Всё-таки, продажа пленников эта полноценная строка доходов и пропускать её не стоит.

Наконец можно было проверять и приватизировать всё награбленное разбойниками. Всё это лежало в следующей пещере, куда вёл гораздо больший коридор. Эта пещера не отапливалась, но это было к лучшему. Всё же, здесь хранились не только товары, но и добытая в налётах пища. Осветив комнату факелами, мы принялись за просмотр добычи.

Эта шайка точно действовала на местных трактатах далеко не один месяц и даже не год, а потому собрали очень и очень немало добычи. Сушёная рыба и мясо, пшеница, мука, сыр, соль, картофель, сухофрукты и даже небольшой, граммов на триста, мешочек с сахаром. Сахар был большой ценностью даже для самых высоких слоёв населения, а потому можно

было считать, что мы немало обогатились. Позже мы наконец добрались до оружия. Топоры, мечи, булавы, очень много разномастных копий, несколько луков и арбалетов, но всё это мало меня интересовало. В свете факела я заметил несколько сколоченных деревянных ящиков, стоящих друг на друге и несколько бочек рядом, каждая из которых была не меньше пятидесяти литров. Трепеща от всепоглощающего интереса, я медленно подошёл к ящику и откинул кожаные петли. В открытом нутре ящика показалось несколько выкованных железных труб, часть из которых была прижата к деревянным лафетам при помощи стальных полос.

Ухнув от тяжести, я вытянул из ящика одно из орудий. Весило оно не меньше восьми с половиной килограмм, а в длину достигало чуть больше двух метров. Ближе к концу ствола орудие имело крюк, который должен будет зацепляться за стену или любое другое укрепление. Ствол в ширину был порядка тридцати миллиметров. Одна такая пуля весила не меньше пятидесяти грамм. Такая пуля без особых проблем пробьёт самый крепкий панцирь, а голову расколется как орех, развеяв её содержимое по ветру.

— Что это? — пробасил стоящий позади меня Сезар, который уже успел примерить на себя трофейный плащ.

— Гаковница или затинная пищаль — как тебе больше нравится. Это оружие пробьёт даже несколько лат что носил прошлый король.

— Ну не знаю, Вадим. — было слышно, как Сезар почесал свою голову, — Даже самые мощный арбалет так не сделает, а тут какая-то труба.

— Как только вернёмся в таверну, то я тебе покажу всю мощь этого оружия.

Сезар удовлетворился этим ответом и стал перетаскивать трофеи ближе к выходу. Их оказалось столь много, что за одну ходку до нашей временной базы управиться было невозможно. Пришлось отправить десяток воинов, чтобы те сопровождали, а затем и охраняли бандитов до утра. Сам же я остался наверху, по несколько раз проверяя оружие в сундуках сабадийца. По моим прикидкам в запасе у торговца было по меньшей мере четверть тонны пороха. Помимо этого, было несколько мешков заранее подготовленных пуль разного калибра. Также было три гаковницы под один калибр и десять аркебуз, но странных и сильно непривычных для европейского взгляда. Из-за искривлённой рукояти и отсутствия приклада они были больше похожи на японские тэппо. Очень странное решение, но переделать под более привычную компоновку будет вполне себе возможно.

Оружие хотелось испробовать как можно быстрее, но я отказывал себе в таком роде развлечения. В горах звук от не такого уж и тихого выстрела раздастся ещё сильнее, да и не готовые к огненному представлению наёмники будут уж слишком сильно удивлены. Кто знает, не захотят ли вчерашние крестьяне сами разбогатеть на таком оружии, но я сам ещё не верил в свой непоколебимый авторитет.

Через полторы недели мы вернулись обратно в свою таверну, ставшую на время нашей резиденцией. Мадир и его спутница всё время продолжали жить там за мой личный счёт. Да, мне не сильно хотелось тратить личные деньги, но ситуация не располагала к временной скупости.

Обратно мы добирались на нескольких телегах и наше возвращение в город не смогло остаться незамеченным. С невысоких сторожевых башен нижнего города на нас с подозрением смотрели стражники, а по улицам города сопровождали взгляды сотен и тысяч жителей Орлаёна, но мне было глубоко плевать на это. В головной телеге я вёз то, что могло взбудоражить и изменит весь воинский мир на сотни лет. Да, это будет стоить огромных

денег, но сейчас это выглядело мелочью.

Мадир был во дворе, когда несколько телег одна за одной въехали туда. Я спрыгнул с козел, улыбаясь во все свои тридцать целых и два пломбированных зуба и смотря в удивлённые и одновременно встревоженные глаза южного купца. Он пытался что-то сказать, активно шевеля губами и то и дело стреляя взглядом в сторону телег, набитых товаром и двух десятка пленников, медленно бредущих за телегами.

— Мадир, сколько ты хочешь за своё оружие? — не дав южанину сказать даже слова, выпалил я, продолжая глупо улыбаться и взяв того обеими руками за плечи.

Южанин от моего вопроса просто остолбенел. Он испуганно смотрел на меня, хлопая ресницами столь быстро, будто пытался взлететь и старался осмыслить моё предложение. Получалось у него это не очень быстро и велико было желание как-то ускорить этот процесс.

— Мадир, я предлагаю тебе продать мне всё то оружие, что я и мои ребята вернули тебе сегодня. Можешь проверять свой товар. Каждый ящик полностью цел и ни одного грамма пороха потеряно не было.

Мадир быстро закивал и я ослабил хватку. Южанин резво вскарабкался на телеги и стал поочерёдно проверять каждый ящик и бочку, беззвучно двигая губами. Он быстро перепрыгивал с телеги на телегу и в конце концов удовлетворённо кивнул. Спрыгнув с телеги, он довольный потёр ладони и в этот момент я вновь его схватил за плечи и завёл внутрь таверны.

Усадив южного торговца за стол, я махнул тавернщику и сам уселся рядом с Мадиром. Он испуганно хлопал глазами, но я поспешил его успокоить.

— Я хоть и знаю, как пользоваться твоим оружием, но забирать товар не собираюсь. Скажи мне почему ты привёз товар именно сюда? Твоя родная страна ведь тоже большая.

Торговец какое-то время помялся, но под давлением моего заинтересованного взгляда, всё же сдался, — Я сам придумал это оружие и даже предложил его эмиру Сабада Адилю аль-Садеру. Он даже провёл испытание, но нхаше дворьянство опасалось того, что прхостые люди смогут легко убить человека высокого рода. Мне удалось узнать, что за мхной послали воинов и пришлось бежать из дхома. Вхаш эмир Кловис известный воин и наверхняка захочет купить моё оружие.

— Я тебя огорчу, дорогой Мадир, но наши «эмиры» мало чем отличаются от ваших. Здесь не любят, когда простой крестьянин легко может убить целого знатного рыцаря. В наших землях церковь даже запрещала арбалеты. Да, Фабрис?

Я посмотрел на проходящего мимо лекаря, подмигнув ему. Лекарь, похоже не понимая сути вопроса, но достаточно изучив меня за всё время, проведённое вместе, согласно кивнул и отправился по своим делам дальше.

— Его стоит послушать — он долго был служителем церкви. Так что сильно тебе не стоит надеяться на то, что твои пищали примут на вооружение. Наши дворяне привыкли сражаться на коне в толстой броне с длинным копьём в руках. Мы же грязная пехота и нам абсолютно без разницы какое оружие использовать — главное, чтобы успешно убивало.

— Вы же не знаете как им пользоваться! — изумился Марид, чуть не подпрыгнув на скамье.

— Вы уверены?

Я хитро улыбнулся и жестом подозвал Рубена, верно ожидающего от меня приказа. Сокольничий быстро выбежал из таверны и не менее быстро вернулся обратно с одной из

мадирских пищалей, мешочком пороха, пулей, шомполом, фитилём и парой пыжей, заранее мною сделанных из шерсти. Засыпав пороха в ствол, взялся за шомпол, примял порох в стволе, затолкал пыж, который вновь примял, затем пуля, примять и ещё один пыж. Подсыпав ещё чуть-чуть пороха на полку, забрал у Рубена фитиль, отошёл к камину таверны, запалил его. Взял серпантин и закрепил на нём подпалённый фитиль. Пищаль была готова к бою.

Встав в полный рост, я направил оружие на Мадира, который испуганно поднял руки вверх. Я лишь рассмеялся и положил пищаль на стол рядом.

— Осталось лишь нажать на спусковой крючок, и кто-то лишится своей жизни. Оружие не самое точное, но наверняка пробьёт даже кирасу самого Кловиса Красного Рыцаря. Проверим?

Мадир непонимающе посмотрел на меня, но я потянул мужчину за рукав, после чего вывел во двор. Верный и исполнительный Рубен уже водрузил на одну из телег панцирь. Этот латный панцирь был найден нами в логове бандитов и имел на себе несколько дырок то ли от арбалетных болтов, то ли от ударов клевцом. Восстановить такое вряд ли было хоть сколько-то возможно починить и вернуть в нормальное состояние. Потому я решил воспользоваться им в качестве стендовой модели. Внутри я попросил сунуть деревянную чурку для пущей демонстративности.

Пока происходили все приготовления, весь наёмничий люд высыпал на задний двор таверны и активно перешёптывался. Жестами разогнав всех ближе к стенам п-образной таверны и прижал пищаль к щеке. Стрелять без приклада было неудобно, да и каких-либо прицельных приспособлений не было. Впрочем, для гладкоствольного оружия которым нужно бить залпами, такие прицелы не очень-то и нужны.

Палец, затянутый в кожаную перчатку, плотно прижался к спусковой скобе, и я медленно выдохнул. Плавное нажатие и пищаль громыхнула, дёрнувшись в руках. Пуля с коротким, но громким свистом пролетела те три десятка шагов нас разделяющих и ударилась в стальной панцирь. От поднявшегося грохота даже прожжённые наёмники дёрнулись и охнули, а я уже расплылся в довольной улыбке.

Рубен, восхищённый мощью оружия, подбежал к тому месту, где продолжала стоять кираса, лишь слегка покачнувшаяся от удара. Он осветил кирасу факелом, и все увидели большую круглую дыру, края которой вмялись внутрь кирасы. Окружающие люди ещё раз охнули, а я поднял свою пищаль над головой.

— Смотрите воины! Это оружие способно с лёгкостью бить рыцарские кирасы! Оно разможит черепа заносчивых рыцарей и свирепых орков! Нет той брони или магии, которая спасёт от этого оружия! И сейчас оно у нас!

Я положил руку на плечо Мадира, держа в другой руке всё ещё дымящуюся пищаль и хохоча под звуки оживившейся толпы наёмников. Как человек знающий всю мощь пороха, я не мог не радоваться, ощущая неожиданный прилив энергии.

— Договорились?! — смеясь, крикнул я Мадиру.

На следующий вечер мы сидели вместе с Мадиром над пергаментом, держа в руках угольные карандаши, гусиные перья, линейки и даже транспортиры. Всё это было в возвращённой нами поклаже купца и теперь мы мучились с здешней системе измерений. Мягко говоря, она была крайне неудобной. Например: самая малая единица измерения называлась «мэйс» и равнялась примерно четырём целым и двум десятым миллиметра, а самая большая «дифлешь», достигавшая чуть больше полутора километров. До удобства

десятичной системы ей было ещё далеко, но приходилось оперировать тем, что имелось. Инженер из меня был никудышный, но пару советов дать всё же мог. Как минимум, самой первой моей идеей было установка на пищали нормальных прикладов. Как сказал Мадир, их отсутствие было продиктовано малыми запасами хорошего дерева, способного держать всю мощь выстрела. Здесь же, на землях Орлаёна и всей Ларингии, с качественным деревом проблем не было, а потому вернуть приклад для и так тяжёлого оружия было хорошей идеей. Ещё я предложил сделать прицелы, но Мадир резонно отказал, указывая на и без того сложную технологию производства оружия. Всё же, на производства этих десяти пищалей у Мадира ушла половина года и это при наличии трёх умелых подмастерьев, ныне, к сожалению, почивших. Всех производственных мощностей Орлаёна он не знал, а потому не мог ответить мне сколько таких пищалей сможет произвести в самые короткие строки. Я же не хотел распространять технологию, а потому пока что не спешил с производством. К тому же, нам было необходимы средства для того, чтобы открыть это самое производство. К счастью, Мадир присоединился к нам за бесплатно с условием того, что мы выдадим ему все условия для продолжения научных изысканий и всё нужное финансирование. Да, всё это он вполне мог получить и при дворе герцога, но Сабადийца удивили мои познания о владении его оружием, а также разъяснение работы кремневого замка. Всю систему до основания я знать не мог, но примерный принцип понимал и изложил его Мадиду на бумаге. Предложенный принцип сильно возбудил его, и он быстро занял одного из городских кузнецов, заставляя того выковывать детали по его личному заказу.

Мне же пришлось взять всех пленённых бандитов, три верных наёмника и небольшой колонной отправиться в сторону дома комиссара. Именно этот человек занимался в герцогстве тем, чтобы отлавливать наиболее криминальные жлементы государства. Ну... и иногда брать взятки. Без этого никак. В прошлом, продажей пленённых нами бандитов, занимался Бернд, но теперь, как временному главе отряда, заняться пришлось этим мне.

За последнее время я стал куда лучше себя чувствовать в седле, да и положение обязывало даже на такие небольшие расстояния передвигаться на коне, хотя мой отбитый седлом зад яростно просил о пешей прогулке.

Я медленно повёл коня по улицам, наслаждаясь зимним морозом и подставляя лицо сияющему солнцу. Конь нёс меня по узким городским улочкам и с него было отлично видно, как на меня смотрят жители города. Все: сырodelи с Кривой улицы, угледелы с пламенной улицы и кузнецы с наковаленного переулка. Это был мой небольшой триумф. Да, полтора десятка пленённых бандитов не сравнятся с многими сотнями этрусков и антеманатов, что шли в цепях во время триумфов Ромула, но даже так это стоило дорогого. Люди видели моё лицо и чем более грандиозными были мои подвиги, тем больше известности я получал. Известным людям открыты многие двери.

Спустя несколько кварталов, мы наконец достигли пристанища орлаёнского комиссара. Как и многие дома в городе оно было больше похоже на каменную крепость, в которой можно будет укрыться на случай войны. Впрочем, это и была крепость. Сложенные из белого тёсанного камня стены, каждая из которых была равна четырём моим ростам с множественными узкими оконцами-бойницами и вереницей зубцов на четырёх башнях по углам крепости. Единственным входом для этого маленького замка служили толстые дубовые ворота, обитые широкими свинцовыми полосами. При надобности, спереди ворот могла быть поставлена металлическая решётка, которая поможет сдержать удары тарана. Сейчас они были открыты, и мы вошли внутрь.

Во внутреннем дворе стояла полдюжина комиссарских солдат, почти не обративших на нас внимание. Это подразделение было одним из немногих что я встречал, кто использовали примерно одинаковое снаряжение. Зимой они носили длинные кожаные плащи с меховой подбивкой, поверх которых комиссарские охотники носили дешёвые, грубые, но всё же эффективные латные панцири. Защищали они хорошо, но только со спины, впрочем, этого было достаточно. На головах зимой они носили достаточно тёплые стёганные подшлемники, поверх которых в бою или выходя на охоту надевали бациенты без забрала. Забрало спасло бы много жизней, но оно сильно мешало пользоваться основным оружием законников — арбалетом. Верные псы комиссара всегда отличались невероятной способностью стрелять из своих компактных арбалетов в седле и на ходу. Они били без промаха, но поговаривали о том, что были не так уж и хороши в бою на мечях. Однако сейчас была не та ситуация, чтобы неожиданно начать проверять правда это или вымысел.

Оказавшись во дворе, я лихо спрыгнул с коня на притоптанный снег. Только сейчас законники соизволили отвлечься от игры в карты и наконец обратить на нас внимание. Один из них, бывший, видимо, старшим по званию, подхватил перевязь с мечом, нацепил её на пояс и вальжным шагом направился в нашу сторону.

— Вижу «Кабанья Голова» не перестаёт пополнять наши темницы преступниками? — хохотнул законник, обнажая редкие ряды гнилых зубов.

— Где комиссар? — пропустив шутку законника мимо ушей, спросил я.

— Он у себя. Мне пока пересчитать пленников?

— Да.

Бернд успел мне объяснить примерное расположение кабинета комиссара и по памяти я стал проходить по коридорам крепости комиссара. Петляя по узким коридорам и лестницам, я поднялся на второй этаж и с усилием толкнул толстую деревянную дверь, за которой веяло теплом.

Внутри оказалась достаточно большая комната, жарко натопленная камином, в котором активно трещали берёзовые дрова. За большим столом, непонятно как занесённым в эту комнату, сидел дородный, необъятно толстый мужчина, занимающий немалую часть комнаты. Он склонился над столешницей и активно что-то писал в большой толстой книге, одновременно с тем считая разложенные по столу серебряные и золотые монеты. Он записывал и складывал столбик. Записывал и складывал столбик. Он был столь увлечён этим действием, что наверняка бы и не обратил на меня своё внимание, если бы я не стукнул каблуком по полу.

— Ох, что же я? Прошу прощения, добрый сир.

Комиссар поднял голову, дав мне наконец нормально его рассмотреть. Он был толст и из-за больших щёк его лицо мне напоминало каплю, сужающуюся кверху. Верхушку его головы украшали редкие кудри, наполовину прикрытые скошенным набок беретом из красного бархата. Одет он был в не менее роскошные одежды, вышитые тонкими нитями, что сплетены были далёкими мастерами: кафтан с прямым стоячим воротом с длинными рукавами пуфами, которые были разрезаны и расшиты вдоль. На ногах же он носил очень тонкие штаны, кои обтягивали его жирные ноги, хорошо подчёркивая складки в области паха. Голос его был одновременно утробным и мягким. Очень уж хорошо он подходил бы купцу, а не охотнику за головами.

— Я не сир. Пред вами, достопочтенный Жиральд, командир наёмничьего отряда «Кабанья голова» Вадим.

Комиссар посмотрел на меня своими маленькими, глубоко утопленными в череп глазками изучающе. Несколько секунд он сидел молча, а затем добродушно улыбнулся от уха до уха, не раскрывая при этом рот. Затем он наклонился, достал из-под стола бутылку из тёмного стекла в которой плескалась мутная жидкость. Зашуршал ящик стола и через несколько секунд на столешнице появились две серебряных чаши, украшенных красными драгоценными камнями.

— Ах точно! — улыбнулся комиссар, — Правда, прежде под таким званием ко мне приходил Бернд. С ним что-то случилось? — толстяк деловито разлил по бокалам вино.

— В бите у Двух Холмов он получил стрелу язычников в ногу и временно исполняю его обязанности я.

— Многие знатные люди рассказывали мне о той битве. Говорят, что язычники бежали, только завидев в своём тылу кавалеристов герцога. Очень славная битва. К сожалению, по долгу службы я не смог присутствовать тогда на поле брани — ловил преступников на тракте, — Жиральд отпил из чаши, — С чем вы ко мне пожаловали? Не помню, чтобы обращался за помощью к наёмникам. Моим ребятам удаётся расправиться со всеми теми, кто нарушает законы герцогства.

— Со всеми, да не со всеми. По крайней мере, южных купцов грабят спокойно, а богатства в их логове немерено.

Жиральд улыбнулся, — Почему я должен быть уверен в том, что вы просто не наведались в одну из деревень и не ограбили всех тех несчастных, что попали под клинки ваших мечей? Мои парни работают не покладая рук и мечей. На трактах нет столько воров, грабителей и убийцы, сколько вы приводите ко мне раз в несколько недель.

На этот раз очередь улыбаться перешла мне. Наклонившись, я подцепил холщовый мешок и поставил его на стол. Засохшая на ткани кровь хрустнула, а из нутра мешка показалась отрубленная голова горских бандитов.

— Я победил его в честном поединке. У него была очень толстая шея и сильные руки, но мало ума и навыков. Я убил его, и воины горного вождя сдались мне. Думаю, герцог найдёт им применение, где ни будь в шахтах.

— Хорошо. Сколько человек вы привели?

— Пятнадцать. Каждый из них крепок и силен. Оплата должна быть соответствующей.

Жиральд поставил перед мной столбец из полутора десятков серебряных монет. Это были людоны. Цена за одного раба многие годы оставалась неизменной и определялась в одну серебрянную монету. Многие люди говорили о том, что именно из-за работорговцев прошлого монета и получила своё название. Так это или нет, но цена была достаточно низкой. Впрочем, за столь низких людей большей цены вряд ли кто сможет предложить.

Я сгрёб монеты и ссыпал их в свой кожаный кошель на поясе, после чего просто вышел из комнаты комиссара, так и не принявшись за вино, которое осталось в серебряном бокале.

Глава 12. Святой заказчик

Обратно в таверну я вернулся только к вечеру. Бойцов отпустил гораздо раньше и сам отправился в Наковаленный переулок. Именно в том месте собирались все кузнецы города, которые мне были так нужны для реорганизации отряда в пусть и не большую, но всё же в армию. Денег для этого нужно было немерено, но даже так от идеи я не отказывался. Кузнецы выписали мне огромный счёт, но даже так он оказался многим меньше, чем я предполагал. Видимо, я недооценивал тот уровень развития металлургии, который достигли местные кузнецы. Хотя, это не должно было так сильно удивлять. Отдельные мастера уже практически перестали существовать, пока большая часть ремесленников перешла в цеховую систему. Такие предприятия могут выпускать гораздо больше доспехов, чем отдельные мастера.

В теории, сумму, которая необходима для реформ, мы сможем заработать за год плотной хорошо оплачиваемой работы и, желательно, без больших потерь в людях. Потому нам стоит наконец отправиться на выполнение ещё одного заказа.

С такими мыслями я вернулся в таверну и решительно распахнул дверь ногой. Не успел я моргнуть, как мне в шею уткнулся острый клинок. Перед мной стоял Бернд и лицо его не обещало ничего хорошего. Он смотрел прямо мне в глаза и шумно выпускал через сжатые зубы воздух. Глаза его были налиты неистовой злостью вперемешку с желанием низвести меня до состояния суспензии.

— Значит ты решил подсидеть меня?! Я доверил тебе временно командовать отрядом, а ты уже задумал его полностью возглавить?! Не много ли ты хочешь, Вадим?!

Держа руки поднятыми, я лихорадочно старался придумать хоть сколько-то достойный ответ, а его не было. Бернд говорил всё правильно. Я и вправду хотел заполучить отряд себе, хоть, и не прибегая к кровопролитию среди офицерства. Нужно было что-то придумать и сделать это очень срочно.

— Да ладно тебе, Бернд, остынь! Мальчик думал, что справиться. Бывает же! — крикнул из зала таверны Сезар, дипломатично высунувший вперёд раскрытые ладони.

— Заткни свой рот, Сезар!

Командир прокричал приказ во всю мощь своей глотки, немного отвернувшись в сторону зала. Этого мгновения невнимательности мне хватило, чтобы рывком встать вплотную с Берндом. Оказавшись под его рукой, схватился за предплечье и одним движением бросил его через собственное плечо. Бернд рухнул на пол, гроыхнув мечом о дощатые половицы. Выдернув из ножен саблю, я встал в стойку, но командир оказался слишком шустрым и перевернувшись оказался уже на ногах. Его прыть после ранения меня сильно удивляла и вместе с тем настораживала. Не хотелось мне биться с одним из лучших мечников современности.

— Бернд, ты всё неправильно понял!

Но командиру слова были не интересны. Он шагнул вправо, делая вид, будто хочет ударить оттуда, но через секунду из-под неудобной руки рубанул меня в живот. Парировать фальшон было себе дороже, и я отскочил в сторону. Оказавшись на ногах, с усилием пинком отправил тяжёлый табурет прямо в лицо командиру. Он присел, пропуская снаряд над головой и тот разбился о бревенчатую стену, оставив после себя облачко древесной пыли. Я сделал выпад вперёд, стараясь достать его в руку. Умелый Бернд с лёгкостью отбил

мой удар и чуть не полоснул меня прямо по лицу.

— Командир, зачем нам проливать кровь?! — попытался я достучаться до Бернда, но слова до него не доходили.

Он, не смотря на недавнюю рану, двигался стремительно, разрезая своим мечом воздух с противным свистом. Я постоянно отступал, маневрируя в плотно заставленном столами помещении таверны. Бернд был отличным мечником, выписывая своим блестящим в каминном свете клинком неожиданные пируэты, заставляющие меня отступать в последний момент пред тем, как холодный металл достигнет моего лица. Бернд атаковал слева, справа, сверху, снизу и напрямую. Удары были столь быстры, что наверняка разрезали бы муху в полёте, но всякий раз мне удавалось увернуться. Наверняка, будь его нога цела, то смерть моя бы была неминуема.

Все наёмники пришли в зал, прижавшись к стенам и не смея хоть как-то ввязаться в бой, лишь наблюдая за песнью клинков. Мы с Берндом то и дело скрещивали клинки, а затем отпрыгивали в сторону, раздумывая о том, как и нам достать друг друга. Бернд, похоже, ещё не совсем отошёл от раны, а потому уже тяжело дышал, то и дело прихрамывая на левую ногу. И всё же, в его глазах не было видно ничего кроме всё сжигающей злости. Ему всё же удалось достать меня, резанув по щеке и ручеек крови потянулась по моему лицу, со звонкими шлепками падая на пол, разбиваясь на десятки капель поменьше. Я уже тоже устало пыхтел, сжимая и разжимая левую ладонь, понимая, что я хоть и подрост в уровне владения мечом, но тягаться с Берндом до сих пор тяжело.

Командир стоял практически вплотную к стене и как будто демонстративно опирался на свой меч ладонью. Было полное ощущение, что он специально пытается заманить меня в свою хитрую засаду. И я купился на это.

Я широко шагнул вперёд и коротко размахнулся, отправляя меч в полёт. Кидал не прицельно, просто стараясь напугать командира. Манёвр сработал, и он шагнул в сторону, уворачиваясь от стального снаряда, врезавшегося в стену рукоятью. Несколько мгновений замешательства было более чем достаточно, чтобы добраться до командира с голыми руками. Он оказался быстрее, попытавшись уколоть меня в грудь. Пригнувшись чуть ниже, я практически ушёл от удара, но меч достиг меня, добравшись до плоти, но завязнув в плотной набивной куртке. Боль пронзила плечо, но останавливаться было уже поздно.

Не сбавляя скорости, я ударил ногой в левое бедро командира. Именно туда, где не так уж и давно торчало оперение ватанийской стрелы. Бернд зарычал от боли, ещё сильнее стиснув зубы и выпуская из руки свой меч. Вот только это никак не могло ему помочь. Я хлётко ударил его прямо кулаком в область печени и другой рукой схватил Бернда за пояс. Он кашлял, и я двумя руками поднял его в воздух, прогибом отправляя того на пол. Командир лицом врезался в деревянные половицы и одним движением я перевернул его на спину, молниеносно вытаскивая нож из сапога, подставляя его к горлу командира.

Неожиданный громогласный смех разверзся в стенах таверны, смутив меня до невозможности. Не убирая ножа, я повернулся в сторону источника звука. Сезар хохотал во всю глотку и от каждого смешка его шикарная борода тряслась, а стены таверны ходили ходуном. Его смех дополняли громкие, увесистые хлопки. Здоровяк аплодировал и каждый удар ладоней сотрясал бедную таверну ещё сильнее.

— Бернд, с тебя два людона! Ты проиграл этот спор!

На этот раз рассмеялся уже Бернд, до сих пор лежащий подо мной. Он смеялся не смотря на разбитый нос и кровь, покрывающую всё его лицо. На мгновение он прекратил

хохотать, чтобы сплюнуть кровавый сгусток, а затем продолжил содрогаться в по-настоящему гомерическом смехе.

— Мальчишка оказался куда проворнее и сильнее, чем мы думали, Бернд. — продолжил Сезар, — Мечник, изобретатель, полководец, наёмник. Он точно будет хорошим командиром. — здоровяк медленно приблизился к валяющимся нам и без проблем рывком поднял меня на ноги, — Хватит тебе, Вадим. Ты смог здорово отделать своего командира.

— Да какой я теперь командир? — хохотнул Бернд.

Он встал, сдёрнул со стола скатерть и с удовольствием оттер от крови своё лицо. Очистив физиономию, он взялся за кружку и сделал несколько глубоких глотков, от которых его кадык мощно дёргался от низа к верху.

— Вадим заменит меня на посту командира «Кабаньей головы». Ты умён, парень, и много более амбициозен нежели я.

— А ты куда собрался, Бернд? — я стал развязывать тесьму на своей груди, желая наконец стянуть с себя вымокший в крови гамбенизон, — Неужто на пенсию в тёплый дом и объятия женщины?

— Смеёшься? — командир посмотрел на меня таким взглядом, будто я его жестоко оскорбил, — Я ещё не заработал на тот дом мечты, который мне нужен для счастливой старости. — Бернд встал со скамьи и подобрал валяющиеся меч, — Из отряда я не уйду. Об этом точно можешь не мечтать. Я передаю пост командующего отряда тебе и встану на пост интенданта. Если ты хочешь сделать из нас армию, то тебе не обойтись без толкового интенданта. Ты воинственен и умён, но не знаешь Ларингию так хорошо, как я.

Окончательно стянув с себя пропитанный кровью ватник, я жестом остановил Фабриса, подходящего ко мне и достающего на ходу нить с иглой из объёмной кожаной сумки. Плечо болело, но я высоко поклонился Бернду, но тот лишь брезгливо поморщился.

— Я тебе не высокий лорд, чтобы мне кланяться. Лучше принимай командование.

Советом я преминул воспользоваться. Все бойцы уже вернулись в нормальное состояние, излечившись от ран и нужно было продолжать тренировки. Тем более, что необходимо форсированно готовится к реформам, которые наступят очень и очень скоро.

Первым делом Бернд смог продать все те товары, что мы взяли в прибежище горных бандитов. Это прекрасно дополнило наш бюджет, принеся в казну отряда несколько золотых монет. Дальше пришлось взяться за рекрутирование новых бойцов. Очень многие из них полегли в битве при Двух Холмах, а потому пришлось отправлять рекрутёров в дальние деревни, предлагая большое жалование, хороший доспех, гору золота и столько выпивки, сколько смогут вместить их животы. С самым большим количеством рекрутов вернулся Сезар. Это было неудивительно, ведь огромный бородатый воин с большим топором в толстой воронённой кольчуге двойного плетения вызывал искреннее уважение на грани со страхом.

Мы довели свою численность до шести с половиной десятков воинов, десять из которых под моим командованием стали обучаться стрельбе из аркебуз. Благо, за полторы недели Мадир смог поменять ложе на своих орудиях на более доработанное. Остальные воины, исключая, пожалуй, только сержантов, стали обучаться не только копейному бою, но и работе с алебардами. Главным аспектом здесь была дисциплина, которой обычно не хватало другой пехоте.

Снаряжение медленно, но верно стандартизировалось. На покупку латного панциря наша казна ещё не была способна, но закупить толстые гамбенизоны и несколько коротких

кольчуг мы смогли осилить. Хотелось бы занять ещё с десятков конных воинов, но до такого счастья было ещё далеко, хоть они и привели бы несколько больше тактических операций. Как минимум для авангарда и арьергарда такие воины бы точногодились.

Наконец, спустя ещё два месяца восстановления и хоть какого-то обучения бывших крестьян, пора было отправиться на выполнение контракта. Отрядная казна, к неудовольствию Бернда, изрядно поистрепалась и нужно было дальше отправляться на выполнение поручений за звонкую монету.

С сержантами я устроил совет. Уже несколько знатных и важных людей хотели нанять наш отряд на свою службу. Одним был крупный купец, у которого было несколько больших караванов, отправляемых в разные стороны континента. Другим был молодой воинственный лорд, имеющий претензии к своему соседу и давний с ним конфликт. Он опасался того, что сосед нападёт на его земли, а потому построил несколько небольших крепостей на границе, куда и желал отправить наш отряд. Третьим был богатый владелец железнорудных копей, расположенных прямо на границе владений язычников. Он опасался такого соседства и хотел защитить свой источник прибыли от посягательств горцев.

Зеф, не терпящий долгого нахождения на одном месте, выступал за купца, ведь можно будет поведать другие страны. Сезар, Фабрис и Элиос выступали за контракт лорда, говоря о том, что так людей можно будет всегда держать в напряжении и постоянной боеготовности. Бернд же выступал за держателя шахт, ведь он предлагал самую большую оплату.

В самый разгар обсуждения, когда наёмники уже перешли с относительно вежливого тона на громогласную ругань, лишь изредка прислушиваясь к моим призывам вернуться на мирную стезю, на второй этаж, где мы и заседали, ворвался Рубен. Парень был напуган и пытался что-то сказать, но опасался кричать в окружении жестоких наёмников. Заметив это, я с силой шарахнул кулаком по столу, заставляя наёмников замолчать.

— Что случилось? — спросил я у сокольничего, который продолжал быстро и испуганно моргать.

— Там внизу пришли церковники. Десять человек. Все на конях и при оружии. Требуют позвать командира.

Я посмотрел на Фабриса, но тот лишь отрицательно помотал головой. Такого визита никто не ожидал, но вряд ли церковники задумали что-то агрессивное, ведь резни в стенах города мало кому хотелось.

Спустившись на первый этаж в сопровождении своих офицеров, я увидел там десятков воинов «в доспехах и при оружии». Снаряжены они были гораздо лучше, чем охранение епископа владений де Терзита. Каждый из воинов был одет в светло-жёлтые стальные бригантины с поддетыми под них кольчугами, стальными наплечниками и шлемами типа «Клапвизор», что держали сейчас на коленях. На сюрко поверх бригантины, на белом полотне были изображены золотые круги с заключёнными внутри квадратами. Каждый из рыцарей держал на поясе два клинка: прямой полуторный меч и более короткий, но не менее убийственный кинжал с треугольным сечением. Такие кинжалы пользуются в сумятице боя для того, чтобы разить латных воинов в сочленения доспехов и прикрытые кольчугой места.

Услышав наше приближение, один из рыцарей поднялся из-за стола и подошёл к нам. Свою левую ладонь он хоть и держал на навершии своего меча, но не вызывал никаких подозрений. Подошедший рыцарь выглядел очень странно. На голове он не имел ни единого волоска. Ни макушка, ни брови, ни губы или щёки не были утеплены волосным покровом.

Его большие карие глаза под голыми бровями, изучающе смотрели на меня, как будто испытывая мои нервы на прочность.

— Мне передали, что вы ищите командира «Кабаньей головы». Он перед вами. Что вы хотите?

— Я Вард. — воин прижал раскрытую ладонь к бригантине, — Рыцарь-брат святой Юганы. У меня есть для вас предложение, если вы готовы прямо сейчас его выслушать.

— Наёмник не ищущий контракт — не наёмник. — улыбнулся я, — Правда, я знаю мало проблем, которые не смогут решить десять рыцарей святой Юганы.

— Мне лестно слышать от вас столь приятные слова, но мы люди не слова, а меча. — Вард кивнул, — Я слышан, что в вашем отряде служит бывший наш брат Фабрис. Если это так, то я бы очень хотел увидеть его.

— Зачем он вам? — я с угрозой положил ладонь на рукоять сабли.

— Затем, что он мой брат.

Монастырский рыцарь убрал ладонь с рукояти своего полторного меча и потянулся к шее. Своими крепкими пальцами он взялся за кольчужную бармицу и медленно стянул ту с головы. На обнажённой шее и плече мужчины были видны три страшных грубых шрама, точно оставленных каким-то страшным оружием. Только очень страшных и огромных зверь был способен сотворить нечто подобное.

— Восемь лет назад мы сражались с зеленокожими. Один из их вождей собрал огромную армию в несколько сотен голов и повёл её на Акреон. Мы встали единой стеной против их орды. Многие наши братья сложили тогда головы под стенами города, надеясь сдержать их ярость. Бой шёл целый день и почти всю ночь. Многие из гадов погибли, и мы наконец смогли прорваться к их предводителю. Это был О'глах Поджигатель. Он воевал на жутком феноксуде. Эти твари огромны, они больше наших коней на половину, на их ногах страшные когти, а рот усеян десятками острых, похожих на копыя зубов. Феноксуд О'глаха ударил своей лапой, чуть не оторвав мне голову, но мне удалось убить его ударом копыя в глаз. Фабрис пришёл мне на помощь. Пока я истекал кровью, валясь рядом с агонизирующим феноксудом, Фабрис схлестнулся с О'глахом на равных. Этот орк положил многие десятки жизней людей в этой битве. На этом свете слишком мало воинов способных биться с орком на равных, но он смог. Он отсёк орочьему вождю руку и тот бежал словно крыса. Фабрис смог не только прогнать орчьего вождя, но затем сумел вытащить меня с поля боя, после чего шесть долгих месяцев сражался уже не с зеленокожими, а с самой смертью, воюя за мою жизнь. Хоть он и ушёл из рядов братства, но он всё равно остаётся братом мне. Я обязан ему жизнью.

Фабрис спустился со второго этажа, подошёл к Варду и молча крепко обнял его.

— Ты жив, мой друг. — улыбнулся Фабриса, хлопая по плечу монастырского рыцаря, — Но оставим наши приятные беседы на потом. Раз уж ты здесь, то на то точно есть причина. Сомневаюсь, что тебе был нужен только я.

Вард кивнул одному из монахов и тот достал из-под стола кожаный тубус. Оттуда он бережно вытянул туго скрученный лист. Развернув его на столешнице, он поставил на каждом из углов по деревянной кружке и наконец отошёл, позволяя лицезреть изображение. Это была карта Ларингии с отмеченными границами всех феодальных владений вместе с семьями, что ими владели и даже их гербами. Я взгляделся в карту и в её названии увидел датировку «1672». В Ларингии счёт вели от дня основания столицы государства — Акреона. Дома Рюгленда, королевства Горид, Тартос, Седония, а также многие из государств

восточнее же пользовались летоисчислением от дня рождения Высоких Предков, а потому у них сейчас был две тысячи триста пятый год. Выходило так, что карта была нарисована ещё при правлении прошлого короля восемнадцать лет назад. С того момента наверняка расположение феодалов различных домов могли поменяться, но гостей из монастыря это не сильно волновало.

Вард провёл пальцем по карте восточнее Орлаёна и остановился на землях герцогства Тиронь. Официально земли Тироня должны были отойти под короля Феодора, но фактически там закрепилась Сара — единственная дочь Людовика. Никаких легитимных прав на эту землю у неё не было, однако же она успела породниться с правящим домом Седонии и при помощи посланной на помощь армии смогла занять практически весь Тиронь за исключением пары пограничных замков, в которых засели верные короне феодалы. Почему же её до сих пор не спихнули с трона, ведь прав как таковых у неё нет? Её брак был матрилинейным, и сын Сары принадлежал к династии Солебец, как его дед и дяди. Так что, сейчас она была официальной королевой-регентом при своём сыне Эдварде.

— А что вам нужно в землях Тироня? — осведомился я, — Это уже даже не наше герцогство, да и далековато оно отсюда.

— От прибрежных монастырей Тирони к нами прилетели несколько соколов с вестями о том, что там происходят страшные зверства. В Тиронь высадился небольшой неизвестный отряд, который стал грабить все окрестные поселения.

— И что? Обычные грабители. Я видел ваших конников в бою. Разве они не расправятся с обычной шайкой душегубов?

— Мы тоже сначала так подумали и выслали ответного сокола, но он не вернулся. Мы отослали ещё несколько птиц, но только одна вернулась. В сообщении говорилось, что они несколько раз с трудом уничтожали этот отряд, но каждый раз он возвращался с ещё большими силами и, кажется, некоторые разорители погибли уже не один раз.

— Как это? — пробасил стоящий позади Сезар.

— Мы точно не знаем, но некоторые из братьев говорят, что это магия крови поднимает мертвецов.

— Живые мертвецы? — усмехнулся бородач, — Это же сказки для детей, чтобы они не ходили по ночам по улице.

— В каждой сказке есть крупица истины. — проникновенно сказал Фабрис, задумчиво сощурившийся, — Вард, о этой магии нет даже слухов уже не одну сотню лет. Последнего мага крови убил Ларис Святой ещё в пятьсот четвёртом году, отрубив ему голову, а без головы не встанут даже мертвецы.

— Мы знаем не больше твоего, брат, но уже несколько монастырей не отвечают на послания. Нужно отправляться и делать это срочно.

— Один момент, товарищи-монахи. — вклинился я в разговор между старыми друзьями, — Почему сама Сара не обращает на это внимание? У неё есть свои войска, а разрушенные деревни налоги платить не будут.

— Основная её армия — это отправленный корпус из Седонии. Как думаешь, хорошо ли будут относиться к ней местные феодалы, если по их землям будут ходить чужаки? Так что её руки сейчас связаны, а высадившийся отряд не выходит за земли одного графства.

— Впрочем, сколько вы заплатите за нашу работу? Церковь будет щедра?

— Три с половиной сотни золотых лоринов. Думаю, это более чем достойная цена за ваши услуги. Пятьдесят лоринов мы выдадим прямо сейчас.

Вся наёмничья братия хором присвистнул. Столь большого и дорогостоящего заказа у нашего ещё не было и до сегодняшнего дня не предвиделось. Похоже, войск у церкви осталось не так уж и много. Всё же, их потрепали в сражении с язычниками, да и через пару дней у местных верующих наступает седмица Восария. В начале этой недели в сторону Гранисии отправятся сотни огромных верениц паломников, ведь там стояла главная святыня всех верующих в Высоких Предков — холм Восария. Именно на нём он разделился на четырёх Высоких Предков. Вот только гранисийцы были не самыми приветливыми людьми и очень часто нападали на паломников, вырезая тысячи людей. Потому все воины-монахи отправляются на защиту верующих. Лишь малые силы оставались в Ларингии.

— Вадим, давай отойдём на время. — подхватил меня под локоть Бернд и отвёл к противоположному углу таверны, — Соглашайся. Мы на эти деньги такой отряд сделаем, что даже рыцари Кловиса на нас будут слюни пускать. Там работы всего на месяц и такие деньги на кону.

Я согласно покивал. Деньги и вправду были большие. На такие деньги можно купить несколько деревень и жить припеваючи, а можно построить очень крепкую армию, так что долго раздумывать, даже не смотря на предполагаемую опасность, я не желал и пожал протянутую руку Варда.

На подготовку нам дали всего четыре дня. Очень уж маленький срок для подготовки полноценного похода, но приходилось укладываться. Для того чтобы передвигаться максимально быстро, Бернду пришлось закупить больше полусотни лошадей для нашего личного состава, а ещё два десятка коней для обоза. Передвигаться нам придётся по вполне обжитым местам, а потому много провианта с собой брать не требовалось, да и сделать покупки множества еды зимой будет тяжело. Именно поэтому обоз мы составляли по принципу: три человека на один обоз.

Наконец, не дожидаясь окончания выданного нам срока, на четвёртый день мы отправились в путь. Не смотря на наше конное обеспечение, многие из солдат впервые сидели в седле, а потому выступать на марш было достаточно тяжело. Арьергардную и авангардную функцию взяли на себя всадники Варда, как самые умелые конные воины. У нас же, среди всех наёмников вряд ли набралось бы полтора десятка воинов, способных биться в седле. Единственный, кто отлично чувствовал себя на коне отлично, так это Анселм Верт, постоянно хлещущий фруктовое вино из притороченной к коню кожаной фляги.

Дорога на соседнего герцогства даже на конях заняла ровно две недели. Передвигаться по снегу при отсутствии «организованного марша» как понятия было сложно, неприятно, но необходимо. Страшно было представить, что мог натворить за это время отряд, за головами которого мы и отправились, но передвигаться быстрее было невозможно. Было запланировано добраться до достаточно большой деревни в четверти дневного конного перехода от монастыря, откуда было получено последнее письмо, но уже на подходе к ней начались неприятности.

Двигались мы по достаточно широкой дороге, не встречая никакого сопротивления. Даже окрестным лордам не было никакого дела до передвигающегося войска. Возможно, их успокаивало наличие в нашей колонне рыцарей, а возможно они просто не хотели вступать в противостояние с нами. Впрочем, вели мы себя мирно и зверств не совершали, а потому и враждовать с нами не было смысла.

За несколько вёрст до деревни арьергард приказал нам остановиться, и я припустил коня, подсакивая к рыцарям. Они остановились у большого ветвистого дуба и зрелище

представшее было малоприятным. Под корнями дуба снег покраснел от пропитавшей его крови. На ветках дерева, словно гирлянда, висели человеческие тела, покачивающиеся от холодного ветра. Здесь были и мужчины, и женщины, не пожалели даже детей и стариков. Тел было около двадцати штук, одежда на них была цела, но абсолютно у каждого висящего копьём была пробита голова. У тех, кто висел ниже, были отгрызены или обглоданы ноги, но это была уже работа местного зверья. Висели здесь они не так давно и в зимнем морозе ещё не начали разлагаться.

— Крестьяне? — подскочив к лидеру церковников, спросил я.

— Похоже на то.

Вард выглядел мрачно. Он смотрел на развешанные тела и всё больше хмурился. Пальцы его играли на плетённой рукояти меча. Зрелище было далеко не из приятных, но ещё сильнее страшило то, что это была явно спланированная акция устрашения, которую мы бы не смогли пропустить. Этот дуб стоял прямо у дороги и любой путник, что отправлялся туда, точно увидел бы это ужасное зрелище.

— Их надо похоронить. — заявил Фабрис, поехавший вслед за мной.

Кивнув, я спрыгнул с коня и пошёл в сторону дуба, глубоко утопая в покрывшем землю снегу. Кое-как дойдя до дерева, заметил на его коре вырезанное ножом послание: «Дальше только смерть!». Сообщение было малоприятное, да и просто так мало кто бы стал его оставлять, ведь слишком серьёзным было совершённое преступление. Обнажив саблю, я стал методично рубить верёвки. Тела одно за одним стали падать в снег, а подоспевшие наёмники стали относить их в сторону. Наверняка со стороны подпрыгивающий наёмник выглядел очень и очень комично, но мне было плевать, ведь все мысли были заняты причиной столь тяжкого преступления. Однако кто бы это не был, но просто так стоять было нельзя. Потому часть воинов встали в боевое охранение, а другая достала инструменты из обоза и принялась копать стылую землю. Задерживаться в этой неприятной ситуации очень уж не хотелось, но просто так оставлять тела незахороненными никто не хотел.

Среди новичков отряда я услышал, что многие опасливо перешёптываются, пытаются представить автора этого зверства и ту мощь, на которую он способен. Благо, уже бывавшие в бою наймиты, особенно те, кто прошли битву у двух Холмов, утверждали, что в бою понятно одно — любого можно убить, а значит и неведомый нам враг тоже смертен.

— Кто мог это сделать? — спросил я у Варда, который задумчиво рассматривал трупы.

— Тут всего два варианта: наш враг, либо кто-то из местных жителей. При любом раскладе мы столкнёмся с чем-то серьёзным.

— Куда сейчас будем двигаться? Опасно всем отрядом сразу входить в деревню. Может отправишь своих разведать ситуацию? Из моих мужиков всадники такие себе.

— До деревни тут не очень недалеко. Сомневаюсь, что вообще оставаться там будет безопасно. К западу от нас в трёх часах пути есть старый замок. Он заброшен, но находится за каменными стенами намного лучше, чем практически в голом поле.

Я согласился. Пусть даже стены будут хоть частично разрушены, но даже так там будет в разы безопаснее. Промёрзшую землю копать было сложно, но несколько десятков наёмников, попеременно работая кирками и лопатами, смогли управиться за пару часов и теперь перед нами было два десятка свежеврытых могил. Туда стали попеременно спускать тела подвешенных. Вард, как глава монашеского отряда и действующий рыцарь святой Юганы, прочитал молитву и тела стали быстро закапывать одно за одним.

Всё это заняло три часа, и мы сильно выбились из графика. Солнце быстро клонилось за

горизонт, а находится в этом месте вне укрытий было очень некомфортно. Я постоянно подгонял своих бойцов, ведь даже руины замка надо хоть немного обследовать, прежде чем завести туда весь наш многочисленный отряд.

Ещё через два с половиной часа, когда тьма практически пожрала день, мы наконец подобрались к замку. Как и было сказано, он был давно заброшен, но невысокие каменные стены продолжали стоять на месте, хоть и успели порости какой-то странной лозой. Я отправил туда десяток своих бойцов во главе с Сезаром и те спокойно вернулись меньше, чем через половину часа, объявив о том, что замок пуст.

Войско вошло внутрь, и мы заняли этот укреплённый пункт. Замок стоял на невысоком холме, да и сам был небольшим, но даже будучи в тесноте воины были рады укрыться за стенами. Похоже, что многих поразил дуб с подвешенными людьми, но даже так это не спасало их от дежурства на стенах.

Я же стоял на вершине самой высокой башне и осматривал заснеженные луга вокруг нашего пристанища. Вокруг всё было тихим, да и отражаемого снегом света не хватало, чтобы взглянуть в земли. Тишина пугала, но выказывать испуга было нельзя. Чем более уверенным я буду, тем меньше будет страха среди наёмников.

Прямо перед сном я решил, что этот замок нужно использовать как нашу крепость на этой недружелюбной земле. Такой опорный пункт позволит нам безопасно разведать хотя бы часть графства, не рискуя основной частью войска. Тем более, что в последнем городе, что мы посетили, удалось прикупить провианта и хотя бы неделю о еде можно будет не беспокоиться.

Глава 13. Гнилой снег

Ночь для нас прошла спокойно. Лишь стая волков выла где-то в далёких лесах, действуя на нервы стоящим на стенах наёмникам. Утром половина монастырских воинов и я в сопровождении Анселма Вирта отправился в сторону деревни, куда мы должны были прибыть ещё вчера. Двигаться небольшим числом умелых кавалеристов было куда как сподручнее и через полтора часа мы оказались в поселении. Точнее в том, что от него осталось.

Огонь пожрал некогда большую деревню, оставив от множества зданий лишь пепел, покрывший всю землю вокруг. Мы медленно двигались по единственной дороге, осматривая остатки некогда крепких домов, от которых остались только редкие каменные остовы. Здесь не было не единой души, а пожарища уже давно остыли и это значило, что поселение сгорело ещё задолго под нашего здесь появления, хотя запах гари до сих витал в воздухе. Мы проскакали лёгкой рысью всю деревню, но так и не нашли даже намёка на жизнь. Единственное, что намекало на человеческую хозяйственную жизнь, так это сложенные в пирамиду тела домашнего скота на противоположном окончании деревни.

— Сомневаюсь, что это кто-то из местных. Если бы пришли грабить, то скот точно бы увели. — констатировал Анселм.

— Согласен. — кивнул я безземельному дворянину, — Вард, есть идеи куда нам дальше двигаться? До заката ещё очень далеко и надо побольше разведать.

— Надо добраться до монастыря святого Иоганна! — воскликнул один из бойцов Варда, — Оттуда последний сокол пришёл. К закату должны будем вернуться.

На том и решили. Оставаться вне стен, пока не узнаем, что у нас за враг не хотелось, да и атмосфера в сгоревшей деревне была, мягко говоря, гнетущая. Такие уничтоженные поселения во время войны были не редкостью, но от того оставаться здесь дольше точно не хотелось и мы поскакали в сторону монастыря, надеясь хоть там найти живых людей или информацию о противнике.

Пока мы скакали, то никого не встретили. Казалось, что даже немногочисленные зимующие птицы затихли, подавленные сложившейся ситуацией. Монастырь, как и многие крепости, стоял на возвышенности, а лес вокруг него был вырублен для того, чтобы неприятель не мог быстро и скрытно подойти к монастырским стенам.

У стен монастыря виднелись следы не так давно прошедшей здесь битвы, а за стенами виднелась тонкая струйка дыма от какого-то тлеющего внутри здания. Рядом лежало множество трупов в разномастной одежде и даже между крепостных зубов виднелось несколько свисающих стен. Тут были обычные крестьяне, как мужчины, так и женщины, как графские солдаты, так и воины-монахи. Большинство из тех тел, что валялись под стенами, были истыканы множеством стрел и арбалетных болтов, а те, что свисали со стен, вовсе не имели конечностей. К крепости были подставлены наспех сделанные широкие лестницы с крупными перекладинами из молодых веток, а лестниц было несколько. Я наскоро насчитал с десятков штурмовых приспособлений, а ещё с пяток валялось на снегу. Часть из них была переломана до состояния дров, другая недосчитывала перекладин, но каждая из них была заляпана кровью.

Мы подскочили ближе, держа оружие наготове. Толстые ворота монастыря были раскрыты и в проходе лежало ещё куча из мёртвых человеческих тел. Оставив коней за

стенами вместе с двумя рыцарями-монахами, мы вошли внутрь. Бойня, кипевшая внутри стен, была не меньшей, чем снаружи. Несколько десятков мертвецов, множество отрубленных и начисто отсечённых конечностей, да сгоревшие, покрывшиеся корочкой, тела. Здесь пахло сожжённым человеческим мясом, гнилой кровью, выжженными деревьями и везде несло смертью. Чем ближе мы подходили к церкви, тем больше трупов лежало на земле. Лестница была просто усеяна мертвецами и практически каждый из них не имел головы, срубленной чем-то тяжёлым. Дверь же в церковь была выбита валяющимся рядом тараном, а внутри было целое кладбище. Тела обычных крестьян кучами лежали на каменистом полу. Я подошёл к одному из тел и заметил, что каждый был убит одним единственным уколом в глаз. Острие клинка, которым были убиты люди, просто пробивало глаз и достигало упругого мозга. Профессионал делает это умело и смерть их должна была быть очень быстрой, а главное безболезненной.

— Как думаешь, они убили себя сами? — шепнул я рядом стоящему Анселму.

— Определённо. Похоже, что этот враг был столь страшным, что лучше было убить себя, нежели попасть к нему. Мне даже жалко их.

Анселм отпил из фляжки, а я тяжело вздохнул. Такой расклад мне очень не нравился. У этого врага было достаточно воинов, чтобы брать укреплённый монастырь не осадой, а штурмом. Для этого надо иметь численный перевес раз этак в пять. Фабрис говорил, что в монастырях обычно не меньше двух десятков воинов разной степени подготовки, обычно превышающих стандартных городских стражников. Значит, по меньшей мере, у врага была сотня человек. Не так уж и много, учитывая потери при штурме, но всё равно достаточно, чтобы навести шороху в графстве. Смущали даже не потери неизвестного врага, а отсутствие тел защитников монастыря. Пока мы ходили по крепости, то насчитали всего четверых, а этого было очень уж мало. Вард же казался не напуганным, а очень озадаченным. Он хмуро переворачивал тела и осматривал все их раны. В один момент тотальное непонимание мне надоело.

— Вард, ради всех богов, скажи против кого мы собираемся сражаться! — процедил я сквозь сжатые от напряжения зубы.

Глава рыцарей-монахов развернулся ко мне, посмотрел в глаза и тяжело вдохнул, вбирая воздух в лёгкие, — Фабрис уже затрагивал эту тему, но я в это не верил. Похоже, что где-то здесь завёлся некромант и некромант мощный.

Вирт помрачнел, а я задумался, почёсывая поросший бородой подбородок. Если в этом мире всё точно также как и в моём, то ситуация у нас дрянная. Воевать с человеком, который может управлять мёртвыми крайне опасно. Если обычного человека можно убить множеством способов, то как уничтожить мертвеца? Хотя... Всё теперь сходится. У подвешенных на дереве и убитых здесь было кое-что общее — пробитый мозг. Неприятно. Очень неприятно.

— Насколько мощный? — уточнил я.

— Похоже, что он может поддерживать сразу как минимум несколько десятков, а то и сотен мертвецов. Может быть даже тысячи. Мы не встречали таких уже несколько сотен лет и не можем полностью осознать всей его мощи.

Описать сложившуюся ситуацию можно было только запрещёнными словами, и я с удовольствием высказал все эмоции на русском под непонимающие взгляды сопровождающих. Под моим управлением сейчас всего шесть с половиной десятков воинов, да десяток монахов. Немало, но чтобы разгромить сильно превосходящие силы этого точно не

хватит.

— Капитан, мы получили задаток. Может нам стоит уйти? С мертвяками мы сражаться не соглашались. — шепнул мне на ухо Анселм.

— Мы подписали контракт и обязаны его отработать. — упрямо ответил я и обратился к Варду, — И где нам искать этого некроманта?

— Полагаю, что как только он соберёт достаточное силы, то пойдёт на штурм графской столицы. У графа Аделара одна из самых сильных крепостей во всём Тироне. Мертвецам не нужен провиант и вода — они могут держать осаду бесконечно и если герцогиня не соберёт всю свою армию, то снять эту осаду будет затруднительно. Сначала падёт Аделар, затем рухнет Сара, Акреон, потом Ларингия и весь Карлеон. Даже если он не сможет поднять нужное количество мертвяков, то испуганные лорды по одному только взгляду этого мага будут предоставлять свои войска в его пользование. Поэтому нужно пресечь эту проблему на корню.

— Вард, ты слышал мой вопрос. Куда нам дальше двигаться? Опасность я понимаю и сам.

— Нам надо перебраться к Аделару. Его дом в разы укреплённые. Мы можем там обосноваться и воевать оттуда будет куда как легче. Стены его замка гораздо лучше тех развалин, где мы сейчас обитаем.

Последнее замечание его было справедливым. Укрепиться в настоящем замке будет куда как лучше.

— Сколько пути до его города, да и пустит ли он нас к себе?

— До его города полтора конных перехода. А пустить ему нас придётся, если он не хочет почувствовать на себе весь гнев Тантопы.

К вечеру мы вернулись обратно в свой замок. Все мы были напряжены и в любую секунду были готовы вступить в бой. Пока что было решено не рассказывать остальным с чем мы должны будем столкнуться, а потому даже Анселм Вирт молчал, только всё чаще прикладываясь к своей фляжке.

На следующее утро, только успели появиться первые солнечные лучи, как мы начали быстро собираться в путь. Выстроившись в походный порядок, мы спешно двинулись в сторону замка, постоянно засылая вперёд разведчиков. Даже аркебузирам было приказано держать фитили зажжёнными, чтобы в первый удобный случай сразу же открыть огонь. Да, бить залпами с коней будет сложно, но даже грохот от выстрелов может отпугнуть тех, кто не слишком готов к противостоянию с новыми технологиями.

Первый наш переход выдался достаточно спокойным, хоть и очень неприятным. Мы смогли пройти несколько деревень, и каждая из них была похожа на предыдущую. Все как одна были сгоревшими, а убитый скот был сложен в пирамиду. Эта пугающая картина наводила жуткие мысли, особенно учитывая то, что ни одного живого или мёртвого человека мы так и не нашли.

К концу первого дня перехода, мы смогли добраться до большой поляны прямо посреди леса. Не смотря на усталость воинов, я приказал поставить вокруг нашего лагеря. Даже такая слабая защита была лучше, чем ничего и воины прекрасно это понимали, а потому с радостью принялись возводить укрепление. В этот раз ночью было беспокойно. Стражники видели, как вокруг нашего лагеря в лесу двигаются какие-то тени. Ближе, чем на полсотни шагов они не подходили, а потому тревоги никто поднимать не стал.

Утром в лес были посланы несколько человек на поиски следов наших неизвестных

наблюдателей, но те быстро вернулись ни с чем. Возможно, что это были простые галлюцинации на фоне страха, но от этого легче не становилось.

После разведки отряд вновь отправился в путь. На этот раз было приказано передвигаться в полном боевом облачении и порядке к атаке. Половину дня мы прошли с одним только перерывом и ещё до вечера нам удалось оказаться в одном километре от города графа Аделара.

Впереди я увидел скачущего к нам монаха-рыцаря из выдвинутого вперёд авангарда. Двигался он очень быстро и выглядел столь агрессивно, что на мгновение мне показалось, будто он собирается на нас напасть и я схватился было за саблю, но он резко дёрнул поводья своего коня и тот встал на задние ноги.

— Веридат осаждён! — закричал всадник, подняв своё копьё вверх.

Худшие опасения сбылись. Армия мертвяков опередила нас и теперь город, который должен был нас укрыть, сам стал самым опасным местом в графстве. Сам я развернулся к своим воинам и призывно поднял копьё.

— Воины «Кабаньей головы», нас ждёт битва! Призываю вас быть храбрыми и сильными, не бояться сражения и с яростью рубить головы нашим врагам! Вы видели, что творит неизвестный нам злодей на этих землях! Он подобен чёрту, дак пусть этот чёрт будет бояться нас! Идите в бой со мной и прибудет с вами звонкая золотая монета!

Воины яростно зарычали, поднимая своё оружие. Заряженные моей короткой, но истово пламенной речью они гремели и что-то кричали мне в ответ, распаляя боевую ярость внутри своих сердец. Я махнул саблей и пришпорив коней, мы сорвались на галоп. Проскакав ещё с половиной километра, мы спрыгнули с коней и быстро встали в атакующее построение. Вот только к этому моменту мертвяки попёрли на стены города, неся над головой штурмовые лестницы.

Впереди встали десять аркебузирова, выстроившись в одну небольшую линию. Сомневаюсь, что они окажут большой эффект на уже и так мёртвого врага, но показать силу в бою было необходимо. За ними уже и расположилась основная армия, ошетилившаяся стеной копий и алебард. Впереди шли щитовики, держащие в руках мечи и топоры, а из-за их спин должны будут бить алебардчики. По краям нашего отряда расположилось по пять конников из монашеской кавалерии.

Мы медленно пошли в сторону активно прущих на приступ мертвяков, готовясь к жестокой сече. Часть мертвецов отделилась от основной армии и пошла в нашу сторону, не соблюдая хоть какого-то строя, надвигаясь одной сплошной массой.

Я шёл в первом ряду строя, держа в руках не копьё, а саблю. Да, копьё удобно для битвы в строю, но рубить головы саблей гораздо сподручнее. Сердце тяжело ухало в груди, а взгляд не мог оторваться от неестественно спокойных лиц мертвецов и их глаз, что смотрели только на нас. От них практически не было звука. Лишь только шумела броня на их мёртвых телах.

— Запомните, бейте им в головы! — крикнул я, когда до мертвяков оставалось всего метров тридцать.

Сказав это, я молодецки замахнулся и метнул копьё. Моему примеру последовали и остальные, отправляя в полёт свои дротики. Десятки небольших копий взвились в воздух и с влажным чавканьем врезались в холодные тела ходячих трупов. Их это вовсе не беспокоило, и они продолжали переть, заставив нас сделать ещё один залп.

И вот наконец мы схлестнулись. Мёртвая волна накатила на наши ряды и началась

жестокая рубка. Наша ватага работала слаженно, пользуясь каждым моментом, чтобы нанести удар. Я рубил, колол, резал каждый раз силясь добраться до мозга в начинающих разлагаться головах мертвецов. Но они не оставляли наши нападki без ответа. Порождения некроманта хоть были медлительны и неповоротливы, но было их много и мертвяки старательно пытались обогнуть наше построение с обоих боков, напирая массой. На флангах особенно отлично показывал себя алебардщики, а в особенности Сезар, находивший явное удовольствие в том, чтобы сражаться с доселе неизвестным противником. Вот только не всё было столь радужно, как бы мне этого хотелось. Далеко не все воины были готовы сражаться с врагом, что не чувствует боли и бесконечно прёт вперёд, пока его черепушка будет целой. Некоторые определённо падали духом пред лицом порождений магии и мне постоянно приходилось подбадривать их окриками. Пока что мы прорубались вперёд, образовав клин и понемногу продвигаясь в сторону крепостной стены. Жизненно важно было снять осаду с города, ведь именно тогда мы сможем укрыться за толстыми стенами.

— Вард! Нужно разрушить их таран! — перекрикивая грохот и звон битвы, приказал я конникам, что томились в ожидании приказа.

Пока что воевали мы достаточно вальяжно, ведь неизвестный маг послал против нас своих самых слабых мертвецов. По большей части это были бывшие крестьяне, вооружённые всяким хламом вместо оружия, а головы их были укрыты лишь разодранными платками и шапками, никак не мешающими заточенной стали.

Кавалеристы выскочили из-за нашего строя и мгновенно устремили своих коней в сторону городских ворот. В них упёрто с силой бил самодельный таран из свежесваленного окованного ствола дерева. Да, даже если центральные ворота города прорвутся, то дальше мертвецов будут ждать ещё несколько слоёв укреплений, но хотелось сохранить наше возможное прибежище в большей сохранности.

— Поднажмём! — крикнул я, врубая свою саблю прямо меж истлевших бровей очередного мертвеца, замахнувшегося на меня ржавым плотницким топором.

Неожиданно хлынувшая на нас была волна мертвяков закончилась. Алебардщики добивали последних из тех, кто хоть как-то продолжал трепыхаться, а пред моим взором открылось поле боя.

Натиск на городские стены только увеличивался и пред штурмовыми лестницами толпилось всё больше мертвецов, которых и считать то уже было бессмысленно. Вот только на нас уже никто не обращал внимание. Это было странно. Очень странно...

Пока я осматривался и пытался сообразить, что нам нужно, то монахи успели врубиться в толпы у стен, активно разя тех своими мечами и топорами. Защитники стен тоже не бездействовали и активно осыпали мертвецов с башен градом камней, стрел и болтов. Вот только не у всех стен всё было так радужно. На одном сегменте мертвецы практически оттеснили защитников к башням, продолжая давить без устали, закидывая их буквально своим гнилым мясом.

Именно туда я и повёл свой отряд, не потерявший ни единого воина в этой схватке. Начало битвы внушало надежду на удачный исход столкновения. Моя «коробочка» двигалась медленно, но сохраняла строй, что было куда важнее скорости. К нам опять потянулись небольшие кучки мертвяка, не доставляющие, впрочем, проблем алебардистам. Даже аркебузиры хоть и редко, но открывали огонь из-за плеч своих товарищей с каждым залпом уменьшая численность штурмующих, но лучше всего здесь показали себя стёганные гамбенизоны. Множество мертвецов были вовсе без оружия и бросались зубами на воинов,

но плотно набитые куртки были непреодолимой преградой для плотоядных тварей.

Мы сблизилась с той кучей нежити, что пыталась взобраться на стены и стали всё сильнее теснить их к ней. Тело дошло до автоматизма и двигалось само по себе, нанося быстрые и мощные удары. Но нельзя было полностью вливаться в битву, ведь было необходимо следить за окружающим нас полем боя. Защитники стен, завидев неожиданную помощь радостно заулюлюкали. Впрочем, от этого нам было ни горячо, ни холодно. Необходимо было просто обрушить эти лестницы, а затем отступить к воротам и вернуть своих коней.

Здесь мертвяки были уже крепче, да и казалось, что сильно свежее. Многие из них имели хоть какое-то вменяемое оружие и даже доспехи, а это вовсе мне не нравилось. На убийство такого мертвеца тратилось куда как больше времени, да и появились первые потери, но отступать было нельзя. Мы были всего в нескольких метрах от лестницы и прекращать натиск против этой медленной, неповоротливой, но многочисленной массы было бы поздно.

Я первым прорвался к лестницам и начал неистово рубить их, уворачиваясь от летящих со всех сторон ударов. В голове от нескольких попаданий изрядно звенело, но боль можно и потерпеть. Несколько удачных попаданий по верёвкам, что перевязывали перекладины, и первая лестница рухнула, погребя под собой ползущих по ней мертвяков.

Затем ещё одна и ещё. Не прошло и нескольких минут, как все штурмовые лестницы с этой стороны стены теперь лежали на снегу. Задача была выполнена, но теперь предстояло ещё и вернуться к воротам, но громкий и полный радости крик с одной из башен, заставил меня развернуться.

Мертвяки отступали от городских стен. Слово пауки от огня они отходили от стены, преследуемые лишь криками и редкими летящими в их сторону стрелами. Последних из тех, кто успел забраться на стены сейчас добивали, но основная угроза миновала.

Времени радоваться не было. К нам подскочили рыцари Варда, каждый из которых выжил и даже казалось, что не понёс значительного урона. Приказывать нанимателю было неправильно, но всё же я сделал это, отправляя конников и часть своих бойцов в сторону оставленного нами обоза. Было жизненно необходимо вернуть его обратно, а иначе мы помрём голодной смертью, так и не выполнив поставленной задачи, а умереть от голода было чуть ли не страшнее, чем под руками мертвецов. Сами мы же добились мертвецов, тут и там ползающих по залитому гнилой кровью снегу.

Прождать пришлось больше часа, но убирать охранение обоза было нельзя. Без нормального охранения при повторном нападении обоз будет уничтожен, а потому уходить было нельзя. Кто знает какие фокусы может выкинуть неизвестный противник. Как только наши воины вернулись, то городские ворота медленно раскрылись ровно на ту ширину, чтобы туда могли пройти телеги по одиночке. Сейчас мы наконец могли хоть немного передохнуть после этой жаркой схватки.

Я устало сел на срубленное бревно внутри крепости и стянул с головы шлем. В нескольких местах он был помят, а на кольчуге виднелось несколько разрубленных колец. Остальные бойцы последовали примеру и тоже опустились на землю, отдыхая после тяжёлой битвы. К сожалению, на телегах лежали несколько убитых наёмников, а ещё с десятков имели травмы различной степени тяжести. Итого из строя хотя бы на время вышло с полтора десятка воинов. В нынешней ситуации могло быть и хуже, но те потери, что мы нанесли мертвякам, было несопоставимо больше наших. Но был ли в этом смысл?

Нас окружили защитники города, но не с целью тактического преимущества, а с целью помочь. Один из них кинулся к раненым, тут же отдавая приказы с тем, какие травы, зелья и материалы принести. Вскоре появился ещё один человек. Шёл он в охрании из трёх латников и при его виде остальные воины расступались.

— Кто вы, чёрт возьми, такие?! — ещё в отдалении в несколько десятков шагов прокричал человек.

Я посмотрел на него. Граф был стар, полон и низок. Даже при моём не самом великом росте он был ниже меня минимум на голову. Его же голова смахивала на жёлудь, имея широкий лоб и сужаясь к подбородку, укрытому курчавой седой бородой, растущей редкими клочками. Покатый лоб же был лысым и блестел от проступающего пота. Голубые глаза, утопленные в череп его полыхали яростью, а кулак в латной перчатке сжимал окровавленный топор на длинной железной рукояти. Одет он был в крепкий стальной латный панцирь, надетый поверх длинного стёганного плаща из красной, такни и короткой, до колен, кольчугой. Такой доспех был достаточно тяжёлым, но от того ещё сильнее защищал драгоценное тело графа.

— Вы граф Аделар? — спокойно спросил я, как только бородатый мужчина подошёл к моим войнам, не вставая пред ним на ноги.

— Да! А кто ты такой?!

— Я Вадим. Глава наёмничьего отряда «Кабанья Голова». — представился я, а затем кивнул в сторону Варда, слезающего с коня, — А это Вард. Наш наниматель.

— Я просил у Королевы привести ко мне войско, а она отправила кучку наёмников и десяток монахов?! — разгорячился Аделар, потрясая своим топором, — Эта чёртова Сара издевается надо мной!

— Товарищ граф, может вы не будете кричать, а расскажите нам что здесь за чертовщина? Всё же, мы спасли вас.

Аделар ещё больше распалился, пока я смотрел на его лицо, покрывшееся вздувшимися венами. Наёмники тоже смотрели на него со спокойной усталостью, пока к нам не подошёл Вард, с удовольствием стянувший шлем с головы и протянувший раскрытую ладонь, затянутую в латную перчатку.

— Достопочтенный Аделар Ландсьер, вопрос моего воина крайне правильный, хоть и задан с грубостью. До нас дошли новости о том, что здесь орудует тёмный маг. Может вы нам поведаете что вам известно?

— Что я вам расскажу?! У вас глаза закрылись? Мертвяки уже в третий раз пытаются взять мои стены и в третий раз обламывают о них свои зубы. Они загубили всё моё графство, а теперь мне отчитываться перед каким-то плешивым наёмником?! — во всю глотку рычал Аделар.

Я посмотрел на сидящего рядом Анселма, — Вы, дворяне, все такие высокомерные?

— Не все, но Ландсьеры очень любят, когда их считают выше всех остальных.

— Понятно...

Глава 14. Пустые глаза

Меня и Варда Аделар пригласил в свои покои. Он был недоволен маленьким подкреплением, но работать приходилось с тем, что имеется, так что старому Ландсьеру пришлось работать с тем, что у него имеется сейчас. В долгом разговоре мы узнали, что нападки на город графа шли уже три недели и за это время на стены накатывала волна за волной, не позволяя защитникам хоть немного передохнуть. Каждый раз некромант приходил всё с большими силами. В первый раз они не понимали, что за страшный враг пришёл за ними и понесли большие потери из-за того, что только недавние трупы тут же восстали, но уже на стенах. На этот раз штурм мог быть если и не последним, то на следующий приступ сил у защитников просто не останется. Было видно, что Аделару было сложно выговаривать эти слова. Похоже, Анселм меня не обманывал и Ландсьеры мало когда признавали силу или помощь других людей.

— Вы смогли обнаружить кто управляет мертвяками? — спросил я самый мучающей вопрос у графа Аделара.

— В отдалении от стен всегда стоит группа. Они не похожи на обычных мертвецов. Они всегда стоят в строю и не используются для штурма. Если долбаный маг где-то рядом, то он точно там. Охрана не такая большая — существ с четверть сотни, но мои бойцы слишком заняты защитой стены, чтобы биться ещё и там.

— Вард, я думаю, что его обязательно нужно уничтожить, а иначе этот хрен вернётся позже и принесёт ещё большие разрушения. Я прав?

— Да. Есть мысли как это сделать?

— Если на смену каждого мертвяка, что мы сегодня убили придут два, а то и три новых, то весь мой отряд помрёт здесь. Этого мне не хочется, так что предлагаю решить всё в открытом поле. Ему же надо передвигаться, чтобы пополнить свою армию. Я правильно понимаю?

— В свитках нет обозначений того, как именно некромант поднимает мертвецов, но силы его не безграничны. Единственное, что я могу сказать точно и наверняка, так это то, что вся сила поднятых им существ завязана на том, кто именно их поднял. Стоит убить его и тогда вся армия в мгновение ока падёт.

— Удобно. — хмыкнул я, картинно затачивая свою саблю у себя на коленях.

— Это так, но сначала нам стоит найти этого некроманта, затем пробиться к нему, а потом и убить. Не самая простая задача. — заметил Вард.

— Есть идеи, где может быть его логово?

— Пара мыслишек найдётся. — улыбнулся в усы Аделар.

Аделар достал из своих закромов несколько старых карт. Его род правил этим графством уже не одну сотню лет и за это время успел отлично изучить земли, составив больше десятка карт, каждая из которых была детализирование предыдущей. Информацией о точном перечне уничтоженных поселений граф не обладал, но совместно нам удалось составить карту возможных передвижений мертвецов. Учитывая информацию о том, где высадился маг и то, что замки соседних графов до сих пор целы, то оставалось всего пара маршрутов, где могли проходить мертвецы и их поводырь. Граф даже выделил мне дополнительных воинов. Немного для целого графа: тридцать человек из которых было четыре конных сержанта и все остальные в виде воинской прислуги с луками. Радовало, что

все они были на конях, а командовать сотней это уже хорошо. Это прямо-таки уважаемо. Да, до достойных итальянских кондотьеров с их тысячными воинствами прошлого мне ещё было очень и очень далеко, но это уже хоть какой-то, пусть и временный, но результат. Скорее всего Аделар беспокоился о том, чтобы получить себе частичку славы, но пока его мечи под моим командованием, то меня всё устраивает.

Передвигались мы быстро. Согласно нашему плану управиться мы должны были всего за пару дней, даже с учётом боя, а потому двигались без обоза, держа весь провиант в седельных сумках коней. Операция была рискованной, но я готов был пойти на это, чтобы столкнуться с врагом лицо к лицу, а не сидеть в осаде, ожидая подкрепления, которое может и вовсе не прийти.

Двигались мы по не самым приметным дорогам, известным только местным жителям. Это было не менее опасно, но так затраты времени были куда как меньше. Ни радости, ни уже привычного куража перед битвой на сей раз я не испытывал. Одно дело, когда ты знаешь, как легко убить врага одним, а другое, когда воюешь с теми, кто однажды уже успел умереть. Я смотрел на своих наёмников, упрямо скачущих за мною. Да, мы могли бросить контракт и просто отступить, но такое решение не достойно наёмника, который всегда и при любых условиях выполняет контракт. Да глупо, но своим словом стоит дорожить.

Мы добрались до деревни, а точнее до того, что от неё осталось. Некогда она стояла между двух крутых склонов словно исполинские стены подпирая поселение с обеих сторон. Возможно, когда-то здесь ворковали женщины за домашними делами, весело бегали детишки, в поле работали мужики, но теперь здесь остались только сожжённые дома и смрадный пепел, покрывший плотным слоем снег. Даже небо помрачнело от увиденного ужаса, некогда бывшим живой деревней. Оно помрачнело и стало грязно-серым, будто впитав в себя дым и гниль этого мира.

Воины спрыгнули с коней и отвели их в сторону. По моему приказанию наша сотня встала, растянувшись от края до края низины утёсов, живой стеной перегородив путь войску мертвяков. Если Аделар ошибся, то сейчас мы стояли перед пустотой, а мертвецы шли по какому-то другому пути, хотя главная дорога и тянулась именно через эту деревню. Два человека были высланы вперёд, чтобы предупредить о приближающейся армии врага, а остальные принялись укреплять позиции. Мы заранее приготовили заострённые деревянные палки и доски, нагрузив ими коней, а потому сейчас быстро строили баррикаду, которая даст нам значительные, пусть и временные, но преимущества. Конечно, мертвяки боли не чувствовали и колья станут просто неудобной преградой, но бить с высоты баррикады по мертвецам будет куда как сподручнее.

Управились мы за час и едва успели, как заметили бегущих к нам разведчиков. Даже с этого расстояния ощущалась, какой страх гонит их в спины. Это значило только одно — враг идёт.

— Готовьтесь парни! — крикнул я, — Разберёмся с этим уродом и повернём домой с золотом! Вернёмся и будет вам пиво и шлюхи сколько захотите!

Бойцы одобрительно прокричали что-то нечленораздельное в ответ и сразу же встали за баррикаду. В их лицах читалась уверенность. Всё же, многие прожили уже далеко не один бой, да и мертвяки прекрасно повторно убивались, хоть и с несколько большим трудом.

Разведчики перескочили за баррикаду с языками на плечах и через четверть часа мертвецы появились. Их мертвенно бледные, не выказывающие никаких эмоций лица смотрели как будто сквозь нас. Шли они плотной кучей, словно вода, обтекая препятствие и

даже не стараясь сохранять хотя бы жалкое подобие строя. Мои же воины уже были готовы. Аркебузиры ждали с зажжёнными фитилями, ожидая пока враг подойдёт на достаточное расстояние.

Триста шагов, двести, полторы сотни...

— Стреляй! — крикнул я, опуская до того поднятую руку.

Аркебузиры моментально грохнули своим оружием, а половина бойцов Аделара тренькнули тетивами луков. Смертельные снаряды улетели в плотную толпу мертвецов и каждый нашёл свою цель. Аркебузиры моментально начали перезаряжаться, а я раз за разом продолжал командовать залпами, ведь мертвецы брели очень медленно, ни замедляясь, ни ускоряясь ни на метр, будто роботы. Хотя, если раньше они были людьми, то кто они сейчас?

Вскоре нас разделяли всего тридцать шагов, и я до побеления сжимал древко копья, дожидаясь того момента, когда вновь только сталь будет решать нашу дальнейшую судьбу. Вот только мертвецы неожиданно остановились. На мгновение я оторопел, но вопросы нужно будет задавать потом. Все стрелы должны будут найти свою цель!

Лучники били уже не по команде. Всё равно по такой толпе промахнуться будет слишком сложно. Даже аркебузы ещё раз грохнули своё веское слово, свинцовыми пулями взрывая головы и разбрызгивая их содержимое гнилым фонтаном.

В голове я услышал свист, распространяющийся как будто бы со всех сторон. Я завертел головой, но на лицах остальных воинов увидел точно такое же непонимание. Похоже, свист слышал далеко не один только я. Нас окружили?! Наверяд-ли... Разведчики проверили окрестности ещё до нашего появления и здесь не было абсолютно никого, а подойти даже малой группой сквозь лес, не наведя шума, будет сродни магии.

Сначала этот свист был тихим, а затем он стал всё сильнее нарастать с каждой секундой. И появился он ровно в тот момент, когда мертвецы остановились пред нами. Это было пугающе и это непонимание внушало ещё больше страха в моё сердце.

— Вадим, ты тоже слышишь свист? — шепнул мне Бернд, стоящий от меня по левую руку.

Я только покивал в ответ, смотря в толпу мертвецов, продолжающую оставаться на одном месте, мерно раскачиваясь из стороны в сторону. Мне казалось, что в отдалении среди их тел началось шевеление. Через несколько секунд моё предположение подтвердилось. Свист всё сильнее звучал в голове, а толпы мертвецов стали раздвигаться, образуя длинный и прямой коридор из тел. По нему шёл человек. Наверное человек...

Он был высоким и одетым в чёрный, как пережжённая смола балахон с глубоко надвинутым на глаза капюшоном. На нём был старый, расколотый в нескольких местах покрытый копотью панцирь из щелей которого шёл тусклый свет, будто сквозь рубин пропустили луч. На длинной кольчуге, проржавевшей во множестве мест и покрытой чёрствой кровавой коркой, были отпечатаны следы от ударов. Под кольчугой был тёмный комбинезон, цвет которого был таков, будто его долгое время валяли в печной саже, а затем томили в гнили. На голове под капюшоном виднелось плоское стальное забрало с двумя прорезями для глаз в которых вообще ничего не было видно.

Существо шло вперёд, держа в одной руке моргенштерн с тремя шипастыми «звёздами» на цепях, звенящих от каждого шага. В другой руке он держал исполинский прямоугольный щит с длинными трёхгранными шипами по контуру и на каждом шипе была отсечённая человеческая кисть.

Он встал спереди строя, опустив оружие к земле и посмотрел на нашу баррикаду. Его глаз не было видно за почерневшим забралом, да и были ли у него вообще, но я чувствовал, что он смотрит на меня.

— Он зовёт меня на поединок. — прошептал я Бернду.

— С ума сошёл?! — взъерошился бывший командир, — Это вообще непонятно что такое! Его мертвяки как куклы слушают, а ты с этим монстром биться вздумал?! Полоумный!

— Значит скоро мы победим.

Я схватился за угол баррикады и ловко перемахнул через него, отпрыгнув далеко от кольев. Не успел ещё приземлиться, как трижды пересчитал все возможные исходы. По меньшей мере пред нами было несколько сотен мертвяков и даже если каждый из моих воинов перебьёт по пять тварей, то нас просто захлестнёт волною тел и это если не считать возможных манёвров мертвецов, но, а если верить знаниям Варда и Фабриса, то смерть некроманта погубит всё воинство. Впрочем, таким дуракам как я очень часто везёт.

Мягко приземлившись на полусогнутые ноги, я вытянул из ножен свою саблю и медленно пошёл к странному воину. Одержатъ победу в схватке над таким существом будет многократно сложнее, чем над другим существом. Оно двигалось легко, непринуждённо передвигая конечностями, не скованными странным проклятием как у тварей за его спиной.

Оно безмолвно стояло, чего-то дожидаясь. Вполне возможно, что сейчас мне в глаз прилетит стрела и весь пафос моего поступка пойдёт насмарку. Хотя, это будет достаточно славной смертью, которую не запишут в истории.

Оказавшись на расстоянии полутора прыжков, я остановился и встал в стойку, поднося щит к глазам. Существо тоже подняло свой кровавый щит и наконец издаваемый им свист в ушах прекратился. Похоже, что вновь моё предположение оказалось верным и существо вправду ожидало схватки.

Начинать поединок было страшно, но стоять бесконечно было нельзя и я сделал шаг вперёд и сразу же влево, целя ударом в руку неизвестного воина, удерживающую щит. Без каких-либо проблем он легко двинул им и мой клинок со звоном отскочил от железной окантовки. Словно молния существо ответило ударом. «Звёзды» моргенштерна молниеносно полетели мне в голову и наверняка размозжили бы мозг, если бы я не поднырнул головой вперёд, спасаясь от смерти, одновременно с тем пытаюсь достать саблей бок существа. Клинок удачно попал в прорезь в кольчуге существа. Впрочем, без особого урона для противника.

Только я моргнул, как оказался на ногах, закрываясь щитом от нового удара. Оно било и било по мне, словно танк наседая вперёд, не чувствуя усталости и не делая ни одного лишнего движения. «Звёзды» расплывались перед взором и только жуткое желание жить позволяло мне вовремя закрываться щитом от постоянно летящий ударов. Мне же приходилось делать много лишних движений, уклоняясь. Мозг, не справляющийся с анализом атак существа, просто отключился, оставляя инстинктам и рефлексам верховодить над телом.

Нужно было что-то делать и действовать срочно. Даже если я не ошибусь и не пропущу ни единого удара, то мой щит просто расколется от ударов, каждый из которых выбивал облако щепы из него. Эти удары фактически вбивали меня в землю из-за чего приходилось сжиматься, всё сильнее приныкая к земле.

Я неожиданно распрявился, выстреливая как пружина. Край щита врезался в подбородок существа и от сильного попадания оно отступило назад, раскрывая небольшое

временное окошко для контратаки. Крутанув кистью, достал существо в бедро. Клинок вошёл хорошо, и рана оказалась глубокой. Нанеся удар, я сразу шагнул назад, остерегаясь ответной атаки. Из ноги странного воина бурно потекла тёмно-зелёная жидкость, быстро заливающая всю ногу конечность. Вот только ранение никак не причинило ему вреда. Оно двигалось всё также быстро, совершенно не обращая внимание на практически располовиненную ногу. Он размахивал своими «звёздами», продолжая попытки дорваться до моей плоти. В один момент шипы всё-таки звонко ударились о кольцо моей кольчуги. Грудь взорвалась болью, и я рухнул на колени, тут же переворачиваясь в сторону. Существо вновь стремительно ударило мне в голову, но я резанул по его открытой ноге, целясь напрямик в ахиллесово сухожилие. Чем бы не было это существо, но мышцы у него определённы были. Сухожилие с оглушительным треском разорвалось, и оно с грохотом упало на спину, выронив оружие, улетевшее далеко в снег.

Я быстро поднялся на ноги, поражённо наблюдая за тем, как существо встаёт в полный рост. Он встал на полуразрубленную ногу, а затем и полностью поднялся. Он не стал идти за своим моргенштерном, а вытянул из ножен на поясе меч. Этот меч был похож на мой, но выглядел куда как толще и тяжелее. Как только свет попал на клинок, то тут же отразился множеством различных неизвестных мне рун, витиеватым рисунком, нанесённым на сталь.

Я шагнул вперёд, целя в незащищённую шею существа. Оно старалось отойти в сторону, закрываясь щитом, но на этот раз двигалось куда медленнее. Похоже, что раны всё-таки наносили ему вред, а значит это странное существо можно убить. Клинок практически достиг шеи существа, но тот ловко ударил щитом, отбивая саблю выше и рубанул в ответ. Стальные пластины на моей груди сдержали удар, промявшись под вложенной в него мощью. От удара он по инерции наклонился вперёд, стараясь удержать летящее оружие.

Приложив всю силу, я ударил сверху ногой по клинку врага, прижимая его в притоптанный нами снег. Это был момент и им глупо было бы не воспользоваться. Сабля была создана далеко не для уколов, но я ударил, целясь прямо в широкую глазную щель в забрале. Время в моём сознании вновь замедлилось, и я посмотрел в эти щели, обращённые ко мне. Но они были пусты. За забралом на меня смотрела иссини чёрная тьма, не способная пропустить даже малейшую частичку света. Мой клинок всё же удачно попал в эту щель, и я уже было предвидел его смерть, но клинок лишь звонко ударился о тыльную часть шлема.

Существо попыталось ударить меня шипами своего щита, но я вовремя отскочил. Свист вновь поднялся в моей голове, а существо зашаталось и бешено затрясло головой из стороны в сторону, но сабля оставалась в его глазнице, будто удерживаемая только какой-то неизвестной человеку силой. Оружия у меня не было и теперь я был будто голым. К тому же, свист в моей голове всё больше нарастал.

— Вадим! Лови! — пробился басовитый крик сквозь шум в голове.

Я повернулся и увидел упавшую рядом со мной секиру. Это был единственный шанс закончить битву. Обеими руками схватившись за плотно обвитую кожаными полосками рукоять, я замахнулся и с разворота ударил прямо в голову существа. Тяжёлый топор со страшной силой врезался в голову безглазого воина. Шлем под обрушившейся на него мощью со скрежетом промялся внутрь, а в моём сознании раздался столь страшный вопль, да такой, что мозг стал разрываться на миллионы мелких частичек. Я рухнул на снег, стараясь зарыться столь глубоко, чтобы не слышать ничего, но вопль неожиданно резко оборвался, оставив только звон в ушах.

Я тяжело поднялся на колени, пользуясь рукоятью топора как опорой. Оглядевшись, я

увидел, как остальные наёмники тоже с трудом поднимаются, а противоположные остатки деревни остались усеяны лежащими телами даже без намёка на хоть какую-то жизнь.

— Ты его убил...

Я услышал, а точнее увидел на губах Варда эту фразу, которую никак было нельзя расслышать на таком расстоянии. Взявшись за топор, я медленно подошёл к тому месту, где должно было лежать тело вставшего супротив меня существа, но там никого не было. Валялась лишь окровавленная одежда и избитые временем доспехи вместе с оружием. Больше там никого не было. Я наклонился к земле и подобрал лежащий там клинок. На свету он продолжал всё также блестеть замысловатым рисунком из рун, светящихся ныне кроваво-красным цветом.

Подобрав лежащие в снегу потемневшие ножны, я обтёр их снегом и закрепил вместо своих старых на поясе. Со своим новым мечом я подошёл к одному из лежащих тел и несколько раз ткнул его остриём меча.

— Пробейте всем остальным черепа. Мы победили!

Бойцы, только-только отошедшие от столь неожиданного финала битвы, радостно взревели. Я улыбался, надеясь на то, что эта странная битва по итогу завершилась.

Несколько часов мы пробыли там. Закопать все те сотни тел, что теперь лежали пред нами, физически не представлялось возможным, а потому нам оставалось только сжечь их и сложенные нами костры наверняка виднелись из столицы Аделара. Отправляться в дорогу ночью было нельзя, а потому мы остались на месте в разрушенной деревне, пропитываясь запахи сожжённого гнилого мяса, источаемого несколькими нашими огромными кострами.

Обратно к Аделару мы вернулись через день и это надо было видеть. По началу старый граф в гневной манере встретил нас, начав осыпать проклятиями ещё с того момента, как наши фигуры стали виднеться на горизонте. Даже когда он услышал от Варда слова того, что таинственный некромант был убит моей рукой, то он не поверил ему, но три десятка лужённых глоток его воинов, посланных с нами в поход, подтвердили всё до мельчайших деталей. Тогда Аделар переменялся в лице и приказал своим слугам подготовить пир. Да, запасы зимой у разрушенного графства были небольшими, но праздник по случаю неожиданной победы должен был состояться, ведь это было делом дворянской чести.

Пир был назначен на следующий день и за два часа до его начала я вышел за стены города, где Вард тренировал своих воинов в конных манёврах. Завидев одинокого меня, он скомандовал отдых и сам подскочил ко мне.

— Я так и не выразил вам своё почтение, сир Вадим. Вы убили грозного соперника, что был злом для нашего королевства, а может и всего рода людского. — он положил руку на грудь и немного склонил голову.

— Я не сир, Вард. Я наёмник. Но если вы хотите выразить мне своё почтение, то просто помогите мне.

— В чём? — монах сгустил надбровные дуги.

— Видите ли, Вард. — начал я, — Аделар из рода Ландсьеров и я немного повздорил с Элиосом Ландсьером.

— Маршалом герцога Кловиса. — подметил лысый монах.

— Да. Я хоть и не позволил герцогу проиграть битву при Двух Холмах, вот только остальной знати выскочка-пехотинец был не очень по нраву.

— Вы подозреваете, что граф захочет вам отомстить сегодня? Прямоком в своём доме?

— В королевстве сейчас война, а на войне все средства хороши.

— Вы говорите в духе наёмников, но у вас правильный рассуждения.

— В общем, я уже предупредил своих людей, но нас гораздо меньше и стены нам не родные. Прошу вас поддержать меня и моих людей.

— Уйдите из замка сейчас и без битвы можно обойтись. Тем более, что вашу награду я уже передал Бернду.

— Мои люди устали и им нужен отдых. У него в три раза больше бойцов и два десятка из них рыцари. Если мы столкнёмся в бою, то нас наверняка размажут. — ответил я, — Так вы поддержите нас в этой битве? Хотя, её может и не случиться.

— Да.

Мы сидели в зале графа Аделара. Он выставил перед нами несколько больших бочек вина, много разных пирогов и даже забил нескольких своих хряков. Мои воины ели и пили вдоволь, а я же сидел на скамье в кольчуге, поверх которой была надета тонкая стёганная куртка. Рядом со мной лежали ножны с новым клинком, а на поясе были ножны со старым ножом, который был снят мною с трупа неизвестного мне командира наёмников или кто они были такие. Новая сабля мне нравилась крайне сильно. Её металл был превосходен, а заточка была такова, что разрезать нить в полёте не казалось чем-то трудным. Рукоять была выполнена из очень интересной породы дерева, почерневшей и будто окаменевшей от времени. Навершие рукояти напоминало какое-то странное животное, вырезанное из белой кости. Баланс оружия был идеален и биться с ним было одним удовольствием. Аделар поднялся со своего места и поднял свой кубок.

— Сегодня радостный день, жители и гости моего славного города! Совместными силами мы смогли одолеть это чудовище, которое могло уничтожить всех людей. Мы стали щитом человечества, к нашим ногам пала сама смерть и Высокие Предки воздадут нам эту награду! Но награды на всех не хватит!

В этот момент воины Ландсьера быстро вскочили со своих мест, вытаскивая из рукавов длинные ножи. Мои воины, не смотря на творящееся празднество, зазря не прозябали и изготовились к схватке, вытягивая свои клинки и поднимая ножи со столов. Я вытянул меч из ножен, приготовившись рубить всех, кто хоть осмелится подойти к кому-то из моих бойцов. Адреналин мгновенно закипел в крови, а руны на клинке сильнее загорелись красным. Рядом зло дышал Сезар с длинным ножом, больше похожим на короткий меч.

— Мои дорогие Ландсьеры! — послышался крик с той стороны, где только что стоял Аделар.

Я повернулся на голос и увидел, что Анселм появился за спиной хозяина города и прямо сейчас держит у его шеи нож. Во второй руке он держал кувшин с вином, к которому постоянно прикладывался. Вино текло по его лицу, но клинок у горла оставался неподвижен, угрожающе надрезав кожу у кадыка.

— Вы постоянно забываете, что ваша жизнь конечна. — улыбнулся Вирт, — Мы спасли этот ваш плешивый город, а вы хотите отомстить нам смертями. Не хорошо! Очень нехорошо!

Кто-то из городских воинов попытался было придвинуться к моим людям, но Анселм сильнее вжал клинок к горлу графа, пустив по коже тонкую струйку крови. Старый граф зарычал, и воины в мгновение ока остановились.

— Прикажи своим воинам опустить оружие, а иначе этот мир потеряет ещё одного Ландсьера. Впрочем, можешь не подчиняться и я с удовольствием сделаю это. — оскалился Вирт.

Ладнсьер мелко кивнул, опасаясь смерти и воины его мгновенно бросили оружие, звякнувшее о каменный пол. Мои люди сразу же выставили их в несколько колон, поставив на колени.

— Что будем делать дальше? — спросил у меня стоящий рядом Бернд.

— Берём этого хряка в заложники и уезжаем до границ. Скинем его в какую ни будь канаву и свалим. Дорога в это графство для нас закрыта. Сюда я теперь вернусь только с армией.

Вард и его люди остались охранять пленных воинов, повязав их с помощью простыней и плащей. Вирт, одной рукой держа у шеи клинок, а второй сжимая редкие седые волосы графа, медленно повёл его по замковым коридорам. Остальные воины быстро собрали свои вещи, оседлали коней и меньше, чем через час мы покинули графскую столицу, держа её властителя за самое горло.

В последний раз я взглянул на городские стены, надеясь на то, что Вард и его люди смогут выбраться из города и вернуться в свой монастырь с тем шлемом, что остался от некроманта, как доказательство победы над безмолвным колдуном.

Вот только всю дорогу обратно меня не покидали мысли о том, что всё гораздо сложнее для понимания, нежели кажется. Да, в древних мифах любят приукрашивать сложность победы над врагом, превышая силу супостата в десятки, если не сотни раз, но даже так та лёгкость, с которой пал некромант была странной, если не сказать фальшивой. Могла ли это быть своеобразной разведкой боем, чтобы оценить силы местных властителей? Может. Может ли это быть моей паранойей? Может. Однако озадаченное лицо Варда меня серьёзно беспокоило и точно стоит быть начеку. Чую, ещё придётся услышать о этом вожде мертвецов.

Глава 15. Кабанья армия

В столицу мы вернулись богатыми людьми. Аделар был связан и выброшен в канаву, а все его украшения были предварительно сняты, войдя в казну отряда. Его судьба меня беспокоила не больше, чем любого из навозных жуков, роящихся рядом с конюшней. Да, такие люди могут быть очень опасными, но ещё один враг для наёмника — это не так уж и много, хотя стоит быть куда как осторожнее.

Единственное, что меня настораживало, так это тот факт, что Элиос Ландсьер жил где-то неподалёку, а маршал Красного Рыцаря не может не обладать большой силой и влиянием. Однако в Орлаёне было слишком много выгодных контрактов и упускать эту возможность было невозможно.

Слухи о наших подвигах в городе появились куда как раньше. Ещё на подъездах к герцогской столице мы слышали, как люди шушукуются и часто показывают на мой новый меч, лежащий в ножнах на кожаном поясе. Кто-то говорил о том, что я сразил колдуна одним ударом, другие говорили о том, что я сам есть порождение магии, а третьи, кто были самыми безумными, то заявляли о том, что в меня вселился дух кого-то из Высоких Предков, чтобы прогнать с земель человеческих эту проклятую тварь. Эти последние слухи особенно мне не нравились. Такие разговоры ненароком навлекут на меня внимание одного из монастырей, а дальше слухи пойдут всё выше и выше, и там уже недалеко до вражеских отношений с Тацием. Даже знакомство с Вардом и мои подвиги в графстве Аделара, вряд ли спасут при таком развитии событий.

Помимо слухов нас встретили ещё и радостные вести от Мадира. Те несколько недель, что мы отсутствовали в городе, южный изобретатель не сидел сложа руки, продолжая вести исследования на те деньги, которые я ему оставил и эти средства ушли далеко не в воздух. Ему очень понравилась идея кремневого замка для пистолей, и он с радостью воплотил эту «золотую» мысль в жизнь, показав мне полноценный пистоль с вырезанной и хорошо обработанной рукоятью. Такое оружие можно было держать в заряженном состоянии и уткнуть куда ни будь за пояс, после чего мгновенно достать и выстрелить в супостата. Калибр такого орудия был куда как меньше, чем у аркебуз и далеко не факт, что выстрелом сможет пробить крепкие кирасы дворян, но всё равно подарок был хорошим и я сразу направился его испытать.

Выйдя во двор, я быстро зарядил пистоль по тому же принципу, что делал раньше с аркебузами и навёл его на ту же потрёпанную кирасу, где виднелась огромная дыра от попадания из аркебузы. Нажал на тяжело идущий спуск и пистолет выстрелил, выпустив сноп искр от удара по кремню. Пуля ударила в кирасу, оставив на ней огромную выбоину, расплющившись о металл панциря, со свистом отскочила в сторону, вонзившись в одну из деревянных балок таверны. Ей едва не хватило энергии, чтобы убить потенциального вражину.

— Это хорошее оружие, но не для армии воинов. Сколько ты сможешь сделать тех аркебуз за месяц и сколько на это нужно золота?

— Пхять. Можжет шесть. Двух орудия стоят по одхной золотхой монете.

Названные цифры меня озадачили. Золото не было проблемой, ведь мы не просто так сидели здесь, а постоянно отправлялись из похода в поход, но вот количество аркебуз, которые Мадир может произвести в один месяц были слишком удручающи. Да, под его

руководством было всего несколько нанятых подмастерьев, а ещё не было полноценной кузни, но даже так было грустновато. При таких силах добиться большей эффективности производства было практически невозможно, да и не сказать, чтобы крайне нужно. Пока что у меня нет тех сил, чтобы вооружать множество людей столь мощным, но медленным оружием. Однако это «пока что». Скоро у меня может стать гораздо больше людей, и такая армия будет нуждаться в большем количестве аркебуз.

— Напиши сколько тебе нужно золота, людей и инструментов, чтобы увеличить производство хотя бы до десяти орудий. Распиши всё очень и очень подробно. До каждого медяка. — приказал ему, возвращая обратно пистолет.

Мадир помотал головой, — Это подарок. Все записки и всё нужное для пистолета будут у вас до вечера.

Я пожал руку южного изобретателя и отправился в свою комнату. Наша казна изрядно пополнилась и это может дать нам старт, чтобы реформироваться до настоящей армии. Для этого нам необходимо было провести великое множество изменений. Помимо того, что было нужно набрать ещё множество бойцов, их необходимо также снарядить и обучить. Обучить даже не бою, сколько подчинению и слаженной работе. Раньше я недооценивал пехотный марш, а теперь был уверен в его необходимости, ведь пешая армия двигаться быстро не может, да и дисциплина была просто незаменима. Я не смогу бесконечно наращивать свой авторитет, так что крайне важно навязать бойцам понятие воинского офицера, которому они будут подчиняться беспрекословно. Это будет сложно, но очень нужно. Опять же, касаясь численности отряда, нужна не только пехота, непосредственно участвующая в столкновении, но нужны были ещё стрелки, так как ставка на медленных аркебузирова точно выйдет мне боком при очередной схватке, так что набрать хотя бы четыре десятка лучников или арбалетчиков будет хорошим решением. Они смогут организовать нам дальнюю руку в битве, пока пехота будет сминать врага стальной лавиной.

А как же конница? Сейчас у меня была только простая пехота, не способная быстро передвигаться на дальние расстояния, а также эффективно вести разведку. Да, по полезной привычке я всегда отправлял авангард вперёд. Пусть он и передвигается не на четырёх лошадиных, а на двух человеческих ногах, но они смогут предупредить нас о наступающей опасности хотя бы за четверть часа, а это уже всяко лучше, чем быть неожиданно атакованным. Однако кони будут необходимы, хоть и не совсем в том рыцарском амплуа, который используется всеми военачальниками Ларингии и окружающих её королевств. Мне больше прельщала концепция рейтар, но, поскольку, произвести в нужном количестве кремневые пистолы в короткий срок мне не удастся, то придётся адаптироваться и выдумывать что-то иное. Конные лучники? Хороший вариант, но получится ли мне набрать и поддерживать в должном количестве такой отряд в стране, где практика стрельбы из лука не распространена? Сильно сомневаюсь. Однако тяжёлая латная кавалерия слишком дорога, а средняя не будет столь эффективна, чтобы сражаться в ближнем бою с теми людьми, кто обучались этому годами и даже десятилетиями. Ну... Страдиоты! Раз мне не по карману содержать в отряде пару десятков тяжёлых кавалеристов, то можно содержать лёгких. Всё же, страдиоты в своё время смогли опрокинуть французских рыцарей в Итальянских воинах, а значит и у меня получится найти им применение. Их снаряжение, хоть и легче на порядок, но даже так они смогут внести сумятицу в пехоту врага, рассеивать стрелков в тылу противника, осуществлять разведку, да и поучаствовать в перестрелке возможность также была. Особенно, учитывая тот факт, что в Ларингии уже начался процесс малоземелья

дворянских родов, то в королевстве наверняка найдётся немалое количество мелкопоместных юношей с горячей кровью, которые либо имели слишком малые надель, которые либо были не способны их прокормить, либо вовсе не имели хоть какой-то земли. Значит есть шансы найти обученную «голубую кровь», которая за определённую плату готова сесть в седло и сражаться за меня, пока я им плачу.

— Рубен! — подозвал я сокольничего, который затесался моим личным секретарём.

Парень моментально оказался в комнате, и я указал ему на стул, который стоял напротив моего стола. Он прилежно сел, придерживая ножны со своим коротким мечом, которым за последнее время научился биться гораздо лучше, чем всего несколько месяцев назад.

— Слушаю вас, господин-командир! — громко отчитался паренёк.

— Ты же из какого-то мелкого дворянского рода? Я правильно помню?

— Да. — кивнул сокольничий, — Я из рода Тарантов. У моего рода славная ист...

— Сейчас не об этом, Рубен. — отсёк его рассказ в зародыше я, — У твоего отца мало земли и тебе, как младшему сыну её просто не сможет достаться? Много ещё таких же как ты безземельных наследников?

— Я лично знаю многих из них. — подтвердил кудрявый.

— Тогда ты отправишься с Анселмом Виртом и приведёте мне два десятка молодых дворян. Если при них будут доспехи, оружие и кони, то мы возместим их стоимость, а остальным всё предоставим из собственных закров. Каждый из них будет получать по двадцать серебряных монет за месяц службы, не считая доли от добычи, которая причитается всем воинам. Думаю, наша слава будет достаточным вам подспорьем в этом деле.

Рубен счастливо закивал и с готовностью встал. Парень был воистину счастлив от понимания того, что ему наконец отдали важный приказ. Он очень любил быть полезным и это мне в нём нравилось. При его усидчивости, усердности и исполнительности он сможет стать сильным бойцом, а то и полноценным офицером.

Продублировав приказ Вирту, я отправился к Бернду, который занимался тем, что пересчитывал все те наши многочисленные трофеи, которые остались после столкновения с мертвецами и бойцами Аделара. Их было настолько много, что при нашем отходе из владений Аделара пришлось ввести в обоз ещё несколько телег, которые были снизу доверху набиты мечами, копьями, перначами, щитами, шлемами, доспехами. Конечно, многие из-за внешней непрезентабельности или плохого качества были оставлены на полях сражений, но очень и очень много всё же отправилось с нами в Орлаён. Всё-таки, в армии того странного некроманта были не только простые крестьяне, но и множество воинов, ополченцев и даже наёмников... Бывших наёмников... Такие богатые трофеи предоставили Бернду много часов незабываемых пересчётов всего того добра, которое мы привезли с собой.

— Здравствуй Бернд. Много насчитал?

— Лучше не спрашивай меня. Вот когда увидишь золотые монеты в нашей казне, вот тогда и всё поймёшь. Но ты же не только за этим пришёл? — Бернд оторвал взгляд от талмуда, куда пером вписывал строку за строкой.

— Да. Вскоре наша армия увеличится как минимум до полутора сотен воинов при двух десятках кавалеристов и тридцати стрелках. Скоро нам нужно будет намного больше провианта. Надеюсь, что у тебя налажены связи с местными маркитантами?

— Обижает, Вадим. — ухмыльнулся бывший командир, — Всего сто пятьдесят

человек? Я думал твои амбиции гораздо выше.

— С амбициями у меня всё в порядке, но вот только казна отряда меня ограничивает. Достаточно скоро наступит тепло и нам к тому времени надо быть готовым к крупным контрактам. Кловис навряд-ли захочет ждать лета. Его армия большая и подготовленная, но даже так ему не помешает наша ватага.

— Армия? И как ты хочешь назвать нас? «Кабанья армия»?

Я натурально задумался. Конечно, можно не менять название, ведь оно уже достаточно давно прижилось, а потому сыграет нам на руку. К тому же, в истории именно моего мира существовали по-настоящему крупные наёмничьи контингенты, которые продолжали именоваться «отрядом». Например, Джон Хоквуд имевший под своими знамёнами больше тысячи наёмников. Более чем серьёзная армия, но всё время именовалось белым «Отрядом». Однако «Кабанья армия» звучала очень даже неплохо и вполне возможно, что скоро мы станем именно таким подразделением.

В последующие два месяца к нам пришло много людей. Большинство из них уже не были бывшими крестьянами, бедняками и ремесленниками. Немалая часть новоиспечённых рекрутов происходила из городских стражников, командиров ополченцев, да и из других отрядов пришло прилично людей. Часть, в ходе компаний Кловиса и его феодалов, потерпели поражение и им приходилось искать себе новых боевых товарищей и нанимателя со звонкой монетой. Моё прославленное имя привлекало многих, обеспечивая прилив новобранцев, чему я не мог не радоваться. Но держать всех новичков одновременно в нашем пристанище я не мог себе позволить, ведь отрядная казна обладала свойством заканчиваться.

Потому было решено использовать иной метод распределения воинов. Шестая часть моих воинов из тех, что уже успели поучаствовать в битвах, были отправлены на выполнение многочисленных контрактов, не требующих большого числа солдат для своего выполнения, наработывая отряду не только славу, но и нужные для этого деньги. Остальные под моим чутким руководством активно обучались и проходили, так сказать, «боевое слаживание». Обучить чему-то вменяемому ни разу не державших до этого алебарду в руках людей было сложно, но в плотном строю даже такие мало обученные, но дисциплинированные войска имеют большую ценность.

Что же касается снаряжения и обеспечения воинов, то Бернд проявил себя здесь наилучшим образом. Его воистину великие навыки красноречия позволили обеспечить самых опытных воинов панцирями и крепкими шлемами, чтобы те чувствовали себя в бою как можно увереннее. Тем более, что у нас не было больших производственных мощностей, да и в принципе их просто не было, а потому принцип улучшения не только денежного довольствия, но снаряжения как никогда хорошо себя оправдывал.

Идея страдиотов оказалась на редкость хорошей. Анселм и Рубен смогли отыскать два десятка молодых дворян, которым мало что светило в этом феодальном обществе без достаточно большого клочка земли. Многие из таких молодых дворян уже подались в различные наёмничьи отряды, но в качестве командиров пехоты. У меня же, учитывая тот факт, что для моей кавалерии не нужны дорогие кони и доспехи, они могли оставаться в седле, а человек на коне в западном обществе оставались гораздо выше на социальных ступенях, нежели простые пехотинцы. Тем более, что они, не смотря на «голубизну» собственной крови, слушались отданным им приказам и отлично бились в не самом плотном конном строю. Впрочем, отправлять их в жаркую схватку с тяжёлыми рыцарями Ларингии я не собирался, хоть поля Итальянских Войн отлично продемонстрировали возможность

победы лёгкой кавалерии над своими тяжёлыми собратьями.

На исходе третьего месяца нашего сидения на одном месте, когда снег начал сходить с земель Ларингии, то в таверну прибыл посыльный одного из вассалов герцога Кловиса с срочным письмом для меня. В нём содержалась сердечная просьба как можно скорее прибыть в его замок и поступить к нему же на временную службу за очень приличные деньги. В его предложении фигурировала цифра в полторы сотни золотых монет за одну неделю службы. Итого выходило, что за месяц работы мы должны будем получить больше шестисот золотых лоринов. Это было в три с половиной раза больше, чем я тратил за аналогичный месяц на содержание своих наёмников, не учитывая пропитания, пополнения амуниции, починки снаряжения, развлечений и проживания для солдат. По моим примерным прикидкам выходило, что в казну чистой прибылью уйдёт чуть больше трёхсот золотых монет. К тому же, феодал заявлял о том, что отряд сможет претендовать на половину трофеев от стычек, которые произойдут за время контракта.

Предложение было как нельзя выгодным и отказываться от него было бы преступлением, но именно это меня и беспокоило. Я до сих пор не получил ответной реакции ни от одного из Ландсьеров. Возможно, что я переоценил сплочённость их рода и никаких угроз в мою сторону так и не поступит, но это больше пугало куда как больше. Гораздо легче стоять супротив врага, видя его глаза, чем участвовать в подковёрной теневой войне. Пришлось натурально допрашивать Анселма и Рубена на момент того, как стоит относиться к посланному предложению и его автору. Звали этого отправителя Бернард Тарнат. Вирт какое-то время молча анализировал, а затем сердечно меня заверил в том, что род Тарнат не связан с Ландсьерами никаким образом даже через десятое колено. Это радовало меня, и рука сама потянулась к пергаменту, где и был написан ответ Тарнату. В нём я указал, что моё маленькое воинство выступит к заданному замку через неделю и под управление феодала поступит полторы сотни мечей.

Счастливым молодой гонец, получив письмо, сунул мне тканый кошель с пятьюдесятью золотыми монетами внутри и быстро ускакал. Я же отправился в Колёсный закоулок, чтобы местные мастера как можно быстрее управились с моим заказом, рабочее название которого было простым, но крайне ёмким: «Телега на прокачку».

Глава 16. Золотой скол

Из Орлаёна мы выступили, как и было обещано — ровно через семь дней с самым восходом солнца. На этот раз мы двигались намного быстрее, даже не смотря на значительно возросшую численность, сильно удлинившийся обоз и дорогу, которая нынче была больше похожа на сплошное месиво из грязи и не до конца растаявшего снега. Причиной столь спорному движению была возросшая дисциплина среди рядового состава наёмников и обучение их правильному маршу. В качестве барабанщика, задающего тон всему отряду, выступил Рубен, который принял свою роль с большим удовольствием, выбивая ритм без запинки.

Я же ехал на своём коне впереди основной части войска, практически полностью погружённый в раздумья. Волновало меня две вещи: некромант и Ландсьеры. Казалось бы, зачем думать о некроманте, который уже повержен, а трофей с его тела сейчас на моём поясе? Меня смущала та лёгкость, с которой этот самый некромант пал. Ну зачем ему было вступать в прямое столкновение один на один, если за его спиной было огромное, хоть и тупое войско, способное просто закидать нас шапками? Просто, воспитанный на книгах и фильмах, я привык к тому, что некроманты — это сильные противники, способные в одиночку стать мировым катаклизмом, а тут даже потери отряда нельзя было назвать тяжёлыми. Казалось, что даже Вард был озадачен исходом противостояния, так что здесь явно не всё так просто, как показалось мне попервой.

Тем не менее, этот некромант или чем бы то не это было существо мёртв, а вот Ландсьеры живее всех живых и я не слышал, чтобы кто-то из их семейства лишился хотя бы одной своей должности за последние года. Будут ли терпеть дворяне такую несправедливость по отношению к себе, если оскорбил их грязный простолюдин? Очень сильно сомневаюсь. Особенно, учитывая тот факт, что дворяне устраивали массовую резню и по меньшим оскорблениям со стороны обычных людей. Плен же был высочайшей формой издевательства.

Я вытянул свою саблю из ножен, продолжая удерживать лошадиные поводья одной рукой. Отполированный клинок блестел в лучах посеревшего весеннего солнца. Рукоять, схватить которую можно было как одной рукой, так и двумя руками, всё также оставалась чёрной, хотя я и проводил часы, пытаясь ей вернуть первоначальный вид всеми известными мне средствами. К сожалению или к счастью, я ещё не успел воспользоваться этим клинком и не понимал до конца насколько им удобно биться, но был в предвкушении.

Я подозвал к себе Рубена, который споро подскочил ко мне, продолжая, впрочем, отбивать нужный ритм.

— Сколько нам до крепости этого графа? Мы уже два дня как в дороге.

Парень посмотрел на тянущуюся ленточку дороги и на несколько мгновений задумался. Этот парень, хоть и обучался на сокольничего, но был немерено любознательным, а потому изучил множество карт и вполне мог рассчитать сколько ещё осталось пути.

— Два дня, госпо... — он замялся, — командир. Если будем делать перерывы больше, то можем успеть за полтора.

— Это не к чему. Мы ещё не подписали контракт, так что спешить нам не к чему. — я слегка ударил пятками по бокам животного, сильно замедлившегося.

— Командир, как вы думаете, против кого нас пошлют? Мы ещё не бились с

настоящими дворянскими армиями.

— Мы убили некроманта, а уж долбанного рыцаря и подавно прибьём.

Мы двигались по полностью лысому лесу. Деревья стояли достаточно плотно, а потому мы чувствовали себя довольно спокойно. Спереди авангард, сзади арьергард, а по бокам нас не обойдёт даже редкая пехота — красота.

Правда вскоре нам надо будет сделать привал. Если всадникам ещё относительно легко, ведь кони могут идти достаточно долго, то пехоте приходилось сильно тяжелее, поскольку им нужно передвигаться по грязной дороге на своих двоих. Благо, как только закончится лес, то через пару километров мы встретим речку, где получится нормально наполнить свои запасы воды, а может и порыбачить. Даже немного рыбы разбавит всю ту нехитрую провизию, которую нам удалось купить в начале весны, когда старые запасы близки к исходу, а высаживать новые ещё было рано.

Наконец мы выбрались из леса и пред отрядом раскрылись нераспаханные ещё поля, изредка перемежавшиеся небольшими холмами. Осталось всего пару километров до того, как у нас получится разбить лагерь и немного передохнуть. Мой желудок уже достаточно грозно ворчал, требуя пищи, но притрагиваться к седельной сумке с несколькими кусками засушенной говядины не смел, ведь лучше всегда с собой держать хотя бы хоть какой-то неприкосновенный запас. Вполне может случиться так, что не получится развернуть полевую кухню и тогда бойцам придётся довольствоваться тем, что находится в их сумках. Именно потому свой сухой неприкосновенный запас имеет каждый боец моего отряда в независимости от того, на скольких ногах он сейчас передвигается.

Через половину часа мы достигли реки. Она была не сильно широкой, но достаточно глубокой, чтобы её нельзя было пересечь вброд даже на лошади. Русло реки изгибалось, прижимаясь к дороге, до которой от воды было всего двести шагов.

— Привал!

Мою команду повторил трубач, дунувший что есть мочи. Звук громом прокатился по полям. Несколько секунд ничего не было слышно, и я уже было потирал ладони предвкушая скорый ужин, но раздалось ещё несколько трубных гудений. Это был Арьергард, который должен был проскакать ещё несколько километров вперёд для разведки, а потом только вернуться на место стоянки. Сигналов было три, а значит, что к нам приближается кавалерия.

— Нас атакуют! — крикнул я что есть силы, — Телеги в круг!

Мой приказ громогласно раздался над полем и приготовившиеся к отдыху люди стали быстро строиться. Мой приказ быстро разрушил все их планы, и бойцы тут же приступили к исполнению. Команду «Телеги в круг» мы успели отрететировать всего один раз, ведь времени перед походом было мало, но нескольких километров, что разделяли нас и атакующих, должно было для этого хватить.

Бойцы стали спешно формировать круг из телег, сцепляя их между друг другом цепями и толстыми верёвками, загоняя внутрь лошадей. С внутренней стороны были приделаны железные петли, куда сразу же стали вставляться толстые дощатые щиты с проделанными в них бойницами. Меж телегами всё же оставались немногочисленные промежутки, но и они закрывались заранее приготовленными деревянными планками.

Телеги, многие из которых были закрытыми, образовали этакое подобие достаточно мобильной крепости, которая сейчас встала, уткнувшись одной частью к берегу реки, оставив небольшое пространство для того, чтобы смогли въехать вернувшиеся бойцы

авангарда. Такое укрепление было старо как мир, но в моём времени было позабыто на тысячелетие. Однако даже так эффективности своей не потеряло. В преддверии столкновения с рыцарями я и подготовил эти возы, чтобы удивить местных дворян.

Я запихал бойцов по телегам, а сам взял гаковницу, которая сейчас наконец могла найти для себя применение. Закрепив крюк за стенку одной из телег в направлении дороги, я принялся ждать, держа в руке тлеющий фитиль.

Несколько минут ничего не происходило, но на горизонте ожидаемо показался десяток моих конников, во весь опор скачущих к крепости. Они быстро достигли нашего «гуляй-города» и контур возов наконец закрылся.

Ещё через пару минут томительного ожидания показались другие кавалеристы, которых было гораздо больше. Намного больше, чем я мог себе представить. Они быстро покрыли всю линию горизонта своими стальными телами, громыхая сбруей, доспехами и оружием. Эта боевая музыка наверняка бы напугала любую пехоту в голом поле, но были за стенами вагенбурга и готовы дать отпор.

Они, до того быстро приближающиеся на всей скорости, убавили шаг примерно в двух сотнях метров от нас. Похоже, что появившаяся из ниоткуда крепость их малость озадачила и командир не знал, как поступить.

Сумятица была нам на руку, и я приблизил фитиль к запалу, наведя ствол в сторону конников. Несколько мгновений и гаковница выстрелила. Под мощью выстрела борт телеги трянуло, уши заложило, а воздух закрыла плотная белёсая завеса. Тяжёлая пуля, отправленная в полёт неукротимой энергией пороха, ударила в закованных в сталь воинов, навывлет пробив сразу двух всадников, стоявших друг за другом. Ускорившийся ветер быстро отогнал дым в сторону, и я увидел, как среди кавалеристов, выстроившихся в две шеренги, появилась небольшая брешь. Я радостно хлопнул в ладони, после чего убрал первую гаковницу, зацепил вторую и повторил операцию. Результат оказался точно таким же кровавым и смертоносным.

Потерять четырёх знатных человек из-за каких-то грохочащих палок на такой дистанции было, мягко говоря, удивительно и не менее болезненно. По самым скромным подсчётам против нас вышло не менее трёх сотен человек, каждый из которых был на коне и при тяжёлом латном доспехе. Большое воинство за немалые деньги. Да что там немалые, просто огромные!

Я пригляделся к знамёнам. На ветру развевались скрещенные бело-золотые копыя. Под такими знамёнами ходили Ландсьеры. Когда-когда, но сейчас встречаться с ними мне вообще не хотелось.

— Вот и что им надо? — спросил я себя вслух.

— Может они не хотели битвы? Может можно было договориться? — спросил сидящий рядом со мной Рубен, держащий в руках заряженную аркебузу.

— Да-да и под звон булатной стали хотели вести светские разговоры с нашими разведчиками, напаявая их чаем с круассанами? — ухмыльнулся я, старательно прочищая ершом на длинной рукояти ствол гаковницы.

— Какие разговоры?

Мальчик откровенно не понимал моей фразы, но тут его размышления прервал боевой клич, раздавшийся гад разделяющим нас полем. «Кровь на золоте!» — кричали всадники, бросаясь в атаку на нашу позицию. Они стремительно скакали вперёд, направив в нашу сторону свои длинные раскрашенные копыя. Я вобрал воздух в лёгкие, прижимая приклад

аркебузы к плечу, вставив ствол в бойницу.

— Стреляй!

Я закричал так громко, что горло моментально прорезало болью. Ощущение было такое, будто внутри его провели наждаком, но крик этот потонул в одновременном залпе нескольких десятков аркебуз. Свинцовые пули отправились в сторону кавалерии, плотно идущей с обнажённым оружием. Многие бойцы обращались с аркебузами достаточно посредственно, но, чтобы нажать на спуск и отправить пулю в полёт по плотной толпе, больших навыков не было нужно.

Пули внесли большой урон, хоть многие из них и отскакивали от особо толстых панцирей кавалеристов. Несколько всадников и коней упали на землю, а затем были затоптаны следующими за ними конниками. Стальная лавина всё шла и шла, хоть в неё полетели ещё и арбалетные болты и даже у меня возник страх того, что у этих телег не получится сдержать яростный напор конников. Я судорожно перезаряжал аркебузу, хотя понимал, что времени для этого у меня просто не осталось.

Рыцари столкнулись со стеной из повозок. Где-то особенно крепкие копьё смогли пробить доски телег, но вагенбург выдержал удар. Я бросил оружие Рубену, а сам схватился за лежащее на полу телеги длинное копьё с шиповидным наконечником. Быстро выпрямившись, я занёс копьё и ударил копошащегося рыцаря прямо в шею, укрытую кольчужной бармицей. Она бы сдержала удар саблей, но узкий наконечник с лёгкостью раздвинул железные кольца и вошёл в горло рыцаря. Остальные воины тоже схватились за алебарды и копьё, колотя замешавшихся дворян, продолжающих остервенело пытаться пробиться за борта наших телег.

— Вадим!

Рубен окрикнул меня и протянул мне заряженную аркебузу. Я рывком вытащил копьё из лица какого-то кавалериста и схватил аркебузу. Прижав её к плечу, направил ствол в сторону головы одного из рыцарей, пытающегося саблей достать кого-то из наёмников. Его взгляд был полон страха. Одно Нажатие на спуск и пуля вдавилась в череп дворянина. Она вжала металл шлема в его голову и вышла прямо из затылка, обрызгавседающих конников мозговой кашей.

Так бы и бились они словно горох об стену, но тут было командовано отступление. Те всадники, что не бились сейчас напрямик у стен вагенбурга, смогли отвернуть коней, подставляя свои спины летящим в след пулям и арбалетным болтам. Те же, кто не сумели отступить вскоре пали, сражённые копьями и алебардами моих воинов.

Как только воины увидели бегущих рыцарей, то мои страдоты в едином порыве хотели отправиться в погоню, но окриком мне удалось их установить.

— Почему?! — непонимающе спросил Вирт.

— Стоит нам только выйти в открытое поле, то нас размажут словно масло по хлебу. Вы ещё успеете попить ландсьерской крови — это я вам обещаю!

Страдоты остановились, а кавалеристы ещё несколько раз ходили в атаку, но каждый их наскок оканчивался всё новыми и новыми потерями с их стороны. Порядка пятнадцати тел лежали перед сцепленными телегами, но и нам кровь они смогли пустить. Мёртвых в наших рядах ещё не было, но двое из моих людей точно не смогут дожить до завтрашнего дня. У одного живот пробило копьё и осталось там. Второй же бился с рыцарем и смог убить его, но напоследок получил глубокую рану плеча. Фабрис и несколько его помощников уже занимались ими, но даже так ещё несколько жизней сегодня покинут этот мир.

Остальные вернулись на свои телеги, готовя себя и оружие к новой атаке кавалеристов, а в том, что она будет можно было не сомневаться. Даже потеряв одну шестую своей армии, они готовы были ещё и ещё раз идти в атаку. При Креси французские рыцари поднимались в атаку двенадцать раз, а ларингийские дворяне явно были не хуже их.

На этот раз, учтя свою прошлую ошибку, они не шли единым плотным строем, а двигались в рассыпную, пытаясь охватить нашу маленькую крепость со всех сторон. Их всё также встретил плотный аркебузный залп, но в этот раз сеча ещё более жестокая сеча развернулась у стен вагенбурга. Мы били копьями и алебардами, а нам отвечали перначами, клевцами и полуторными мечами. Лилась кровь, лопались шлема и головы, падало оружие. Я успел заколоть ещё двоих, получив скользкий удар по шлему мечом, вся энергия от которого ушла в плечо, но и эта атака успеха не возымела. Они пошли в атаку ещё два раза, но исход оставался одним.

В четвёртый раз я отдал приказ контратаковать. Моя пехота, до того оборонявшаяся и несущая значительно меньше потерь, имела большое преимущество перед уставшей и изрядно потрёпанной кавалерией дворян. Бойцы сначала отогнали кавалеристов от своих телег, а затем сами пошли в контратаку. Я приказал им не жалеть лошадей, а потому они просто рубили ноги коням, после чего упавшие на землю кавалеристы либо умирали от кинжалов наёмников, либо сдавались в плен, бросая оружие и снимая шлемы.

Я сам выпрыгнул из своей телеги с саблей в руках, уклоняясь от копья очередного всадника. Перерубив его древко, извернулся, разрубая незащищённую ногу его коня. Животное оглушительно заржало, быстро падая на бок. Я отскочил в бок, целя в защищённое колющей бедро конника. Сталь сабли прорубила железные кольца, впившиеся в его ногу. Он заорал, но крик утонул прикрытый забралом.

Вертясь юлой, я смог добить обоих всадников, и я увидел, что уцелевшие в битве теперь не то что организовано отступают, а натурально бегут. Рубен кинул мне аркебузу, и я успел выстрелить вдаль, но пуля лишь просвистела в стороне, не причинив бегущему даже малейшего вреда. Страдиоты оседлали своих коней и пустились в погоню, а я вернулся за стены своей «крепости», подсчитывая наших раненных. Среди наших погибло четверо, а ещё полтора десятка на время выбыли с не самыми лёгкими ранениями. И того выходило, что временно мой отряд потерял почти два десятка воинов. Более чем приличный результат, учитывая тот факт, что враг, выступивший против нас, была лучше вооружена и обучена. Тем более, что Фабрис всё же сможет поставить часть воинов на ноги.

Страдиоты вернулись чуть больше, чем через полтора часа. Погоня оказалась не такой долгой, как могла бы быть, но вернулись мои конники с добычей. Они вели за собой десяток лошадей и четверых пленных, а пленники нам сейчас очень важны.

Ко мне подбежал Рубен, на ходу поправляющий наплечные ремни своей кирасы. Он мялся и молчал, смотря на то, как я старательно отмываю свой клинок от крови и явно разрывался от бушующего в крови адреналина.

— Мы подсчитали потери противника. — выпалил Парень.

— Не томи, Рубен. — рыкнул я на него.

— Противник потерял шестьдесят три человека. Ещё двадцать попали в плен и трои из них точно не выживут.

— Они все знатные?

— Нет. — парень быстро помотал головой, из-за чего его кудряшки, выбившиеся из-под шлема, закачались, — Из погибших всего шесть рыцарей, а их пленных трое. Остальные это

наёмники и оруженосцы. Наёмники называют себя «Бронзовые Шпоры». Они прибыли из Тартоса и лишь немногие из них говорят на ларингийском.

— Дворяне, как я понимаю, Ландсьеры?

— Да. А ещё наш заказчик Бернард Тарнарт.

— Интересно...

Глава 17. Сломанное копье

— Значит вы захотели нас убить, Бернард? Нас, людей, которые шли вам на помощь? Где ваша рыцарская честь, Бернард? Вы же потомственный дворянин, а не подзаборная шваль.

Мы стояли чуть поодаль от места недавнего сражения. Моё войско вновь окружили себя телегами и ожидали второго нападения. Всё же Ландсьеры потеряли далеко не большую часть армии и как только мы выйдем на марш, то они могут привести своих бронированных конников вновь и тогда нам будет куда как сложнее. Хотя и оставаться на одном месте тоже было чревато, ведь кто знает сколько они смогут собрать ещё войск и пойти на очередной приступ нашей «крепости». Всё же они дворяне и их мобилизационный ресурс был мало чем ограничен.

Пока большая часть моих воинов заслуженно отдыхала после тяжёлого боя, шедшего без перерыва четыре с половиной часа, я ходил по своему шатру и допрашивал пленного Тарнарта. Этот высушенный старик, усы которого больше напоминали две соединённых ослиных кисточки, сидел, привязанный к вкопанному в землю столбу. Пленных Ландсьеров же держали отдельно, дабы они не могли что-то коллективно выдумать и поднасрать нашим планам.

— Они обещали мне, что помогут с моими земельными претензиями, если я выманю вас из Орлаёна. Меня подставили! Я не хотел воевать против вас! Меня использовали!

— И поэтому мои ребята сбили вас с коня, и вы до последнего отбивались от них мечом? Хотите шутить со мной?! — я приставил клинок к шее дворянина, — С кем из Ландсьеров вы в сговоре?!

— Элиос! Элиос Ландсьер! — закричал Бернард, как можно сильнее пытаясь вжаться в столб, — Он лично приехал в мой замок. Сказал, что сможет уговорить герцога отдать мне земли моего брата, если мы разобьём вас!

— Сам Элиос был в войске?

— Нет-нет. Тут был его бастард, два племянника, несколько кузенов и его брат! Сам он остался в имении!

Бернард орал в ужасе, чувствуя сталь у шеи. Я убрал саблю в ножны и помял пальцами свою шею, ноющую от тяжёлого удара по шлему несколько часов назад. Что делать с этим Тарнартом? Если Ландсьеры теперь точно от нас не отвяжутся, то к Бернарду у меня нет претензий. Может пусть выдаст за себя выкуп, да отправить на все четыре стороны?

— Отпустите меня! Я заплачу за себя тысячу золотых! Даже полторы тысячи! Только не убивайте! — поймав мои мысли завизжал старик.

— Бернард, вы знаете кто правит миром? — я присел напротив Тарнарта, смотря ему прямо в глаза.

— Высокие Предки? — осторожно сказал дворянин.

— Нет. Информация. — я настоятельно ткнул его пальцем в голову, — Так что ваша целостность напрямую зависит от той информации, которую вы нам поведаете.

Бернард, похоже, очень хотел жить, поскольку рассказал нам очень многое, вплоть до того сколько ночных горшков вынес его оруженосец за прошлую ночь. Оказывается, что в атаковавшем нас войске было сорок шесть конных «копий». «Копьём» здесь называли подразделением воинов, которые приводили феодалы на поле воинство. «Конное копье» —

отряд из рыцаря-феодала, личного оруженосца рыцаря, одного сержанта и трёх вооружённых конных слуг. «Конное копье» наёмников было не так стандартизировано, но обычно представляли просто шесть вооружённых кавалеристов различной степени тяжести. Получается, что против нас вышло не три сотни человек, а двести семьдесят шесть бойцов. Если вычесть погибших и пленённых, то остаётся чуть меньше двух сотен кавалеристов. Много. Намного больше, чем мы сможем перебить в открытом поле. Двое копий было от рода Тарнартов, ещё дюжина Ландсьерских, а остальные были из летучего отряда наёмников «Медные Шпоры». Большинство погибших были из «псов войны», а значит, что Ландсьеры смогли сохранить много боеспособных воинов. Дрянная ситуация.

Я посмотрел на стоящего за моей спиной Сезара и понял, что ситуация намного хуже, чем просто «дрянная». Это только здесь почти две сотни воинов, а сколько ещё конников Ландсьеры могут поднять, чтобы совершить свою месть? Если верить словам Бернарда, то без особых проблем они поднимут до четырёх сотен воинов при конях и оружии. Идти против такой силы даже не стоит думать, что получится выстоять, а потому придётся решать проблему не «огнём и мечом», а словом. Словом, достойным самого вёрткого дипломата.

— Полторы тысячи монет? — вспомнил я слова дворянина, — Через четыре дня они должны быть у меня в казне, а иначе... — я провёл оттопыренным большим пальцем по своему горлу.

— Но как?! Мне же нужно ещё собрать эти деньги! — вскрикнул Бернард.

— Вы хотите что-то сказать самому убийце некроманта?

Бернард замолк и нервно кивнул. Я оставил Сезара охранять дворянина и двинулся в соседнюю палатку, чтобы наконец отдохнуть. На сегодня мы выиграли битву, но далеко не факт, что завтрашний день получится завершить также удачно.

На следующий день мы свернули лагерь ещё задолго до рассвета. Передвигались исключительно в боевом порядке и при полном боевой облачении. Разведка хоть была проведена и ничего не обнаружила, но даже так у нас не получилось обнаружить куда отступили Ландсьеры. Потеря следов такого большого конного отряда был сродни чуду, но недавно выпавший мелкий снег сыграл на руку мстительным дворянам. Такая ситуация вынуждала нас переться в тяжёлых доспехах и при оружии. Однако лучше пропотеть, чем лежать в сырой земле.

Удивительно, но три дня, которые мы шли обратно, выдались достаточно спокойными и без столкновений с блуждающими где-то Ландсьерами. Возможно, что тому была причиной относительная заселённость этих земель, а возможно, что мы слишком сильно обломали им зубы. Хотя на это я бы не рассчитывал.

Ландсьеров не было, но в полутора десятках километров от стен Орлаёна мы встретились с отрядом комиссара. Этот толстый мужчина, похоже собрал всех своих воинов, а потому дорогу меж полей нам перегородило четыре десятка комиссарских «псов», которые выглядели не очень-то доброжелательно.

— Комиссар, вы куда-то собираетесь? — спросил я, выехав из-за рядов своих воинов, чувствуя шишкой на голове приближающуюся драку.

— Я уже добрался. — растянул свои толстые губы в противной улыбке комиссар, — Не могли бы вы, Вадим, удосужиться объяснить мне почему достопочтенные господа Ландсьеры и Бернард Тарнарт находятся среди вашего войска? Зная произошедшее между вами и господином Аделаром Ландсьером, я вынужден сомневаться в положительной направленности ваших действий. Может быть, я ошибаюсь?

— Всё по свободной воле этих господ. С их позволения я провожаю их в столицу короля Кловиса. Ведь правда, господин Бернард?

Я посмотрел на скачущего за мной обезоруженного и лишённого доспехов Тарнарта, который сейчас в моих мыслях выглядел, как ходячий мешок полный золотых монет, а не «голубокровый» властитель. Впрочем, мой ответ слабо удовлетворял комиссара и тот сощурился, рассматривая войско и дворянина подле меня. Он повернулся к своим «псам» и что-то приказал им.

Я подозвал Вирта, командующего страдиотами, — Анселм, скачи назад к арьергарду и передай им, чтобы ждали «гостей». Комиссар может и тварь продажная, но явно не глупец, чтобы со своими балбесами идти против нас.

— Может нам подчиниться?

— Боюсь, если мы попробуем сдаться, то до справедливого суда не доживём и помрём где-то в застенках Ландсьеров. Такой исход мне не по нраву.

Вирт кивнул и быстро ускакал в сторону арьергарда. Да, рядом не было видно ни единого следа других войск кроме нашего и комиссарского, но это не меняло того, что они могли прятаться не так уж далеко, а при начале заварухи вклиниться в наше столкновение. Всё-таки слишком подозрительно выглядела эта попытка комиссара нас арестовать.

— Вадим, я никак не могу вас просто так отпустить. Отдайте нам оружие и сдавайтесь. Это единственное и последнее предупреждение. — комиссар потянул меч из ножен.

Только успел этот жирдяй вытянуть свой клинок, как я и мои страдиоты ринулись в атаку. Наконец можно было испытать своё новое оружие. Мои кавалеристы в мгновение ока проскочили разделявшие нас двадцать метров и ударили в неплотный строй комиссарских помощников. Жирдяй отступил за спины своих подчинённых, но до него было необходимо ещё добраться.

Пришпорив коня, я направил его на одного из «псов». Опыта в конном бое у меня было маловато, но и эти прохендеи вряд ли были ровней для дворянских сынов. Сблизившись с конём «пса», я ударил наотмашь, целясь прямо в незащищённую шею комиссарского прихвостня. Он попытался было неумело отразить удар своим мечом, но не рассчитал скорость и просто налетел на мой клинок. Заточенная сабля с лёгкостью пробил горло, а затем рассекла мышцы шеи и вышла меж позвонков. Голова «пса» моментально слетела с плеч, рухнув напрямиком в грязный снег. Другой комиссарский подручный рубанул меня по руке и даже смог достать плечо, но латный наплечник сдержал удар, хоть рука под ним и отозвалась острой болью. Приостановив коня, я рубанул через голову и клинки со звоном сошлись. Сила удара оказалась столь большой, что он не смог удержать меча и тот отлетел в сторону. Удача! Я ударил снизу. Я прямо чувствовал, как заточенная сталь врежется в его подбородок, пробивая хрупкую челюсть, а затем входит в упругий человеческий мозг. Я ощущал как по клинку потекла кровь вперемешку с серной жидкостью и осколками кости, понимая, что жизнь выходит вместе с ними.

С трудом я вытянул саблю из головы мёртвого "пса" и обернулся. Мои худшие предположения подтвердились — на горизонте показалась кавалерия. До неё было не меньше пяти-шести километров, но даже так десятки конников внушали опасение. Как только они окажутся близко, то мы будем зажаты в клещах. Единственное, что сейчас меня могло порадовать, дак это то, что мы были на возвышенности, а дорога значительно раскисла. Эта распутица должна была дать нам хоть какое-то время, чтобы выстроиться в боевой порядок.

Я крикнул своим воинам и страдиоты в разы усилили натиск. Комиссарские «псы» не шли в никакое сравнение с молодыми дворянами и один за одним падали с коней. Мы рвались вперёд, пока пехотинцы выстроились в несколько шеренг, оцетинившись пиками и алебардами. Атаковать в горку против такого плотного строя сложно будет для любого воина и это обнадеживало. Биться можно было лишь по не самой широкой дороге, где путь сохранился хотя бы в относительном порядке. С обеих сторон были поля, больше похожие на сплошное месиво, по которому было пройти невозможно, не поломав при этом ноги и не вспомнив весь свой матерный словарный запас.

Я смог пробиться к комиссару. Этот толстяк сидел на своём коне, сжимая рукоять длинного тесака без гарды. Мой конь рванулся вперёд и клинки столкнулись. Сталь звенела и как бы я не пытался достать его лица, но он, не смотря на обрюзгшее тело, бодро отбивал мои атаки. Мечи со свистом рассекали воздух и с каждой секундой затылком я чувствовал, как приближаются войска Ландсьеров. От этого адреналин ещё сильнее рвался в крови и схватку нужно было заканчивать быстрее. Клинки вновь ударились, и моя сабля скользнула ниже. Заточенная сталь легко отхватила пальцы толстяка и тесак отлетел в сторону. Толстяк заверещал, зажимая второй рукой кровоточащие «пеньки» пальцев. Следующий удар, пробивший открытое лицо комиссара, завершил жизнь продажного служащего.

Из его седельной сумки я выхватил заряженный арбалет и развернулся в седле, хрустнув всем телом и прижимая приклад оружия к плечу. В этот момент первые Ландсьеры наскочили на «стену копий», а конь одного из них поднялся на задние ноги, открывая свой незащищённый живот. Я выстрелил, арбалет тренькнул тетивой и тяжёлый болт вонзился по самое оперение в грудь коня.

Конь закричал от боли и стал западать вбок, подминая под собой стоящего рядом кавалериста. Из-за рядов сталь наконечников пехоты дали залп аркебузиры, закрыв небо плотной завесой. Пули рвали броню, тела всадников и их животных, заливая кровью грязь под ногами. Крики бьющихся, ржание коней и звон стали перекрыли все остальные звуки. Часть кавалеристов решили обойти дорогу по полям. Их кони тяжело пыхтели, пытаясь взобраться на горку по глубокому и подтаявшему снегу. Если у них получится это сделать, то нам будет, мягко говоря, хреново.

Этот холм среди полей стал быстро покрываться агонизирующими телами воинов и коней. «Псов» быстро уничтожали и со смертью комиссара их боевой дух значительно упал. Страдиоты, одержимые боевым куражом, рвались вперёд, окропляя свои хищные клинки кровью и просто перемальвая остатки комиссарова войска. Не прошло и нескольких минут, как они побежали. Я одёрнул воинов, чтобы те не стали рваться в погоню. Их энергию стоило вернуть в правильное русло. Ещё было слишком много Ландсьеров, которых нужно перерезать.

Я повёл за собой конников, желая прервать фланговый манёвр Ландсьерских конников. Вернув саблю в ножны, вытянул из петли на поясе клевец на длинной, усиленной стальными полосами рукояти. Если с комиссарскими прихвостнями ещё можно биться с саблей наголо, то против тяжело бронированных кавалеристов Ландсьеров и «Бронзовых Шпор» тяжёлый клевец будет куда как сподручнее.

Разогнаться в тающем снегу было невозможно и кони тяжело дышали, выпуская в воздух горячие струи пара. До нас было всего шагов сорок, и я вытащил из кобуры пистоль. Щелчок, искры и пуля влетела во вражеского всадника. Она полетела значительно ниже, чем ожидалось и пробила латную рукавицу, пронзив ладонь насквозь. Мы схлестнулись в жаркой

битве. Как только мне в грудь прилетел удар шестопёром, то я очень возрадовался тому, что надел на себя трофейный панцирь. Напавшему на меня сержанту я ответил ударом в голову. Шип чекана с легкостью пробил его шлем и с чавкающим звуком вонзился в его висок. Всадник умер и выпал из седла, зацепившись ногой за стремя. Второй ударил меня в левую руку тяжёлым кавалерийским фальшионом. Кольчуга, закрывающая мой локоть выдержала удар, но тут же рука повисла у тела плетью. Он занёс оружие ещё для одного удара, но тут Вирт подскочил ко мне, прикончив атакующего всадника метательным дротиком, пробившим ногу всадника вместе с боком лошади. С другого стороны показался конный слуга одного из Ландсьеров, тут же получивший чеканом в грудь. Молот пробил грудь слуги, раздробив рёбра. Второй удар снизу-вверх, угодивший в раскрытую в крике челюсть, отправил его в могилу.

Я посмотрел на Вирта. Тот что-то кричал мне, но я не слышал его слов. Над полем раздалось оглушительное гудение рога, заложившего уши даже за мягким подшлемником. Я посмотрел в сторону откуда гудел рог и увидел ещё несколько приближающихся знамён. На этих знамёнах были скрещённые красные мечи на фоне белого замка — стяги герцога Кловиса.

На момент я подумал, что против нас пошёл ещё и сам герцог, но через несколько секунд Ландсьеры стали отступать и ситуация стала ещё менее понятной. Ландсьеры протрубили, и кавалерия стала быстро спускаться с холма, выстраиваясь в несколько групп, оставив своих погибших и раненных на поле сечи.

— Что здесь происходит?! — ударил по ушам крик герцога Кловиса.

Вытянув чекан над головой, я описал им несколько кругов и вернул его в петлю на поясе, после чего уцелевшей рукой направил коня к герцогскому отряду.

— Мой король, войска Ландсьеров напали на нас на марше! — неуклюже поклонившись в седле, устало заявил я.

— Какого чёрта тогда я вижу мёртвого комиссара и его подчинённых?!

На несколько мгновений я замолчал, пытаюсь оценить ситуацию. Она выглядела, мягко говоря, не очень положительно. Мёртвый комиссар, его воины, погибшие Ландсьеры и наёмники «Бронзовых Шпор», а я заявляю, что напали именно на нас. Но, брошенный нами обоз, не выглядел как обоз, который оставили атакующие, должен был привнести сомнений. Впрочем, в сословном обществе слово дворянина против слова свободного человека, будет очень веским.

— Он был в сговоре с Ландсьерами. Хотел нас арестовать и передать им. Мы не могли просто так подчиниться!

— Вы обвиняете государственного служащего, которого я самолично назначил, в том, что он коррупционер?! — отчеканил каждое слово Кловис.

— Да, мой король, но у меня есть доказательства.

Я подозвал к себе Рубена, панцирь которого был забрызган кровью, а на лице его был длинный порез. Он сразу всё понял и достал из седельной сумки своего коня свиток с предложением контракта от Тарнарта. Парень передал его герцогу и тот развернул свёрток, вдумчиво вчитываясь в чёрные строки. Какое-то время он молчал, затем устало вздохнул и передал свиток одному из своих охранников. Удивительно, но среди них не было видно Элиоса.

— Вадим, своим именем я арестую вас. До суда вы будете содержаться в Жемчужной Крепости. Уверяю вас, в том, что с вашим отрядом ничего не случится, а обоз будет

находится под моей собственной защитой.

Я согласно кивнул, ведь спорить было попросту бесполезно.

Глава 18. Суд клинков

Как и было обещано, моих людей герцог трогать не стал. Главенство в отряде вновь получил Бернд, пообещавший мне не принимать вообще никаких действий по моему освобождению. Меня же разоружили и, под охранением герцогских телохранителей, повели в тюрьму. Вели меня четыре всадника в полном латном облачении. Как бы я не пытался их расположить к разговору, но на контакт они не шли совсем.

К концу дня мы, наконец, добрались до Жемчужной Крепости. Это была одна из крепостей, стоявших посреди города. Название она получила из-за того, что внутренние двери, ведущие в основной донжон, были выложены перламутровыми жемчужинами. Не самое практичное решение, но богачи часто не подвластны логике. Под конвоем всё тех же четырёх латников меня отвели в камеру. Такой конвой явно был излишним, ведь с отбитой левой рукой, в которую ещё не вернулась чувствительность, я не смог бы расправиться даже с одним из них. Хотя, это могло означать ту степень уважения, с которой ко мне относился мой пленитель.

Камера моего содержания меня удивила в позитивном смысле. Я представлял, что держать меня будут в сыром подzemелье, где из предметов будет одно деревянное ведро для естественных нужд, да солома, пропахшая мочой. Но нет — условия оказались куда как лучше. Камера, если её можно так назвать, располагалась на втором этаже и тут было всё, что нужно для комфортного проживания: кровать с матрасом, набитым сеном, стол, пара стульев, подсвечники и даже небольшой шкаф с несколькими заполненными книгами полками. Свет сюда проникал через три окна-бойницы. Этого было маловато, но так куда безопаснее. Лучше потратить больше свечей, чем потерять одну единственную жизнь при возможной осаде.

Латники молча оставили меня внутри комнаты и закрыли дверь, несколько раз провернув ключ в замке. Я же плюхнулся на кровать, наконец снимая с себя изрядно надоевшую набивную куртку. Положив её рядом на кровати, подошёл к шкафу, рассматривая его содержимое. Глаз сразу же зацепился за знакомое имя на книжном корешке — «Таций Келинский». Несколько мгновений я вспоминал, откуда помню это имя, и понял, что о нём мне рассказывал Фабрис. Таций занимал высшую должность в церкви Четырёх Высокий Предков — Тантропа. Труд его назывался: «О вреде серобожнического еретического учения». Это меня заинтересовало и, взяв книгу, я улёгся на кровать.

В этом труде, что логично, Таций рассказывал о секте верующих в Серого Бога. Оказывается, что это учение появилось чуть больше двух тысяч лет назад с извержения одного из немногих ларингийских вулканов. Это извержение было столь страшным, что погубило очень большой город, в котором проживало больше пятидесяти тысяч человек. По сообщениям очевидцев из вулкана в дыму появилось человекоподобное существо высотой в сотню метров. Это существо наблюдало за тем, как умирает город, и только когда догорел последний дом, оно исчезло. Его посчитали за пятого Высокого Предка, которого не возлюбили остальные Предки. Позже в городе нашли каменные таблички, на которых были золотыми буквами выложены заповеди Серого Бога: «Убей мучающегося. Не укради у страждущего. Не создавай икон. Служи всем Предкам и будь им верным. Не пускай драгоценной крови зря. Суди человека только перед лицом Серого Бога. Карай преступника. Сторонись похоти. Не бойся смерти. Стой на своём до последнего». Позже

оказалось, что в этом городе люди приносили в жертву детей Высоким Предкам, а потому люди связали извержение и жертвоприношения. Серобожники считают, что их бог покарал этот город из-за их преступлений.

Во второй трети книги Таций объясняет, почему эта вера опасна для людского рода. Он указывает на то, что Серый Бог учит людей не смирению пред волей Предков, а воинственному отстаиванию своих идей. К тому же, серобожники всей своей душой желают Суда. Этот Суд должен начаться при скончании мира. Серый Бог самолично будет судить каждого человека и серобожники хотят облегчить своему богу работу, самолично лишая людей жизни. Любой, кто выступал хоть как-то против их веры, тут же становился для них преступником, а потому был достоин смерти. Церковники активно с этим боролись с этим, но множество людей продолжали веровать в Серого Бога, ведь он обещал лучший мир людям после Суда.

А в третьей части, самыми яркими словами проклинал всех верующих в Серого Бога. Он указывал на то, что это еретическое учение можно искоренить только «огнём и мечом», ведь серобожники готовы с мечом в руках биться за свою веру.

Я с удивлением обнаружил то, что увлёкся чтением на весь день. Отстранился только из-за того, что вновь захрустел замок. Один из молчаливых латников зашёл в мою комнату, поставил на стол поднос и также молча вышел. Отставив книгу в сторону, я принялся за трапезу. На тарелке была пшеничная каша с кусочками тушеной курятины. В глиняной кружке рядом было разбавленное красное вино, хорошо скрашивающее не самую вкусную еду.

На следующий день с самого утра я продолжил читать. В этом мире уже успели изобрести печатный станок, и книги теперь не стоили астрономических денег. Они стали достаточно доступными, чтобы можно было обеспечить даже таких пленников, как я.

Неожиданно раскрылась дверь. Вот только, вместо ожидаемого молчаливого стражника, ко мне в комнату вошёл Рубен, легко поклонившийся мне, только успев пройти внутрь.

— Рубен, ты чего пришёл? — спросил я, убирая в сторону книгу о торговых делах Рюгленда.

— Я с новостями, командир.

— Присаживайся. — хлопнул я по кровати рядом с собой, — Рассказывай.

— Спасибо, но я постою. Командир, суд состоится уже завтра. Вас обвиняют в нападении на сира Аделара Ландсьера и убийстве комиссара. Обвинителем выступает Элиос Ландсьер.

— А при чём тут Аделар? Он же приклонился Саре. Да и как Элиос с комиссаром связан?

— Они оба родственники Элиоса. Комиссар женат на двоюродной племяннице Элиоса. Родовая связь в нашей стране сильна.

— И какие у меня шансы?

— Не знаю, командир. Вы простолюдин, а против вас выступает дворянин. Обычно, в таких случаях голову простолюдина нанизывают на пику на городской стене, и она сушится под солнцем недели две. Полагаю, что ваша хорошая репутация может вам помочь, но в этом уверенности полной у меня нет. Вам либо отрубят голову, либо отправят до конца жизни на рудники.

— Есть шанс исхода, при котором я выйду чистым из воды?

Рубен отрицательно помотал головой, — Сомневаюсь, командир. Возможно, что король встанет на вашу сторону, но обвинения против вас очень серьёзные. Суд клинков для вас, к сожалению, недоступен.

— Почему?

— Вы не дворянин. Скрестить клинки могут только люди высших сословий.

Я повернулся к книжному шкафу, пытаюсь отыскать там хоть что-то, что может мне помочь. На одной из полок стояла книга за авторством неизвестного мне писателя, но вот её название было куда как интереснее: «Судебная система королевства Ларингия». В голове возникла смутная идея.

— Вернись к отряду и скажи, чтобы Вирт был завтра на суде. Он будет мне очень нужен. А сейчас иди. Спасибо тебе за новости.

Рубен ещё раз поклонился, а я подошёл к полке, беря книгу в руки, и погружаясь в чтение до ночи. От того, что я сейчас прочитаю, будет зависеть вся моя дальнейшая жизнь.

На следующий день я встал крайне уставшим. Почти всю ночь приходилось жечь свечи и штудировать единственную книгу по праву, которая была в здешней библиотеке. В ней я вычитывал абсолютно всё, что могло мне помочь на суде, особое внимание уделяя именно «Суду клинков». По сути своей — это была простая дуэль, правда, позволенная только дворянам. Только они могли биться на арене, и это удручало, но мне удалось найти одну лазеечку, что может дать мне шанс на хороший исход.

Примерно к полудню за мной зашёл уже ставший привычным и даже немного родным охранник. Кандалы цеплять он на меня не стал, и просто подтолкнул, придавая немного разгона в сторону выхода. Несколько минут мы плутали по узким коридорам крепости, а потом, наконец, добрались до зала правителя. На многоэтажных трибунах по обеим сторонам вытянутого зала были заполнены людьми до отказа. Большинство из них было в богатых одеждах и выкрикивало нелицеприятные высказывания в мою сторону. Однако несколько лиц всё-таки были знакомыми мне. Среди них были Рубен, Бернд, Фабрис, Анселм Вирт и даже безволосая голова Варда блестела в огне свечей и проникающего сквозь витражи солнечного света.

На противоположной от входа стороне, на высокой платформе, сидел герцог Кловис. Его трон был покрыт золотом и щедро инкрустирован драгоценными камнями. Сам герцог был в дорогом мужском платье, на котором рисунки были вышиты тонкими золотыми нитями. Оно одно могло стоить как снаряжение всего моего отряда, а в купе с золотой короной и вовсе можно было купить ещё несколько таких армий.

Меня поставили за одну из двух трибун, лицом к герцогу. Я поклонился монарху и посмотрел на вторую трибуну, за которой стоял высокий крепкий мужчина, густые зачёсанные волосы которого уже полностью окрасила седина. Его овальное лицо, с прямым благородным носом, не выражало даже малейшего беспокойства. Сухие, потрескавшиеся пальцы, были покрыты различными драгоценными перстнями, которыми он изредка стучал по дереву трибуны.

Кловис дёрнул ладонью, и бушевавшие на трибунах разговоры мгновенно замолкли. Я посмотрел на Вирта, и тот медленно кивнул. В то же время сидящий по левую руку от герцога мужчина с кряхтением поднялся. Он был стар и одет в длинный серый балахон. На шее его было золотое украшение в виде заключённого в круг квадрата — символ церкви Высоких Предков.

— Сегодня свершится суд над сыном Предков Вадимом. Он обвиняется в том, что напал

на Аделара Ландсьера, ограбил и похитил его, а также в убийстве орлаёнского комиссара и его людей. Обвиняет его в этом маршал нашего короля Элиос Ландсьер. Напомню вам, что вы говорите перед лицом не только короля, но и всех четырёх Высоких Предков. Пусть правда восторжествует! — при последних словах мужчина воздел руки к небу, после чего сел.

Герцог ладонью указал на Элиоса Ландсьера, — Суд готов выслушать то, в чём вы обвиняете Вадима.

— Спасибо, ваше величество! — Элиос легко поклонился, — Я обвиняю в том, что этот простолюдин вероломно напал на моего кузена Аделара Ландсьера в момент нужды прямо его замке. Он, со своими головорезами, захватили моего кузина в плен, связали, сняли с него все украшения и, словно брещущего пса, выкинули в придорожную канаву. Мой кузен не преступник, он — граф, на протяжении многих десятков лет самозабвенно служащий нашему королевству. Это жестокое преступление, которое задевает честь всего рода Ландсьеров!

Герцог кивнул, — Ещё вы обвиняете Вадима в нападении и убийстве комиссара? Расскажите нас об этом.

— Да, ваше величество, у этого человека не одно преступление. Он напал на комиссара и убил практически всех его людей. Комиссар хотел арестовать его, ведь подозревал в том, что Вадим напал на отряд сира Бернарда Тарнарта, но они не хотели добровольно сдать оружие и пролили кровь.

Зрители, следящие за ходом судебного процесса, начали кричать, но одного строгого взгляда герцога хватило, чтобы в зале вновь воцарилась тишина. Он посмотрел на меня, — Что вы можете сказать в ответ на эти обвинения?

Я прокашлялся и обернулся, окинув взглядом всех присутствующих, — Ваше величество, господа присяжные, я не могу согласиться с этими обвинениями. Мы получили контракт от рыцаря-монаха Варда, который призвал нас на помощь, чтобы разобраться с чёрной магией, которая бушевала в графстве Тиронь. Мы сняли осаду с города, выследили некроманта, поднявшего сотни мертвецов, и я лично уничтожил некроманта. Аделар организовал пир, на который позвал весь мой отряд, но его воины достали ножи, желая убить меня и моих воинов. Да, я лично приставил нож к его горлу, чтобы остановить резню и взял его в плен в качестве гарантии выживания моих воинов. Позже, мы сняли с него путы и оставили на границе его земель. Так что здесь мы оборонялись, и ни о каком нападении речи идти не может. Вард был с нами, и он может подтвердить мои слова.

Мужчина по правую руку герцога встал и огласил, — Достопочтенный господин Вард, мы призываем вас, ответь на суде!

Монах, в своём длинном религиозном одеянии, спустился с трибуны и встал позади меня, дожидаясь того момента, как ему позволят говорить.

— Вы подтверждаете слова Вадима? — спросил его Кловис.

— Да. Вадим человек чести, и его слова полностью верны. Он и его воины не отступили даже пред столь страшным демоническим врагом и спасли много людей. Граф Аделар действительно попытался убить Вадима, и наёмники оборонялись.

— Спасибо, достопочтенный Вард. Вы известны, как великий воин, и все мы верим вашим словам. — величественно сказал Кловис.

— Господин маршал, огласите всем нам ваше второе обвинение.

— Мой брат вёл наше войско в сторону границы с Рюглендом, ведь среди их великих

домов наблюдаются сепаратистские настроения. В походе мы заметили, как комиссар встретился на марше с «Кабаньей головой». Он передал законное требование сдаться на милость вас, мой король, но вместо этого они обнажили свои клинки. Мой брат поспешил на помощь, но кабаноголовые стали биться и против нас. Тогда вы и подоспели, ваше величество.

— Это тяжкое преступление. У вас есть что сказать в ответ, Вадим?

— Мой король, вы помните, какой был на мне панцирь, когда мы встретились с вами? — не дав монарху ответить, я продолжил, — Панцирь с двумя золотыми копьями на груди. Я взял этот панцирь как трофей, когда Ландсьеры напали на нас, когда мы стояли в лагере.

— Вы врётё. — отчеканил Ландсьер, — Вы напали на воинов моего брата, и мы были вынуждены защищаться.

— В том бою я потерял десяток воинов и ещё столько же в дальнейшем не смогу нести службу. Ваши бойцы и «Бронзовые Шпоры» потеряли шестьдесят три человека. Как вы представляете такие потери, когда пехота атакует тяжёлую кавалерию?!

— Молчать! — рявкнул Кловис, — Вы в суде, а не на базаре! Вадим, это всё, что вы можете мне сказать?

— Нет. Бернард Тарнарт призвал нас заключить контракт, и именно к нему мы шли. Он со своими воинами также напал на нас.

— Бернард Тарнарт, призываю ответить вас пред судом! — вновь поднялся непонятный мужик по правую руку герцога.

Дворянин подошёл к трибунам. Он совсем не выглядел как недавний пленник. Старик был спокоен и шёл, смотря только на герцога.

— Мой господин, я выступил со своими воинами против отряда «Кабанья голова», ведь мне доложили о том, что они идут на помощь моему врагу. У меня не было выбора. В плену этот человек угрожал убить меня, если я не заплачу за свою голову две тысячи золотых.

Вот сволочь! Я не убил ни одного пленника, а эта падаль мало того, что заманил нас в ловушку, дак ещё теперь и клеветает на меня. Как будто практика выкупа своей жизни из плена является чем-то необычным!

— Ясно. Можете быть свободны.

Бернард поклонился в пояс и вернулся обратно на зрительные трибуны. Я же почесал щёку, понимая, что из-за этого уroda мои позиции значительно пошатнулись. Ситуация была неприятной, хотя отчаиваться рано, ведь мой главный козырь всё ещё не был разыгран.

— А что насчёт комиссара? Почему вы его убили?

— Мне показалось, что он в сговоре с Ландсьерами.

— У вас есть доказательства этого предположения?

— Нет.

— Ясно. Суд удаляется для вынесения приговора подсудимому.

Герцог и два его помощника встали и ушли в комнату за своими спинами. Наблюдающие за процессом дворяне продолжили обсуждать ход дела. Я же продолжал думать о том, насколько неосмотрительно поступил, первым пролив кровь. В том, что я был прав относительно комиссара, я был уверен, но для остальных это всё равно оставалось убийством.

Судьи вернулись меньше, чем через четверть часа. За это время я успел продумать десятки вариантов развития событий, и половина из них оканчивалась достаточно

положительно. Только один из них приведёт к моей смерти, и он мне не очень-то понравился.

Судьи сели на свои места, и герцог втянул воздух в лёгкие, готовясь, наконец, огласить приговор. Я внутренне сжался, дожидаясь решения герцога.

— Вадим, ввиду вашего подвига в битве при Двух Холмах и уничтожения некроманта, а также упорной службы вашего отряда короне, приговор будет вынесен только вам, и не затронет «Кабанью голову». Род Ландсьеров, из-за своего вероломного нападения на ваш отряд, заплатит по одной золотой монете за каждого убитого, а также все трофеи после битвы останутся у вас. Но вы совершили тяжкое преступление — будучи простолюдином убили дворянина. За это, моим королевским именем, приговариваю вас к смерти. Сегодня же вам отрубят голову. На этом наш суд закончен.

Элиос расплылся в улыбке, а герцог опёрся на подлокотники своего трона, готовясь встать. Сзади слышались сожалеющие вздохи и радостные крики дворян. Для многих смерть выскочки-наёмника будет очень показательной, указывающей на то, что выступать против высших сословий смертельно опасно. Пришло время разыграть последнюю карту.

— Мой король, могу ли я огласить последнюю просьбу?

Вопрос, похоже, оказался очень неожиданным, и герцог вновь опустился на свой трон, жестом приказав своим помощникам последовать его примеру.

— Что ж, воля умирающего священна. Говорите.

— Я прошу Суда Клинков.

Зал взорвался громогласным смехом, от которого содрогнулись даже стены этой крепости. Смеялся и Элиос Ландсьер, и священник, но пока я дожидался тишины, то посмотрел на Вирта. Тот, кажется, понял мой замысел и хитро улыбался.

— Ты — грязный простолюдин. Клинки разрешат спор только меж дворян! — воскликнул Элиос.

— Мой король, первый правитель Акреона, Ремул Краснокостный, завещал: «Высокие Предки дали нам руки и вложили в них мечи, чтобы мы могли защищать себя. Во всех моих землях и землях моих потомков, любой, кто является потомками Первых Людей, может защитить свою честь и свой интерес с мечом в руках. Высокие Предки рассудят их в Суде Клинков!». С тех самых пор люди бьются на Суде Клинков, а вы и ваш отец являетесь очень давними потомками Ремула, а значит, тоже следуете заветам своего прадеда. Ведь так? — на мой вопрос герцог кивнул, — Но в словах Первого Короля нет ни слова о том, что за простолюдина не может сразиться дворянин, если в том есть его интерес.

Герцог перевёл взгляд на сидящего рядом священника. Тот в растерянности приоткрыл рот, пытаясь, видимо, решить, прав ли я. Несколько мучительно долгих мгновений, и священник несколько раз мелко кивнул. В этот момент нужно было увидеть лицо Ландсьера, который побагровел от распирающего его гнева.

— Вы имеете такое право, но есть ли дворянин, который за вас вступится?

Несколько секунд молчание покрыло зал, пока дворяне переглядывались друг с другом, пока на лице Элиоса вновь стала проступать улыбка.

— Я! — выдержав воистину театральную паузу, крикнул Вирт, спускаясь со своей скамьи и подходя ко мне, — Мой король, я Анселм Вирт и я готов встать на защиту Вадима.

— Элиос, вы будете сами биться за себя, или кто-то выйдет за вас?

Ландсьер подозвал своего брата. Мужчина был куда как моложе не только Элиоса, но и Вирта. Этот Ландсьер был крепким, и в своём доспехе выглядел очень опасным. В голове промелькнула мысль о том, что он может быть не по силам Вирту.

Он, похоже, почувствовал мою мысль и хлопнул меня по плечу, — Вирты так просто не умирают.

Все мы выбрались на улицу, где места для битвы было намного больше. Охранники герцога образовали небольшой круг, и за их спинами собрались наблюдавшие за судом люди. На эту своеобразную арену и вышли Анселм Вирт и неизвестный мне Ландсьер. Оба из них сняли доспехи, чтобы уровнять шансы. Каждый Суд Клинков должен был закончиться смертью одного из бьющихся, ведь только тогда Высокие Предки забирали того, кто был неправ.

Вирт вытащил из ножен меч и встал в стойку. Тоже самое сделал и Ландсьер, взявшись двумя руками за рукоять полуторного меча. Оба бойца были готовы, и я, с замиранием сердца, стал ожидать команды от герцога.

— Бой! — крикнул Кловис.

Ландсьер ринулся вперёд, не поднимая меча, но Вирт продолжал стоять, как будто бы ему не предстояла смертельная схватка. Их разделяло всего три метра, которые можно преодолеть за пару мгновений, но Вирт оставался спокоен и нерушим. Меч Ландсьера был больше чем в половину роста Вирта и был очень устрашающим. Ландсьер сделал быстрое движение, опустив меч, и попытался уколом пробить брюхо Вирта, но тот плавно шагнул вбок, а затем, скользнул вдоль меча, молниеносно поражая в шею противника, и Ландсьер рухнул на грязную землю, зарывшись в неё лицом. Его враг лежал на земле, содрогаясь в агонии и сжимая ладонями шею. Вирт спокойно наклонился к умирающему человеку, и обтёр о его одежду свой меч, после чего вернул тот в ножны.

— Вы свободны, Вадим...

Глава 19. Царица полей

В честь моего возвращения из недолгого, но крайне нервного плена, мужики мне устроили настоящий праздник. Бернд, непонятно как и где смог найти несколько полных больших бочек вина, множество птицы и мяса, рыбы, да десятки бочонков пива, эля, браги и мёда. Неизвестно сколько это стоило денег и насколько пострадал наёмничий бюджет, но этим вечером мешали вообще всё: пиво с мёдом, вино с элем, да и всё вместе и сразу, ведь напитки всё равно смешаются в животе. Алкоголь тёк рекой, прислужники не успевали наполнять бокалы, кружки и пустые тарелки. Настроение праздника настолько меня веселило, что даже подошедшие к нашей таверне бедняки получали по кружке пенного и по куску жареного мяса с ломтем белого зернового хлеба. Шумели мы настолько сильно, что жители ближайших домов пожаловались на нас городским стражникам, небольшой отряд которых подоспел к таверне, но был раскидан одним единственным Сезаром. Этот пьяный великан даже не брал в руки оружия и одними кулаками размазал стражников. Ни доспехи, ни копья и мечи не смогли им помочь, а потому они ретировались, получив несколько десятков синяков и разбитые носы. Вечеринка длилась почти до самого рассвета и помогла воинам отдохнуть от недавних кровавых битв.

С звенящей головой я очнулся только в полдень и резко осознал, что чёрный пиар работает на удивление эффективно. После двух стычек с Ландсьерами мы понесли воистину огромные потери для тех, кто не имеет постоянной рекрутской базы. Сорок четыре человека были навечно отправлены в царство мёртвых, а ещё пятнадцать наёмников вернуться обратно в строй после лечения. Вот только к порогу нашей таверны прибыло практически в два раза больше людей, желающих вступить в наше войско. Для многих, столкновение и последующие победы над Ландсьерами были, мягко говоря, поразительными. Последние несколько сотен лет пехота в войне стояла исключительно на вторых ролях, оставляя основные сражения кавалерии. Обычно пехотинцы в цивилизованных государствах активно применялась только при осадах. Именно потому победа пехоты над кавалерией стала фурором и к «Кабаньей Голове» потекли новые рекруты, большинство из которых давно были не новичками. Благодаря им мы не только восполнили понесённые потери, но и возрастили численность. Однако я прекрасно понимал, что вагенбург не станет панацеей от конницы, ведь при неожиданной атаке мы не сможем её своевременно развернуть и нас просто разобьют на марше, тонким слоем размазав по любому полю боя.

К тому же, Ландсьеры преподнесли нам не только значительно возросшую известность и репутацию, но и очень богатые трофеи. Ландсьеры, после своего поражения в битве у реки, отступали бросив свой обоз, а потому все содержащиеся в них богатства попали в наши загребушие руки, а точнее к Бернду, счастливо потирающим руки. Помимо снаряжения, оружия, личных вещей дворян, к нам попала и казна. Складывалось чёткое ощущение того, что она предназначалась для последующей оплаты услуг «Бронзовых Шпор» и Ландсьеры готовы к битве с моими молодцами до последнего.

Полученные средства Бернд призвал меня использовать куда как хитрее, чем просто закупить снаряжения и оружия. Несколько недель мы с ним ходили по городу, договариваясь с владельцами некоторых мастерских и даже часть из них по итогу выкупили. Бернд аргументировал это тем, что отряду в моменты простоя и восстановления нужен пассивный доход, да и пенсии у наёмников, если они доживут до почтенного возраста, её

просто не будет. Впрочем, я с ним был согласен, а Марид тут же загрузил мастеров своими заказами и поручениями, пытаясь реализовать все свои убийственные идеи.

Несколько месяцев мы прожигали полученные деньги, продолжая натаскивать воинов. Внутренняя часть из новичков не понимали зачем всё это нужно, но раз есть контракт, то придётся исполнять. Приходилось «ломать» их средневековой строй мыслей, насаживая понятия офицерства и тотальной дисциплины. Ландсьеры нас не беспокоили и это радовало. Вполне возможно, что их молчание сейчас намного страшнее очередного боевого столкновения, но этой передышкой точно необходимо воспользоваться.

В этот спокойный перерыв вновь сверкнула гениальность южного изобретателя Марида. Я долго капал ему на мозги с идеей небольших полевых пушек, чтобы их можно было спокойно передвигать по полю боя, однако сам не знал, как это реализовать. Южанин же это знал, и знал очень хорошо. Оказывается, что он уже смог не только разработать, но и отлить полноценную пушку. По размерам она была скорее «пушечкой» в современном мне понимании, но даже это было прорывом военного дела. Их стволы были всего двенадцатого калибра, но ядро даже такого размера сможет проредить плотные строи наступающей кавалерии, а уж тем более пехоты.

Мы выехали из города, расположившись достаточно далеко от ближайших поселений, чтобы не распугать окрестных крестьян. Он поставил свою пушку, и я увидел на ней достаточно интересный механизм. Для изменения градуса наклона ствола, он сделал на лафете полукруглый брусок с дюжиной отверстий, куда вставлялся металлический цилиндр, использующийся как опора. Уж очень интересная система.

Сначала подмастерья Марида засыпали в ствол пушки порох, затолкали пыж, прибили его, затем затолкнули ядро и ещё один плотный пыж. Засунув фитиль в протравочное отверстие, они нацелились на несколько деревянных щитов, стоящих один за другим примерно в четырёх с половиной сотнях метров. Марид подставил факел к фитилю. Он быстро стал сжигаться из через несколько секунд орудие грохнуло так, что уши наши заложило. Обтёсанное каменное ядро со свистом полетело в цель. Щиты разлетелись в щепки и нашу пустую поляну накрыл победный крик нескольких мужских глоток.

— Эту пушку мы сможем зарядить каменным или свинцовым дробом?

— Дхумаю дха. — кивнул Марид, подумав всего несколько секунд.

— Сколько таких пушек ты дашь мне через месяц?

— Ещё одна пхочти готхова, а на нховую ещё три недели нхадю. И ещё схотя золотых дайте.

— Будут тебе деньги. Главное сделай мне пушек, пуль, ядер и пороха побольше.

Через месяц Марид выполнил своё обещание. На дворе нашей таверны стояло три орудия, укрытых плотной промасленной тканью. В воздухе же витал запах войны. Чем ближе было лето, тем больше чувствовалось приближение новой военной кампании. Кловис, похоже, готовил армию к тому, чтобы наконец подчинить себе Ларингию. Сомневаюсь, что за один наскок у него это получится, но копья его рыцарей были направлены на земли Сары. Красный Рыцарь, увидев слабость её режима в битве с некромантом, понял, что на иностранном контингенте прожить долго не получится и его рыцарское войско быстро разобьёт их. Потому мы готовились выступать. Эта кампания будет для нас первой, и она обещала быть очень кровавой. Вряд-ли три этих орудия справятся с целой армией одного герцогства, но они станут для нас поддержкой и очень хорошим подспорьем.

Мои бойцы не прохлаждались на одном месте все эти дни ожидания, а активно

продолжали нести службу у людей, кто звонким золотом мог оплатить наши услуги. Теперь в моём распоряжении был далеко не наёмничий сброд, а полноценная армия. Две сотни пехотинцев, каждый из которых теперь имел латный панцирь, два десятка страдиотов теперь больше похожих на жандармов, да четыре десятка лучников. И всё это при трёх пушках. Достаточно сильное воинство. Да что там воинство?! АРМИЯ!

Почему же я не выделяю отдельно своих аркебузирова? Да, их тоже четыре десятка, но по моей задумке бойцы с «огненным боем» должны быть похожи на русских стрельцов. Они должны будут биться сначала «огненным боем», а затем, при необходимости, выступить в качестве поддержки моей основной пехоте. С лучниками примерно также, но они, в силу скорости своей стрельбы, намного лучше обеспечивали дальнюю руку наёмничьего воинства.

На всех этих людей мною была запасена провизия. Её было достаточно, чтобы обеспечить их всего на полтора месяца, а потом придётся рассчитывать на помощь от Кловиса или же на добытые в ходе похода трофеи. Не знаю, почему Кловис не выждал лишние пару месяцев, чтобы хоть немного увеличить количество пропитания для своей армии, но ему наверняка виднее. На мой взгляд его воинство во множество крат превосходит любого из тех, кто может претендовать не только на Акреон, но и на весь престол Ларингии.

Вот только у Кловиса на нас были совсем другие планы. В одну из ночей, когда я сидел за доступными мне картами Ларингии, к нам в таверну заглянул один человек. Он был одет в очень неприметный балахон, из-за чего больше напоминал бедного проходимца, чем герцогского посланника. Однако внешность, как известно, очень обманчива.

Мои молодцы, стоящие в ту ночь на охране таверны, чуть было не запинали этого человека и только герцогская печать остановила бойцов. Весть о герцогском посланце взбудоражила меня, и я быстро спустился вниз, готовясь выступить в поход хоть сейчас. Оказавшись внизу, я понял, что посланцем оказался тот священник, сидевший на суде рядом с герцогом. От этого осознания ситуация стала ещё сложнее и теперь нужно быть куда осторожнее.

— Приветствую вас, святой отец. Что привело вас сюда в столь поздний час? — спросил человека я, сев напротив него.

— Вадим, в том, что вы умны вы убедили меня и многих людей ещё во время суда. Полагаю, что вы прекрасно понимаете цель моего визита. Король желает заключить с вами контракт.

— О какой сумме идёт речь и когда мы будем выдвигаться?

— Вас интересуют только эти два вопроса?

Голос старика священника был крепок, а вопрос, если быть честным, был близок к тому, чтобы поставить меня в тупик. Ещё несколько минут назад я был полностью уверен в том, что поведу свои роты против одного из претендентов на трон Ларингии и его матери. Вот сейчас всё стало иначе.

— Против узурпаторши Сары. Разве я не прав?

— К сожалению, вы далеки от истины. — скупой улыбнулся тонкими губами старик, — Войско короля завтра выступает из Орлаёна. К сожалению, не все его поданные так ему верны, как бы всем нам этого хотелось. К северу от нас стоит город Корбинбург. В его стенах уже давно зреет заговор против Короля. Знатные дома тех мест желают Корбинбургу стать одним из Вольных Городов Рюгленда. У короля сейчас нет лишних сил, а потому вы должны вернуть город и его правителя обратно в лоне короны.

— У меня меньше трёх сотен человек. Как я должен его взять?

— Кажется, что вы совсем не понимаете происходящие. Король не просто так даровал вам свою милость и позволил жить дальше. — покачал головой священник, — Это не просьба или контракт. Это приказ от твоего короля, пусть вам и заплатят за это деньги. За каждый месяц, как только вы вернёте город и вплоть до прихода войск короля, вы будете получать по три тысячи золотых монет. Полагаю, это достаточная сумма, чтобы вы смогли эффективно выполнить данную задачу.

Я кивнул. А что мне оставалось? Этот человек говорил всё верно и по сути. Этот суд был, по-хорошему, одним большим фарсом, чтобы убедить поданных в том, что всё решается по справедливости. Да и этот мой манёвр через дыру в правовой базе не сработал бы, если бы не мои предыдущие подвиги. Может он врёт? Да всё возможно, но сейчас у меня не было ни единого желания рисковать целостностью отряда. Потому оставалось только согласиться на эту безумную авантюру. Тем более, что денег обещали многим больше, чем за этот срок у меня получится заработать. Возможно даже, что тот город в месяц приносит денег меньше, чем получу я, но Кловис, с помощью моей компании, покажет остальным, что в силе его власти сомневаться не стоит.

— Сколько у меня времени на подготовку?

— Восстание может начаться со дня на день, но через месяц вы должны выдвинуться. — Мужчина сунул руки за балахон и снял со своего пояса несколько приличных мешков монет, кои и поставил на стол, — Здесь пять сотен золотых. Этих денег вам хватит, чтобы подготовиться к битве.

Оставив на столе золото, человек откланялся. Я же остался сидеть за столом, смотря на кожаные мешки с лежащими внутри деньгами. Цена хорошая, но задача по первой кажется мне, мягко говоря, невыполнимой. В каком-нибудь тёмном средневековье моя орава бы показалась огромной, то сейчас даже небольшие полководцы могут вести за собой по тысяче человек. Как вести осаду? Чёрт его знает. В моём-то времени на штурм полагается трёхкратное преимущество перед обороняющимися, а уж сейчас минимум в шесть, а лучше в десять раз большей людей.

Понимая, что информации лично у меня мало, то подозвал к себе Вирта и Рубена. Эти два дворянина вместе представляли достаточно большой пласт нужных мне знаний о Ларингии. Если Анселм был военным ветераном и мог оценить военную мощь многих домов, которые были мало-мальски известными, а Рубен знал всё остальное.

— Что можете рассказать о Корбинбурге?

— Небольшой пограничный город. Находится во владении дома Корбинов. Дом старый, но не очень богатый. Держит мост через один из притоков Рюга. За счёт этого и живёт.

— Стены у города высокие и крепкие. Дом, вместе с ополчением из окрестных деревень и самого города, выставит не меньше четырёх сотен, но даже так город держать осаду сможет достаточно долго. — дополнил слова младшего товарища Вирт.

— Значит, всё не так страшно. — ухмыльнулся я.

— Неужели город будем брать? — спросил Вирт, веки которого значительно расширились.

— Кловис приказывает нам и придётся подчиняться. — я потёр лоб своей пятернёй.

— Командир, тебе не кажется, что людей у нас для этого маловато? — усомнился Вирт, отпивая пиво из большой кружки.

— Есть у меня мыслишка. Попробую её исполнить.

А мыслишка моя была очень интересной и столько же страшной. На следующее утро я, в компании с Фабрисом, отправился за стену Орлаёна. На его юге разбили свой лагерь тартосцы из «Бронзовых Шпор». Да-да, это именно те наёмники, два раза получившие по шапке от моих ребят. Оказывается, что после тех двух стычек они понесли значительные потери, а потому до сих пор зализывали свои раны. Больше, чем из двух сотен в строю и на коне осталось всего полторы. Они всё равно оставались большой силой, а потому я и прибыл к ним, чтобы увеличить своё войско.

Как только мы уже были у самой границы лагеря, то нас перехватила парочка всадников, патрулирующих окрестные земли. Я наконец смог рассмотреть этих пришельцев. Тартосцы выглядели довольно странно. Их страна была севернее, чем Ларингия, но в отличии от жителей других королевств имели смуглую кожу. Не такую тёмную как у арабов и скорее напоминали привычных мне метисов. Вполне возможно, что предки тартосцев пришли сюда из-за моря Месяца и смешались с местным населением, а может их история куда глубже и сложнее. Впрочем меня, как полководца, слабо интересовало их происхождение. Тартосцы, хоть и имели в основе своего войска тяжёлую кавалерию, как и многие другие королевства, но способ видения их войны сильно отличался. Вместо плотного и тяжёлого таранного удара они атаковали в рассеянном строю, перед тем бросая тяжёлые копья в строй врага и врубаясь в строй врага с тяжёлыми мечами и топорами. Для того чтобы метать свои копья они имели другую форму наплечников и не носили ронделей, закрывая свои драгоценные подмышки исключительно кольчугами.

— Вы кто такие? — крикнул один из всадников.

— Я Вадим. Командир «Кабаньей головы».

Лицо всадника исказилось. Он посмотрел на меня со смесью непонимания и злости. Он посмотрел на своего напарника.

— У меня для вашего командира есть предложение, подкрепляемое звонкой монетой.

Всадник махнул мне рукой, и мы двинулись внутрь лагеря. Многие люди в лагере одаряли нас своими взглядами. Возможно, меня ещё не узнавали, а вот здоровяка Сезара не узнать было уж очень сложно. Этот огромный бородатый мужик даже в седле не расставался со своим топором, на котором осталось множество крови, в том числе и бойцов «Бронзовых Шпор». По утопанной земле мы добрались до большого шатра, подле которого было привязано несколько лошадей.

Я спрыгнул с коня и за поводья подвёл к столбу, где и подвязал его. Дождавшись Сезара, мы вошли в шатёр. Внутри нас встретил командир этого наёмничьего отряда. Это был на удивление молодой мужчина с чёрными вьющимися волосами и гладко выбритым лицом. Он сидел за походным столом, отпивая из резного деревянного стакана дымящийся напиток. Увидев нас, он несколько раз моргнул, а затем медленно поставил свой стакан на стол.

— Интересный сегодня день. Присаживайтесь, гости.

Командир «Бронзовых Шпор» движением пальцев отослал стоящего рядом с ним прислужника. Положив себе на колени ножны с тяжёлым мечом, он посмотрел на нас испытующе и с долей осторожности. Впрочем, по-другому он никак не мог поступить. Хоть сегодня мы не были на поле брани, но лишь недавно готовы были разорвать друг друга.

— Вы хорошо бились, кабаноголовые. Знатные у нас вышли бои. Кровавые. Что вас привело в мой лагерь сегодня?

— Я хочу нанять вас.

Вождь «Бронзовых Шпор» сильнее раскрыла свои глаза и даже цокнул языком,

всплеснув руками. Тартосец хлопнул себя по коленям и улыбнулся, — Наёмник хочет нанять наёмника. Вы пришли шутить?

— Ни в коем случае. — помотал я головой, — Думаю, что вы хотите добычи и денег, а не просто продолжать сидеть в своём лагере.

— Кловис скоро отправиться в поход и мы не останемся вне этой войны.

— Вы будете там далеко не одни. Сколько вы сможете там получить, когда в спину вам дышат такие же наёмники, как и мы? — не дав тартосцу подумать, я тут же продолжил, — Очень немного. Я же предлагаю вам взять вместе со мной город.

— Город? Да вы, ларингийцы, точно безумцы. Мы всадники, а не пехотинцы. Наша стихия — это поле, а не каменные стены замков и городов.

— Семь сотен золотых. — оборвал хозяина шатра я.

— Тысяча двести.

— Восемьсот.

— Тысяча.

— Девятьсот.

— Девять с половиной.

— Согласен. У вас неделя на сборы. Завтра заходите за авансом.

Мы ударили по рукам и как можно быстрее смылись с территории «Бронзовых Шпор». Теперь у меня будут нужное количество бойцов, артиллерия, припасы, а вскоре будет ещё и провиант. Через несколько дней мы сможем выступить. Этот поход принесёт нам либо богатство и известность, либо жестокую и кровавую смерть.

Такой расклад стал для меня уже привычным и в голове даже стал разыгрываться азарт. До того удача мне благоволила, но с каждым разом я всё больше и больше наглел, а потому терпение у этой коварной женщины должно рано или поздно закончиться.

Глава 20. Вороний город

Выдвинулись мы гораздо быстрее, чем я изначально планировал. Бернд смог раздобыть нам провиант и питьевую воду всего за пару дней и на телегах привёз в расположение лагеря. «Бронзовые Шпоры» же вовсе закупили всю нужную провизию и сбрую заранее, а потому выдвигаться были готовы вовсе на следующий день, останавливаемые только моими постоянными приказами.

Наша армия шла очень быстро, как для средневековой армии. Можно сказать, что даже форсированным маршем, ведь мне не хотелось по прибытию обнаружить ещё сильнее подготовленный к битве город с собранным ополчением и глубоким рвом, где можно будет закопать хрущёвку с пригорком. Потому путь, на который обычно приходилось по меньшей мере три недели, нами был преодолён за две. Причиной тому был тот самый маршевый шаг, который ускорял наше передвижение просто в разы. Почему я не посадил своих людей на коней, ведь у меня их приличное количество? Всё достаточно просто — недостаток лошадиного фуража. Какую-то часть четвероногих мы взяли с собой, но пробивающаяся сквозь землю трава была ещё слишком мелкой и малочисленной, чтобы прокормить множество коней, а потому половина моего табуна осталась близь Орлаёна на попечении местных жителей. Тем более, что вместе с нами шли не только всадники-наёмники, но и изрядное количество скота, которое нам очень и очень пригодится на случай осады, ведь консерв ещё не придумали и будущим мясным блюдам приходится топтать на своих четырёх конечностях.

Примерно в дне пути стало понятно, что мы опоздали и город уже скинул с себя ларингийскую власть. Вдоль дороги, примерно раз в километр, начали встречаться деревянные кресты. Они были не привычным моему глазу перекрестием вертикальной и горизонтальной балки, а больше смахивали на латинскую букву «X». Тем не менее, человеку, распятому на этом кресте, было глубоко насрать на расположении балоков, а позавидовать страдальцу было сложно. Человек, обритый наголо, был жестоко избит и всё его тело было покрыто ссадинами, синяками, загноившимися ранами. К кресту он был прибит крупными гвоздями с грубой квадратной шляпкой, пробившими кисти и стопы жертвы. Он был больше похож на мертвеца, и только еле вздымающаяся исхудавшая грудь, обтянутая посеревшей кожей, указывала на то, что в этом полумёртвом теле ещё теплится жизнь. На груди у него на льняной нити висело вырезанное деревянное солнце, плешиво выкрашенная в синий цвет. Я посмотрел на его осунувшееся бледное лицо, а потом на Фабриса. Старик отрицательно помотал головой, и я тяжело вздохнул. Взявшись за нож, я приставил его к груди человека. Взявшись за рукоять обеими руками, я тяжело выдохнул и закрыл глаза. Одно движение и клинок легко прошёл меж рёбер страдальца, пробив слабо бьющееся сердце. Провернув нож внутри, я посмотрел в лицо человека. Его глаза немного приоткрылись, а грудь в последний раз содрогнулась от вдоха. Жизнь наконец покинула его.

— Снимите его и похороните по-человечески. — приказал я своим бойцам, а сам вернулся в седло.

Синее солнце на груди этого распятого человека было далеко не просто так. Это явно был знак, предупреждающий нас не идти дальше. Такое солнце использовал на своих штандартах прошлый король — Людовик Синее Солнце, а поскольку во всех частях королевства правили именно его наследники, то это определённо вызов и угроза для

правлящей династии Ларингии, и любого другого претендента на трон.

К сожалению, по своему пути мы встретили далеко не одно тело, и каждого кто остался жить, я самолично добивал. Такая быстрая смерть будет куда как предпочтительнее долгого истощения под холодными весенними ветрами. Всех из них мои бойцы похоронили, вырыв ямы в стылой земле.

Остановились мы примерно за километр от города. Ближе подходить было опасно, ведь внутри поселения вполне могли построить требушеты и заранее их пристрелять по ориентирам, чтобы прибить подступающего врага. Даже учитывая особенную «меткость» средневековой артиллерии, полукилограммовый булыжник, прилетевший в строй, мог выбить несколько человек из боеспособного состояния.

— Бернд, раскидывайте лагерь и вокруг поставьте частокол. «Шпоры», за мной!

Забрав с собой практически всю конницу, я двинулся ближе к стенам города. Почему я не хотел передвигаться всем своим воинством сразу? На это было две основных причины. Во-первых, конница сможет передвигаться куда как быстрее, а потому отступить в случае необходимости будет намного легче. Во-вторых, мне не хотелось заранее раскрывать всю имеющуюся при мне мощь. Да, наверняка в ближайшие часы о нас доложит кто-то из местных, но этого времени хватит чтобы моим бойцам возвести полноценный полевой лагерь, приготовившись к возможной вылазке из крепости.

Мы подскочили на расстояние в три сотни метров от первых домов «нижнего города». Он казался полностью покинутым, когда как на каменных стенах «высшего города» виднелись множественные фигурки его защитников. Я остановился и постарался сосчитать их количество, но когда цифра приблизилась к сотне, то я бросил эти жалкие попытки. Даже если там сейчас сотня на одной только стене, то неизвестно сколько смотрят на нас через узкие бойницы и сколько готовы к бою за крепостными стенами города.

Сама крепость была достаточно небольшой по сравнению с величественным Орлаёном. Её стены вряд ли достигали восьми метров в высоту, но казались дюже толстыми и от того крепкими. Только с нашей стороны стена, бывшая длинной метров в двести, имела четыре каменных круглых башни каждые пол сотни метров и даже две небольших башенки у единственных ворот, ныне закрытых. Рва здесь не было из-за плотного примыкания к одноэтажной застройке домов. Идти на штурм здесь будет очень сложно, ведь десятки бойцов могли засесть ещё пред крепостью. Вполне можно было пожечь эти дома, да дело с концом, вот только как к нам тогда будут относиться местные жители? Крестьянам, по хорошему, абсолютно плевать под каким предводителем им ходить, но вряд ли они будут относиться к нам с добром, если мы уничтожим их дома, в которых они могли жить целыми поколениями. Да и штурмовать при малом численном перевесе будет практически невозможно. Хотя, достоверно этого знать я не мог.

— Ты всё ещё хочешь брать этот город?

Ко мне подскочил Гантрам. Именно так звали главу «Бронзовых Шпор». Его имя мне стало известно только во время похода и тогда выяснилось, что пост главнокомандующего в их отряде переходит по наследству. Отца Гантрама убили три года назад и с того времени он управляет всадниками, хоть в седле и с мечом уже больше двух десятков лет. На удивление, не смотря на наши недавние стычки, он смог сдержать своих бойцов и многие даже стали приятелями с моими воинами, отчего атмосфера в нашем походе была достаточно дружественная. Мы угощали их элем, а они напитком, чем-то напоминающим ягодное крафтовое пиво, которое они привезли со своей родины. Он был кисло-сладким с

небольшим хлебным привкусом и, не смотря на необычность, сильно понравился моим бойцам, да так, что пришлось заставлять их переставать бухать оздоровительными звездюлями.

— У нас есть приказ, а приказ надо выполнять.

— Как знаешь...

Неожиданно городские ворота стали медленно открываться и оттуда показался одинокий всадник. Ворота открылись ровно настолько, чтобы туда протиснулся этот конник и как только он оказался за стенами города, то мгновенно закрылись. Человек прищипил коня и стал быстро приближаться. В одной руке он держал штандарт и на нём был изображён далеко не герб управляющей здесь семьи. На полотне вместо чёрного ворона был вышит серый замок на фоне толстой, извивающейся голубой нити, и всё это на тёмно-зелёном фоне. Всадник остановился в паре десятков метров от нас, попав на прицелы моих страдиотов.

— Зачем вы с войском прибыли под стены вольного города Корбинбурга?! У Рюгенда мир с Ларингией! — прокричал всадник.

Набрав побольше воздуха в лёгкие, я прокричал в ответ: — Этот город принадлежит королевству Ларингия. Именем его величества, короля Ларингии, Кловиса Солебец, призываю вас отступить! Оставьте город и можете уйти с войсками, знамёнами и оружием!

— Это вольный город и он не подчиняется приказам ларингийского короля! Уходите от наших стен или будет разбиты!

Как только последний звук вылетел из его рта, то всадник повернул коня и поскакал обратно за защиту городских стен. Его действия были исключительной формальностью, ведь обе стороны понимали, что отступать уже поздно.

— Значит война. — прошептал я себе под нос.

Вскоре мы вернулись обратно в лагерь, где мои бойцы вовсю трудились над фортификацией. Встали мы за лесом, а потому наши передвижения со стен города видно не должно быть. Конечно, дым от костров будет отлично различим на фоне неба, но это могло стать для нас преимуществом.

Как только я оказался в своём шатре, то созвал своих командиров и стал думать, как нам поступить. В окрестных лесах я выставил патрули, стараясь, как только это возможно, ухудшить разведку противника. В том что она точно будет сомневаться не приходилось, а потому нужно было противодействовать.

— Вадим, похоже мы изначально ошиблись. — проговорил Вирт, посматривая в сторону города, — Корбины не предавали Кловиса.

— Почему ты так решил?

— Клостер Корбин. Его тело я увидел на одном из крестов. Пару лет назад я видел его в походе против Ватанийцев.

— Ты уверен, что это был он?

— Да. Не смотря что этот Клостер худой будто проказой какой болел, но в одиночку половину кабана съел.

— Думаешь, что это восстали не они, а кто-то внутри их города?

— Очень даже возможно. Вполне может быть, что виновны в этом торговые дома, которым пообещали большие послабления в торговле и они с большим удовольствием подняли восстание.

— Впрочем, это не сильно меняет нашу задачу. Город надо взять и без разницы кто

именно восстал. Трупам больше восставать не будут.

Город нужно было взять как можно быстрее, ведь припасов и денег у меня сейчас было не очень уж и много. Потому сидение в осаде было далеко не для нас, да и окружить город с таким малым количеством бойцов было почти невозможно. Штурмовать мне тоже не хотелось, ведь даже если я возьму город, то при больших потерях, а мне его ещё и удержать необходимо. Так что в моей голове созрел план по тому, как можно хотя бы сократить число защитников без подставления под различные заострённые палки задов моих солдат.

Ночью войска на основной дороге насыпали небольшой земляной вал, укрепленный ветками. Утром, ещё до рассвета, мною в один из близлежащих лесов был отправлен отряд тартосцев. Многие из «шпор» протестовали супротив такого решения, но приказу своего нанимателя противиться не могли. Да, в лесу тяжело нормально спрятать кавалерию, но для меня это было сейчас необходимо. С Гантрамом мы разыграли сценку того, будто рассорились и он ушёл, забрав с собой своих конников. Всю свою пехоту и кавалерию я отправил ближе к городу и стал активно изображать упорную деятельность по созданию осадного лагеря. Делалось это с целью того, чтобы нашу деятельность увидели со стен. Прошло уже несколько часов, когда мы уже стали связывать штурмовые лестницы и я совсем отчаялся, полагая, что моя задумка закончилась провалом, но тут ворота стали быстро раскрываться. Из крепости стала быстро вытекать волна кавалеристов. За две минуты оттуда выскочило до пяти десятков конников и мною был отдан приказ к отступлению. От нас до кавалеристов было не меньше двух километров и до вала на дороге было всего пара сотен метров.

Мои воины оставили свои инструменты прямо на том месте, прямо там, где они были и теперь мы побежали. Всадники, почувствовав, что мы дрогнули, сильнее пришпорили коней. Мы, чувствуя дышащих нам в спину кавалеристов перебрались через бруствер и тут же рассыпались по сторонам. Кавалеристы на своих свежих конях перепрыгнули первый из насыпанных нами валов, подгоняемые скачущими за ними рядами и с вершины второго вала их встретили все три ствола моих пушек. В моём приказе не было нужды и через несколько мгновений их грохот сотряс мир. Одна сплошная плотная туча картечи из трёх стволов врезались в столпившиеся у спуска вала тела кавалеристов и их коней. Удар картечи был страшным. Отлитые свинцовые шарики рвали металл и плоть, людей и коней, лишая жизни всё живое, что представало пред ними. Крики умирающих и раненных стали симфонией этой битвы. Пушки затащили назад и из-за второго вала показались мои аркебузиры. Новый залп двух десятков стволов внёс ещё большую сумятицу в столкновение и обрушили былой боевой залп выскочивших на рейд защитников крепости. Несколько десятков тел пали, залив первый вал кровью и смертью. Конники в страхе начали отворачивать коней обратно в сторону крепости, но тут последний удар нанесли спрятанные в лесу тартосцы. Они возникли из леса и врубались в рассеянные ряды кавалеристов восставших. Их тяжелые мечи и топоры рубили дрогнувших врагов, пробивая доспехи и человеческое мясо. «Бронзовые Шпоры» бились профессионально и вскоре даже остатки хоть какой-то стойкости улетучились. Восставшие побежали и «шпоры» кинулись за ними, но я остановил их. Пусть сейчас ворота и открыты в ожидании отступающих и можно ворваться «на плечах» убегающих, но я осторожничал, ведь было неизвестно сколько там внутри противников.

Оставшиеся в окружении восставшие, завидев побег своих соратников, мгновенно сложили оружие. Мои бойцы мгновенно сковали их, оттаскивая в настоящий лагерь. Павших на склоне бойцов было целых два десятка, изрешечённых пулями, картечью и изрубленных

оружием. Ещё четверых мы смогли пленить и это было очень хорошо. Их поставили в ряд на колени прямым в грязь.

— Ну и зачем вы восстали, господа-товарищи? — спросил я пленников, ходя вдоль их ряда и подкидывая в ладони свой нож, — Я же вам предлагал оставить город и уйти с миром.

Трое из них молчали, сконцентрировавшись с грязью под ногами, но одному же, похоже, совсем не прельщало находиться в плену. Он взглядом искал мои глаза и всячески ёрзал на земле, пытаясь вывернуться в удобную позу.

— Господин! Господин! — крикнул этот человек, пытаясь подняться на ноги, — Я расскажу вам всё о крепости! Я проведу вас внутрь! Я расскажу всё-всё!

Стоящим рядом Вирт ударил его под колено, и пленник вновь рухнул на колени.

— Кто ты такой?

— Я Клод! Я наёмник из Пуржа! Прибыл сюда две недели назад. Я всё вам расскажу! — залепетал пленник, но сразу замолчал, когда я направил в его сторону нож.

На вид этот наёмник был далеко не из бедных. Его наполовину латный доспех не украшался никакой геральдикой, но следы многих боёв успели отличиться на металле, оставив множество следов. Вряд-ли он успел бы сорвать сюрко, а потому вполне мог говорить правду. Пурж же был одним из больших городов в Рюгленде, да и Клод говорил с акцентом тех недалёких земель.

— Сколько в крепости людей?

— Примерно четыре сотни. Половина из них ополчение. Остальные это личные дружины богатейших купцов и наёмники.

— Сколько в городе провизии?

— Месяца на четыре осады точно хватит. Торговцы говорят о том, что ещё к ним должен будет подойти караван с провизией из Рюгленда.

— Подкрепление вместе с провизией может прийти?

— Этого я не знаю. Всё может быть.

— Что с Корбинами?

— Тоже не знаю. Их гербы и штандарты сжигали, когда я приехал.

— Будешь жить. По крайней мере до завтрашнего утра. — похлопал я говорливого пленника по плечу.

Остальных пленников вызвался допрашивать Сезар, и я позволил ему это сделать. Этот бородач сможет раскусить даже самые крепкие языки, а потому ещё информации мы сможем скоро добыть. Чуть позже я ещё раз переговорил с Клодом и теперь картина была чуть яснее.

Оказалось, что в городе теперь верховодит совет из пяти самых влиятельных купцов, личные войска которых и совершили переворот в городе в одну из прекрасных ночей. Дескать они смогли ворваться в замок и либо убили там семейство Корбинов, либо заставили их замок покинуть. Никто этого достоверно не знал, но, похоже, оба варианта устраивали повстанцев. Дежурящие на стенах сменялись раз в четыре часа, а на каждой из башен одновременно несли службу до десятка человек. На наше счастье, сейчас за стенами не стояло ни одного требушета и мы могли подходить к городу достаточно безопасно на дистанцию выстрела лука. Печалило же то, что припасов в крепости было предостаточно и стрел им хватит на то, чтобы сделать из нас настоящих ежей не один раз. К тому же, никаких секретных проходов в крепость Клод не знал, а водой восставшие снабжались из внутренних колодцев и вынудить их сдаться от жажды будет просто невозможно.

Я стал задумываться над тем, как взять город. Мои пушки слишком слабы чтобы разбить ворота города, людей слишком мало для штурма, а припасов не хватит для осады. Конечно, можно подложить мину под одну из городских стен и подорвать, чтобы иметь хорошую пробоину для атаки. Вот только чтобы обвалить хоть один сегмент придётся потратить значительную часть нашего пороха. Защитники же вряд ли попробуют высунуться за стены ещё раз, ведь вряд ли там воюют идиоты, а потому они точно не купятся на наш манёвр с раздроблением войска.

Следующие пару дней я направлял своих бойцов на разведку, пытаюсь выискать хоть какое-то направление, где удар может стать наиболее эффективным и с каждым докладом мне больше казалось, что это просто-напросто бесполезно.

Вот только на третий день всё сильно изменилось. Утром, со стороны дороги на Рюгленд, в небо потянулись чёрные столбы дыма. Ни о каких союзных нам войсках в этой области мы ничего не знали, а потому это вызывало многочисленные вопросы. Я отправил туда несколько своих страдиотов на разведку, а сам приказал остальным готовиться к сражению. Очень мне не хотелось неожиданной атаки со стороны восставших, а потому даже на выставленные «секреты» не стоило возлагать всех надежд.

Вот только Вирт и его всадники вернулись не с врагами. В наш лагерь вошло два десятка человек. У каждого из них на груди было чёрному ворону. Похоже, что это были бывшие властители города, от которых осталось слишком мало, чтобы хоть что-то противопоставить купцам и их армиям. Все из них были матёрыми мужиками и одеты они были в облегчённые латные доспехи. Единственный, кто выделялся из отряда воинов был молодой парень полутора десятков лет, на верхнюю губу которого активно наступала подростковая растительность.

— Ваших рук дело? — кивнул я в сторону продолжающего тянуться вверх дыма, — И кто вы вообще такие?

Перед подростком, закрывая того своим телом, вышел немолодой мужчина с лысиной, которая сверкала лучше, чем начищенный и отполированный доспех, — Говорите вежливее! Вы обращаетесь к графу Лариону Корбину!

— Мне откровенно наплевать с кем я сейчас говорю. Вы находитесь в моём лагере и можете быть вражескими диверсантами в форме дома Корбинов. Чем вы докажете свою связь с ними?

Подросток рукой отодвинул своего защитника и стянул латную перчатку со своей левой кисти. У него на руке была отличительная примета всех людей корбинского рода — чёрный ноготь безымянного пальца. Такой мутацией в этом мире обладали только одни Корбины.

— Кто такие диверсанты? — спросил Ларион, возвращая перчатку на прежнее место.

Я мысленно отвесил себе увесистую оплеуху, но быстро нашёлся что ответить, — Шпионы. Так этот дым ваших рук дело?

— Да. Мы уничтожили караван с пищей для этих кровавых убийц. Они поплатятся за все свои преступления! — потряс кулаком Ларион.

— Конечно ответят. За тем я сюда и послан.

— Вас прислал король?! — глаза парня широко распахнулись, — До нас дошли слухи, что он отправился войной на свою сестру-узурпаторшу Сару, а с ним всё его войско.

— Мы вольный отряд на службе короны за звонкую монету, однако сейчас это не так важно. Мы должны вернуть город под знамя короны и под ваше правление. В ваших же интересах мне в этом помочь.

Графский лысый телохранитель громко дышал от злости и явно хотел мне высказать множество крайне нелицеприятных слов, но его вельможа жестом приказал молчать.

— Как я могу вас звать, сир?

— Я не сир. Зовите меня просто «Вадим».

— Хорошо, Вадим. Вы уже придумали как взять город?

— К сожалению нет. — помотал я головой, — У меня слишком мало бойцов, а ваш город хорошо укреплён. Пока что в поисках.

— Я знаю путь внутрь. — со всей серьёзностью сказал мне Ларион.

Глава 21. Чёрная ночь

Оказалось, что последний из Корбинов с небольшим отрядом смог покинуть город при помощи лаза, ведущего к заброшенным подземным туннелям под городом. Даже сами его властители не знали, откуда появились эти подземные коридоры. О их наличии знали только самые приближенные к семье графов люди, трое из которых сейчас были мертвы, а последний сверкал ныне лысиной на солнце. Это позволяло Лариону думать о том, что можно провести внутрь пару десятков человек и впустить внутрь остальное воинство. Такой план был не продуман и сильно рискован, ведь просчитать битву мы могли ровно для того момента, пока не достигнем коридоров. Что будет дальше — неизвестно. Вполне может быть, что кто-то из восставших обнаружил эти туннели и занял их в ожидании штурма. К тому же, эта операция должна быть крайне скрытной, а значит, много людей внутрь провести не получится. Максимум, так это впустить четыре десятка человек, где они будут в численном меньшинстве.

Я встал перед выбором. Это был хоть какой-то, но всё-таки план, но этот план мог мне стоить всего войска. Такой размен мне, мягко говоря, не нравился, но город был необходим. В ближайшей перспективе наш провиант иссякнет, да и деньги на содержание всех наёмников тоже не бесконечны. Значит решено — необходимо атаковать.

Подготовка к взятию города шла ещё три дня. Даже если получится запустить своих диверсантов внутрь города, у них вряд ли будут шансы вырезать войска восставших. Нам требуется биться сразу с двух флангов, а потому нужно действовать стремительно и непредсказуемо.

Не смотря на маломощность моих пушек, они должны будут сыграть чуть ли не ключевую роль в этом сражении. Я велел выставить их в малую батарею и сосредоточить огонь на воротах. Да, ядра их не столь большие, как могли бы быть, но при множественном и точном обстреле даже металлические ворота падут пред ними. Всю свою пехоту и вынутых из седла «шпор» пришлось выставить в две небольших баталии. Впереди были выдвинуты именно мои воины, ведь в их дисциплине и сплочённости я не сомневался. Тартосцы же были более привычны к конному бою, а потому пойдут второй волной. Терять собственных бойцов не хотелось, но было крайне важно как можно быстрее прорваться за ворота, чтобы не дать защитникам поставить вторую линию обороны.

Кого же решено было отправить в город через подземные туннели? Помимо бойцов Корбина было отряжено ещё два десятка моих бойцов, под предводительством Зефа и Бернда. Кто-то бы мог предположить, что я решил задуматься над тем, чтобы уничтожить прошлого главу отряда, но нет. Он был и оставался одним из лучших мечников, и в их важной задаче были нужны лучшие бойцы.

Атака была назначена на ночь. Казалось бы, решение очень логичное и естественное, ведь ночью никто не воюет, но такие атаки сейчас страшнее для самих атакующих, чем обороняющихся. Почему так? У нас нет ни разведки, ни приборов ночного видения, ни информации о том, в каком точно количестве и где расположен враг. К тому же в стычках с холодным оружием очень многое зависело от личных навыков бойцов.

Я стоял на насыпанном для пушек валу, смотря на городские стены. С них давно заметили все наши приготовления и ожидали битвы. Наверняка они думали, что атака начнётся на следующее утро, но им предстояло испытать немалое удивление. Луна уже

высоко поднялась на небосводе, а мои парни ушли полтора часа—, передвигаясь по большому крюку, чтобы исключить малейшую возможность их обнаружения. Наверняка они уже добрались, а значит — пора действовать.

Пушки были нацелены на ворота ещё днём. Правда, мы ещё ни разу не стреляли, а потому оставалось только надеяться на математические способности Мадира и корректировать огонь по ситуации. В последний раз я окинул взглядом выстроившихся бойцов, готовых прямо сейчас идти в бой.

— Огонь! — крикнул я.

Канониры поднесли зажжённые факелы к затравочным отверстиям своих орудий и через три секунды произошёл одновременный залп сразу трёх орудий. Грохнуло так, что в пяти метрах от крайнего орудия уши заложило напрочь, а землю перед пушками осветило. Всё заволкло дымом, но с моей стороны было видно, как два ядра попали в ворота, а третье врезалось в стену выше, попутно выбив парочку крупных камней. На стенах выстрелы вызвали шок. В свете факелов оттуда было видно, как люди шарахнулись в стороны, а их испуганный крик разнёсся по округе. Вот только ворота этот удар выдержали, лишь сильно сотрясаясь от каждого попадания.

— Левую ниже! — скомандовал я.

Через шесть минут пушки вернули обратно на позиции, направили на ворота, и, по моей команде, произвели новый залп. На этот раз все три ядра попали точно в цель, и я понял, что недооценивал до того силу их удара. Ядра, не смотря на ожесточённое противостояние им окованных ворот, изрядно их погнули. Ещё несколько таких же хороших залпов, и тогда мы точно сможем прорываться внутрь.

Пушки стреляли очень долго, и я уже стал внутренне разгонять себя, готовясь к предстоящей схватке. Ворота после каждого залпа всё больше и больше изгибались, норовя упасть в любое мгновение. Они станут для нас только первым препятствием, ведь такие крепости представляли из себя настоящие лабиринты, в которых можно потерять целую армию.

Канониры готовились к последнему залпу, но я остановил их. Со стен нас точно встретит залп лучников, а мне очень хотелось минимизировать потери. Я указал канонирам на башни у ворот, приказав ударить по ним. Пушкари послушно закивали подняли стволы своих орудий выше, сосредоточившись на одной башне. Один залп, и первая башня сложилась вовнутрь. Второй залп, и левая башня рухнула. На стенах, судя по мелькающим огням факелов, царила паника, и это меня радовало.

Последний раз я взглянул на своих бойцов. Самые бронированные из них сейчас держали в руках тяжёлые штурмовые лестницы, созданные специально для того, чтобы быстрее ворваться внутрь. Бойцы были преисполнены яростью и адреналином.

Не успели пушки ещё ударить в последний раз, как мы побежали вперёд. Я был на острие атаки, сжимая рукоять сабли настолько, что мне казалось, будто металл сжимался под силой. Адреналин безумно долбил в венах, разгоняя ярость до невозможности. Над нашими головами просвистели пушечные ядра, и под их ударом ворота «верхнего города» слетели с петель, со скрежетом падая на землю.

Я перепрыгнул остатки ворот и увидел, как внутри нас ждало всего два десятка испуганных воинов. Рядом с ними лежал мертвец, половина тела которого была вырвана с корнем. Рядом, описывая круги, пролетел метательный топор, воткнувшийся в шлем одного из повстанцев. В их строю образовалась брешь, и я этим воспользовался. Ворвавшись меж

двух копий, чуть не нанизавшись на холодную сталь, я подсёк ногу одного из смутьянов. Сабля глубоко врезалась в берцовую кость, и повстанец упал на второе колено, а крик его разрывал барабанные перепонки. Я тут же шагнул за спины остальных защитников, и в этот момент на них налетели мои бойцы. Бунтовщики были смяты практически мгновенно. Закованная в стальные панцири и оцетинившаяся алебардами лавина единым ударом снесла столь жидкую защиту, которая в другие моменты держать оборону могла очень долго. В воздух полетели отрубленные конечности, а мертвецы попадали на утыканную плоскими камнями землю. В нас тут же со стен полетели со стен стрелы и болты, а потому промедление были подобно смерти. Галереи стрелков не имели бойниц и были открыты, и это было как нельзя кстати. Вместо того чтобы долбиться во вторые ворота, которые не так-то и легко пробить, мы закинули на стены штурмовые лестницы, и, аки заправские пожарные, стали взбираться по ним.

Такой манёвр был шокирующим для защитников города. На галереях я оказался самым первым, и мой новый меч явственно желал крови. Стрелки успели схватиться за свои мечи, но это им мало помогло. Они были защищены только бригантинами и шлемами, а потому рубиться было в удовольствие. На узких галереях стрелков была бы сподручнее пшага, но и сабля позволяла продвигаться вперёд, пуская кровь каждому, кто либо не успел сбежать, либо осмеливался сразиться. Не прошло и нескольких минут, как галереи оказались зачищены, и мы устремились по обеим сторонам стен, растекаясь смертельными ручейками, пуская целые реки крови и устраивая праздник погибели.

Я, вытирая об сюрко окровавленную ладонь, посмотрел на главную центральную башню крепости. Она была самым высоким местом в округе, и занявший её отряд имел подавляющую высоту. На вершине башни горело три факела — это был сигнал, который указывал на то, что именно наши бойцы её заняли. Для её защиты хватило бы и десятка человек, но четыре десятка, до отказа нагруженных боеприпасами, станут куда большим геморроем в заднем проходе повстанцев, чем просто десяток разъярённых Корбинов.

Мы методично зачищали стены, убивая любого попавшего под руку. Брать хоть кого-то в плен было не только бессмысленно, но и опасно. Нам негде их держать, и нет уверенности в том, что они в самых неподходящий момент не вытворят что-то опасное, поэтому на небо отбывал каждый. Сказать, что это была мясорубка — не сказать ничего. Рубили, кололи, резали, ломали. Смертей было столько, что любой кровавый бог, смотря на эту битву, радостно потирал руки и плотоядно облизывался.

Стены были зачищены за час. Всё могло бы пройти куда быстрее, если бы не несколько небольших компашек повстанцев, закрепившихся на башнях, которые приходилось тяжело и с великим трудом выдавливать. Людей мы здесь потеряли немало, но даже для штурма их число было значительно меньшим, чем я ожидал.

Да, стены были взяты, и враг не досчитался многих своих воинов, но это было всего лишь частью штурма. Противник укрепился внутри стен в нескольких крепких строениях, каждое из которых могло выдержать упорную и продолжительную осаду. По-хорошему эти дома были маленькими крепостями из камня и бетоноподобного раствора. Однако штурмовать их я и не собирался. У меня было большое желание сохранить город в большей целостности, но каждый живой боец будет куда как важнее для меня. В случае чего, я не собирался держать город до последнего, и потому бойцы мне очень важны. Что же я решил сделать? При помощи тягловой силы моих бойцов и нескольких крепких верёвок, пушки оказались на стенах, направив свои стволы на стены этих самых крепостниц.

Пред тем как заговорят пушки, я решил попытать счастье в дипломатии. Не снимая доспеха, я подошёл к одному из занятых домов, держа в руке белое полотнище. Даже в ночной темноте я был отлично виден, а потому встал перед одним из узких окон-бойниц.

— Вы окружены! Сдавайтесь и я позволю вам жить! — крикнул засевшим в доме повстанцам, — У вас времени до того, как я досчитаю до сотни.

С этими словами я отошёл на несколько десятков шагов, начиная свой отсчёт. Если на первой минуте у меня ещё были хоть какие-то надежды на то, чтобы остановить смертельную схватку, но всего через несколько секунд любая надежда рухнула. Я просто дал отмашку, и обтёсанные каменные ядра устремились в стены осаждённых домов. Они были и вполнину не настолько крепкими как стены крепости, а потому даже один залп превращал здание в жалкие обломки. Порохом я запасся изрядно, и дал ещё и второй залп, превращая повстанцев кровавую взвесь.

На этом бой практически окончился. Оставшиеся в крепости наёмники врага практически на блюдечке принесли мне восставших торговцев. Для наёмников врага бой был бесполезен. Я предложил им мир и жизнь. Это был не их дом, а потому умирать за практически павший город было бессмысленно.

Итак, город был взят. Хотя мы и оставили здесь немало погибших своих людей, но даже так этот дерзкий манёвр был слишком рискованным. Почему мы решились на это? Виной гибели множества повстанцев был предавший их Клод. Именно он, после обещания ему не только жизни, но и офицерского места в моём отряде, рассказал нам внутреннее устройство крепости. Получил ли он всё ему обещанное? Не совсем... Да, он остался жить, но пока что находился в цепях в нашем лагере. По крайней мере не мёртв, и ладно.

Город взят, но что делать дальше? В ходе штурма мы потеряли полсотни пехотинцев. Почти половина умерла из-за того, что в темноте они просто рухнули со стен. Печально, но такова цена ночного штурма. Противник же потерял почти в три раза больше — сто сорок четыре человека. Оставалось ещё много врагов, но случилась небольшая проблема для обороняющихся. Согнанное ополчение, узнав о том, что к ним в скором времени не придёт караван с продовольствием, оперативно из крепости сбежало, взяв нахрапом вторые ворота крепости и рассеявшись по окрестным деревням и весям. Их сопротивление было бессмысленным, ведь их земли я не разрушал, и даже смог удержать наёмников от грабежа, что было ой как не просто.

Что же мне теперь делать со сдавшимися наёмниками? Пока что особых средств для набора новичков у меня нет, да и их никто из моих бойцов не знал. Вполне возможно, что эти ребята в трудный час также предадут меня, как этих нерадивых революционеров. С другой стороны, моё войско понесло потери и восполнить их было бы не лишним. Очень даже может быть, что в этот момент к занятому мною городу уже выдвинулось войско рюгендских домов, а их мобилизационные мощности многократно превышают мои. К тому же, стоит проверить здешних купцов на наличие нычек с серебром, да золотом. У людей, что решились выступить против своего сюзерена, точно должны быть деньги в заглазнике. Так что, пока стоит попридержать этих наёмников при себе.

Пока часть моих людей перевозили лагерь вовнутрь стен крепости, а другая охраняла пленных, я старательно обходил свои новые владения. Да, у этого города как бы есть юридический хозяин в виде семейства Корбинов, но у меня были серьёзные сомнения в том, что этот шкет, со своей потрёпанной компашкой, сможет удержать целый город. Так что, своим именем я провозгласил себя временем властителем Корбинбурга. И в моих владениях

определённо не хватало одних ворот. Я стоял у того, что раньше называлось «ворота». Сейчас это больше напоминало два металлических решета, выгнутых к середине и с небольшими вкраплениями дерева внутри. Определённо, их было просто нельзя вернуть на место, а потому вставала немаленькая проблема. Конечно, можно было относительно быстро поставить какую-то замену, но получится ли таким воротам долго выстоять? Определённо нет, а это было крайне необходимо. Нельзя было надеяться на авось, ведь при выбитых воротах никто нам не сможет гарантировать, что враг не повторит наш резкий манёвр и точно также не ворвётся на галереи стрелков. Нужно будет что-то делать.

В остальном крепость была действительно основательной. Восставшие подготовились и собрали очень много боеприпасов, камней, масла, дротиков, доспехов, мечей и копий, но крайне сильно облажались с провиантом. В закромах мы смогли найти всего несколько мешков, полных зерна. Я насчитал всего полтора десятка мешков, каждый из которых вмещал в себя примерно по половине центнера. Для армии, примерно в четыре сотни боевых рыл, этого слишком мало, так что ошибку восставших придётся решать мне. Как решать? Вопрос донельзя хороший. Для начала стоит досконально проверить дома восставших торговцев, и, по возможности, заняться одним из любимых народных забав — экспроприацией имущества буржуев. Впрочем, для обычных крестьян, я, как владелец нескольких мастерских, тоже являюсь буржуем, но эту деталь мы опустим. Этой самой экспроприацией мы и занялись — прямо сразу же. Новость о наличии в закромах восставших чего-то ценного взбудоражило моих наёмников и те, без моих комментариев, перевернули все уцелевшие и не очень дома.

Я оказался прав. Пленные торговцы оказались большими любителями различных фальшивых частей домов, из-за чего пришлось буквально по миллиметру выстукивать каждую полочку, каждую половицу, каждый кирпичик, пытаясь выискать их тайники. Один очень хитрый даже умудрился меня крайне сильно удивить. Он использовал не просто тайные рычажки, кнопки, тумблеры. Он умудрился каким-то образом использовать магниты, не особенно распространённые ещё в здешнем мире. Сначала, кто-то из рыскающих бойцов обнаружил в трещине прямо над канделябром, лежащий там небольшой, но мощный магнит, которым мы протыкали каждый миллиметр дома, по счастливой случайности обнаружив скрытый проход, замок которого открывался этим магнитом. Клад того стоил, и мы обнаружили не только набитые провиантом закрома, но и несколько сундуков с драгоценными металлами.

Почему я просто не допросил этих торговцев? А я допросил, и делал это с невероятным пристрастием. Но что важнее барыге: его жизнь или богатства? Выбор очевиден — второе. Так что, как бы Сезар не старался, но нам не удалось узнать нужное. Правда, к концу нашего тотального обыска, моё желание зарубить торгашей дошло до максимума, но здравое мышление мне кричало о том, что этих пленников можно будет выгодно передать в руки Кловиса, заработав себе тем самым ещё больше очков доверия.

Рассвет я встречал на стене крепости, смотря в сторону Рюгенда. Казалось бы, крепость занята, и самое сложное уже позади, но что-то мне подсказывало, что этот дерзкий штурм мне ещё ой как аукнется.

Под нашими стенами бойцы, уставшие после тяжёлого дня, складывали тела погибших врагов в кучу, прямо на настиле из брёвен. Наших же воинов мы со всеми почестями хоронили. Я приказал хоронить их как дворян — с оружием в руках, хоть большинство из них статусом были чуть выше, чем «ничего». Впрочем, мне было неважно, кто они в

средневековой иерархии. Главным было исключительно то, что они пали, идя за мною в бой.

Погребальный костёр стал мало по малу разгораться, пока с востока стал подниматься кровавый восход, окрашивающий все окрестные земли в красный цвет.

Глава 22. Речные гости

Следующий месяц всё было относительно спокойно. Крестьяне и горожане, поняв, что мы пришли не за их пожитками, стали споро возвращаться в свои дома и на поля, уже заждавшиеся крепкой крестьянской руки. Страх страхом, но никто вместо них самих, на жизнь не заработает, ведь до изобретения социальной поддержки в этом мире ещё веков восемь. Город и окрестности стали потихоньку оживать, а мы не сидели на месте. Опыта в удержании укреплений у меня ещё не было, но ждать у моря погоды было бессмысленно и даже опасно. Потому старался хоть как-то улучшить обороноспособность города. Начали с создания новых ворот. Среди моих парней были бывшие плотники и даже кузнецы, но сладить что-то нормальное практически на коленке было невозможно. Потому этот заказ отправился к местным мастерам, изрядно обрадовавшимся от названной за выполнение работы оплаты. Всё же в кризисные времена любой заработок — счастье. Потом было переоборудование стрелковой галереи в рукаве крепости за воротами. Ещё слишком свежи были воспоминания о нашем штурме и полные ужаса глаза стрелков повстанцев. Не хотелось мне допустить тех же потерь, что понесли при обороне бунтовщики, а потому открытая галерея спешно стала закрываться деревянными щитами с небольшими прорезями-бойницами. В конце возникла мысль о том, что нужно бы выкопать перед крепостью полноценный вал, но суровая реальность и отсутствие достаточного количества шанцевых инструментов меня остановили.

Пришлось перенаправить всю свою энергию в несколько другое русло. Проблема с провиантом была не решена и нужно было срочно что-то делать, а иначе я окажусь в ситуации Велизария при отбитии Рима. Я бы с радостью принял бы к себе любого торговца-маркитанта, но те, видимо, в полном составе сейчас шлялись где-то за армией Кловиса. Так что пришлось мне отправлять фуражиров по деревням и окрестным лесам в поисках пропитания. Разрешено было бить даже оленей, охота на которого раньше считалась исключительно прерогативой короля. Тем, кто отправились по деревням, было дано указание выкупать всю предложенную им еду в рамках демократичных цен, но особенно не наглеть. Также караван был отправлен в сторону Орлаёна всё с той же целью. Благо, плата за наши подвиги, прибыла чуть раньше и теперь мы были снабжены средствами к существованию в золотом эквиваленте.

В крепости сидеть я не хотел. Да, за крепкими стенами «верхнего города» куда как безопаснее, но слишком сильно мне на мозги капал личный охранник последнего из Корбинов. Он считал своей истинной целью, в каждый удобный и не очень момент, напоминать мне о том, что в городе я не правитель и стоит бы напрямую подчиняться его молодому господину. Ничего он этим так и не смог добиться, но с неистовым упорством продолжать выполнять свою «важнейшую» задачу.

Именно из-за их надоедливости я решил направиться в сторону границы с Рюглендом, взяв с собой дюжину воинов на конях. С большим количеством бойцов передвижение будет слишком заметным, а при меньшем о безопасности и думать не стоит.

Понятие «граница» в средневековье было термином достаточно эфемерным. Если в моём времени всё предельно понятно вплоть до миллиметра и до каждой травинки, то здесь граница складывалась исключительно по природным объектам и поселениям, вместе с обрабатываемыми ими площадями земли. Даже так она не была статичной из-за

особенности водных объектов изменять своё русло.

Тем не менее город был всего в тридцати километрах от границы и это было очень опасно. Даже достаточно немалая конная армия сможет пройти такой путь всего за день. Да, простая кавалерия вряд ли сможет организовать полноценную блокаду нашей крепости, но всё равно в этом факте было мало приятного. Наверняка, если я буду сидеть в крепости безвылазно, то рано или поздно нас либо оттуда выдавят, либо заморят голодом внутри. Так что нужно будет воспользоваться всеми выдумками «активной обороны».

Оказалось, что граница наша простиралась по небольшому речному притоку, который вполне можно было бы пройти и вброд, если продвигаться без обоза, но времена, кога войска могут передвигаться без значительного обоза ещё не пришли и уже закончились, ведь понятие античной регулярной армии исчезло, а местный Наполеон родится не успел.

Мост через реку тоже был, и мост более чем хороший. Крепкий, сложенный из округлых камней с бетоноподобным раствором и явно находящийся под постоянным бережным присмотром. При желании можно будет подвести к мосту этакий маленький брандер — лодку, начинённую порохом для подрыва. Точно надо будет так сделать, как только узнаю о сборе рюглендского войска! Почему не взорву сейчас? Война войной, но жители по мою сторону притока продолжали торговать со своими соседями. К тому же многие имели меж друг другом родственные связи по обе стороны притока, ведь между Рюглендом и Ларингией был долгий мир ещё с того момента, как некогда дикие племена здешних земель успокоились и реформировались до Домов. Да, небольшие стычки и подкреплённые сталью недовольства всё же были, но нынешняя ситуация была совсем иной и чувствовал это каждый, кто был способен хоть немного размышлять.

Смотря на противоположный берег притока, в голове мелькнула шальная мысль о том, чтобы спровоцировать противника на атаку первому, путём рейда весёлых конников с саблями наголо по их деревням, но практически сразу пришлось отменить её ввиду и так малого моего контингента. Тем не менее, мост всё же стоит будет подорвать в случае атаки. Благо, в нескольких километрах других переправ нет и в ближайшее время не предвидится.

Это был мой последний спокойный день.

По возвращению меня ждали не самые приятные вести. Один из торговцев, до того бывший в плену, смог выбраться на волю. Торгаш оказался ещё более хитрым чем я ожидал. Этот рискованный товарищ раздобыл где-то пузырьёк с каким-то отваром, который отправил его в подобие летаргического сна. Мои парни, ввиду ли милосердия, ввиду ли глупости, но вытащили его за стены крепости и кинули в одну из ям, которые были заранее выкопаны для трупов. Вот только через пару часов его уже там не было, а про отвар рассказал мне Фабрис. За торговцами следили одни из самых верных мне бойцов, и я был уверен, что перекупить их было нельзя. На всякий случай я дал им командирского нагоняя, чисто для профилактики. В этот же день державшие раньше замок наёмники насильно были отправлены в Орлаён. Поиски же сбежавшего торговца ничего не дали, и отправленные конники вернулись ни с чем.

С того дня я сидел словно на иголках. Мою крепость окружали заселённые дома и пристрелять пушки без лишних гражданских жертв будет невозможно. Бернд, выступая как самый рациональный человек, призывал насильно выгнать тех из домов. Тут он был прав, но я не решался так поступить, желая получить как можно больше лояльности от подданных семейства Корбинов. Однако с ещё большим усилием приказал работать над тем, чтобы производить боеприпасы. Болтами и стрелами уже и так были забиты все склады, но моя

параноя всё больше управляла моими решениями. Мадир усиленно варил порох, пополняя наши исхудавшие запасы, воняя своими химическими работами на всю крепость. Добыча селитры была очень вонючим производством, но даже это можно было перетерпеть, зная преимущества пороха.

Ещё через пару дней появились новости о том, что к мосту подошёл вражеский отряд с явным намерением занять переправу. Это было моим явным проколом. Мало того что я великодушно оставил мост целым, руководствуя далеко не своей выгодой, а несвойственным этому времени гуманизмом, но и не додумался возвести там средневековое КПП. Эту проблему нужно было решать и делать это срочно. Если эти гости из Рюгенда закапаются в землю, то шансы их выбить оттуда с каждым часом будут всё сильнее сводиться к нулю.

Сию новость мне принесли торговцы, которых на этом мосту эти самые рюгендцы и развернули. Достаточно информации о том, сколько же там войск и насколько сильно они успели там окопаться дать они мне не смогли. При недостатках сведений действовать опасно, но вся эта моя кампания была одной сплошной авантюрой, так что всё в порядке вещей.

Я призвал своих кавалеристов. Решено было взять с собой всего три десятка человек, которых должно быть более чем достаточно для быстрого наскока. Недолго думая, было выработано решение воспользоваться изобретением чёрных анархистов Махно. Пулемёта «Максим» у меня не было, но и пушка в средневековой адаптации сойдёт. Выбрав самую крепкую телегу с усиленным железными полосами корпусом, впятером мы туда водрузили пушку. При этом с нас сошло по семь потов, но дело было сделано. Нормально установить угол наклона при стрельбе здесь получится только с помощью подбития под орудие клиньев. Можно было бы взять и нормальный лафет, но моя ставка была именно на подвижности и манёвренности нашего отряда. Впрочем, одной такой пушки нам хватит, чтобы разломать деревянные укрепления, а другие возвести рюгендцы точно не успели.

Выдвинулись мы ночью. Да, бойцы мои были уставшими, но это необходимо, чтобы ударить прямым перед рассветом. Передвигаться в ночной тьме было тяжело, да и я приказал использовать как можно меньше факелов, дабы сохранять скрытность при передвижении, что могло быть чревато при форсированном марше солдат.

Пока мы скакали, то я прорабатывал все возможные исходы этого похода. Будет ли наш наскок неожиданным? Может быть. Встретят ли нас градом из арбалетных болтов и стрел? Очень вероятно. Сможем ли мы спокойно подойти к стенам? Да хрен его знает. Вот только если по итогу нас встретят «огнём», то придётся тут же отступать. На серьёзный бой я сейчас точно не рассчитывал и с моими силами вступать в такую сечу будет проблематично.

Мы скакали быстро, чуть ли не загоняя коней, пытаюсь добраться до моста как можно быстрее. Бедный Марид, неистово трясясь в телеге, пытался подпалить затравочный шнур кресалом. Искры летели куда угодно кроме фитиля, заставляя южанина активно рассказывать, что он сделает с человеком, который придумал эту ночную вылазку, то есть со мной. Я не злился на него, прекрасно понимая, что он изобретатель, а не воин и такие ночные тревоги для него в новинку. Тем не менее никто лучше этого южанина не знал, как работать с пушками. В моём плане нужно очень быстро оперировать с орудием, а потому никто из его подмастерьев не сможет достичь необходимого результата.

До моста мы добрались практически перед самым рассветом, когда на востоке стал активно подниматься горячий красный шар. Остаточная ночная тьма ещё продолжала нас скрывать и нужно было этим пользоваться. До возводящегося пограничного поста было

всего метров триста-четырееста и с наспех сколоченной дозорной башни нас видеть были не должны. Один из бойцов с трудом развернул телегу, и подмастерья южанина стали подбивать клинья под лафет пушки, подводя ствол орудия под нужный для выстрела уровень.

Мадир, спустя бесконечное количество попыток, наконец смог воспользоваться подарком Прометея и фитиль занялся огнём. С поста наверняка заметят одинокий огонёк прямым на дороге, но станет ли это причиной для тревоги? Для нормального караульного этого больше, чем нужно, а потому уже сейчас все должны встать «под ружьё» и подготовиться к скорой атаке.

Южанин посмотрел на меня, и я утвердительно кивнул ему в ответ. Он приблизил горящий факел к короткому фитилю пушки и тот быстро зашипел, источая запах жжённой конопли. Никакого приятного эффекта не была, а ещё хуже станет людям, которые получат шаровидный каменный подарок.

Разрывая ночную тишину на тысячи мелких осколков, пушка рывкнула цербером, заставив жалобно застонать телегу под ней. Лошади, ошарашенные таким громоханием, пробившимся сквозь ватные затычки в ушах, попытались побежать вперёд, но бойцы с большим усилием смогли их остановить. Каменное ядро просвистело и лихо врезалось в забитый частокол из свежесрубленных брёвен. Ядро разнесло забор в щепки и внутренности КПП окатило деревянной осколочной «шрапнелью», а сторожевая вышка рухнула на землю, закрывая территорию деревянной завесой. С той стороны слышались ужасающие крики, и мы пошли в атаку с оружием наголо.

Частокол ещё не был достроен, и наша атака, начатая после страшного выстрела, оказалась крайне эффективной. Мы ворвались на пункт, сея смерть. Ошарашенные атакой неизвестного оружия, рюглендцы не смогли собраться с мыслями и оказать организованное сопротивление. Некоторые из бойцов попытались нам что-то противопоставить, но эффект неожиданности низвёл все попытки противостояния до нуля. Кровь залила берег притока и рюглендские бойцы быстро начали отступать. Отпускать вражеских воинов в мои планы не входило, и я приказал своим страдиотом стрелять в спины. Рюглендцы попадали на каменную мостовую, а остальные побросали оружие. Это не стало для них ключом к жизни и мои кавалеристы чётко следовали приказу «пленных не брать».

Наш берег был быстро зачищен, но с той стороны оставалось видно, как бойцы Домов собираются в контратаку. Допустить этого было нельзя. Наёмники подвезли телегу с пушкой, а Мадир и его подмастерья уже успели перезарядить ствол, затолкав туда мешок с каменным дробом. Прицельно бить на тот берег им было бесполезно, но если кто-то упрямо и по тупому пойдёт в атаку через мост, то кровь, мозги, мясо и все остальные приятности войны точно будут обеспечены в оптовом количестве.

Пока я с кучкой бойцов наращивал небольшую баррикаду, то остальные, уйдя за зону обстрела, оперативно мастерили плот из нескольких толстых деревянных прутьев. Искать сейчас лодку было очень поздно, а потому придётся пользоваться самым примитивным из всех плавательных средств.

— Ну же, уроды! Давайте, падлы, подходите ближе! — едко шептал я себе под нос, прижимая деревянный приклад аркебузы к плечу, оперев её о какой-то высокий деревянный ящик.

Похоже, что мой мысленный призыв дошёл до рюглендцев и те с боевым кличем побежали по мосту, предварительно обстреляв нас из луков и арбалетов. Мост в длину был всего метров двадцать и добежать до нас им было недолго.

— Прихгнись! — заорали сзади.

Тело сработало куда быстрее мозга, и я прижался к земле. Бабахнуло, сотрясая землю, а в ушах зазвенело. Я вновь схватился за аркебузу и поднялся. Стрелять было не в кого. Наступающих пехотинцев, до того заполонивших мост, будто просто сдуло единым порывом, оставив только корчащиеся трупы и размазанную повсюду кровь. Каждая каменная дробинка была размером с косточку абрикоса и ей, летящей со скоростью в несколько сотен метров, не было проблемой пробить закрытую панцирем грудь или прошить насквозь несколько шлемов.

Второй выстрел ещё сильнее понизил боевой дух рюглендцев, загнав тот прямиком под плинтус. Моей пушке надо перезаряжаться очень долго, но почему-то я был отчётливо уверен в том, что пока что в очередную атаку они не полезут. Даже постоянно ведущийся обстрел из луков на время прекратился. Я не отрицал, что дроб мог улететь за несколько сотен метров, а потому и лучники притихли. Адреналин кипел в крови, выворачивая мышцы наружу и заполняя их неисчерпаемой энергией, которой ещё не было выхода.

— Готово! — закричали сзади.

Бойцы наконец справились с созданием плота и даже смогли привязать к ним несколько бочонков чёрного дымного пороха. К одному из концов плота была привязана длинная верёвка, отрезком метров в десять. Я подхватил один из привезённых нами в телеге щитов-павез и стал прикрывать носильщиков плота. Пробежка до берега притока оказалась трудной. Врезающиеся в тяжёлый щит стрелы барабанными палочками били по натяжённым нервам, отчего пальцы приковались к рукояти. Двоих моих ранило и второй рукой я подхватил плот, оказавшийся весьма увесистым. Фитиль у одной из бочек тлел и длинны оставалось всего на половину минуты. Мы скинули плот в воду, и я стал активно развязывать верёвку, надеясь на то, что течение сможет вывести плавсредство под нужную опору. Одна из стрел ударила в мой защищённый шлемом лоб и ощущение было, будто огрело меня мешком асбеста. Я размотал последнее кольцо верёвки на моём локте, чувствуя, как изображение пред мной «танцует». Взрыв оказался неожиданно мощным.

Большой каменный осколок опоры отлетел от взрыва и ударился мне в щит. Основная мощь пришлась на умбон и щит едва не раскололся, но я моментально оказался на земле. Меня подхватили под мышки и быстро потащили назад. Стрельба вновь прекратилась и наступила относительная тишина. Только скрежещущие и трескающиеся камни моста обвалились в воду. Хоть боль и разрывала мою черепушку, но внутренне я радовался. Эта дерзкая вылазка оказалась удачной и потому мы выиграли себе немного времени.

Меня закинули на телегу рядом с давшей последний залп пушкой, и небольшое войско тронулось. От пушки до сих пор шёл жар и воняло стгоревшим порохом, забивающим ноздри смертельным смрадом. Я старался держаться в сознании, сосредоточившись на испуганном лице Мадира, нависшим над мной и что-то беззвучно лопочущего на своём языке, но боль в голове оказалась в разы сильнее меня.

Глава 23. Корбинбургская резня

Очнулся я только внутри крепости. Кто-то заволок меня на кровать и заботливо укрыл тёплым пуховым одеялом. Я попытался было встать, но острая боль невероятно сильно резанула от виска до виска, заставив вернуться в исходное положение. За окном была ночь, а в комнате, уснув прямоком в кресле, сидел Рубен, мирно при этом сопящий. Было такое ощущение, будто по голове меня огрели пудовой гирей, и ощущение далеко не из приятных.

Я прикоснулся к своей головёшке. Она была замотана какой-то тряпицей, хрустящей от прикосновения пальцев. Не помню, чтобы меня успели задеть в голову, но осколки от взрывов мало когда бывают предсказуемы.

— Рубен, доложись!

Крик мой прорывался будто через наждачку, сменившую привычное мне горло. Я зажмурился от боли, но мой молодой секретарь всё же проснулся. Он помотал головой, страшивая последние капли сна.

— Капитан, вы очнулись?! — радостно крикнул Рубен и его голос резанул по ушам.

Я поднялся на локтях и протянул в сторону сокольничего руку. Тот вложил мне в ладонь деревянный стакан, полный прохладной воды. Я с удовольствием влил его в себя и упёрся взглядом в Рубена, который, наконец, принялся исполнять приказ.

— Вас ранили три дня назад. Рюглендцы перешли приток и сейчас их армия под нашими стенами. Они разбили осадный лагерь, заняв часть домов в «нижнем городе», и точно готовятся к штурму.

— Сколько их?

— Не могу сказать точно, но примерно четыре тысячи. Почти все из них либо наёмники, либо личная кавалерия домов, и долго они стоять не собираются.

А я планировал хоть немного попартизанить... Впрочем, раз уж вышел из строя, то придётся действовать дальше исходя из нынешней ситуации. Я, опираясь на плечо Рубена, всё-таки смог подняться и накинуть на себя стёганную куртку. Надевать её было сложно, ведь перед глазами изображение танцевало кан-кан. Вот только выходить совсем без защиты точно будет чревато ещё большими травмами, и тогда крепостью управлять будет невозможно.

Рубен, продолжая придерживать меня за плечо, провёл по стене прямо к Бернду. Тот стоял, опершись о зубцы, и смотрел на развернувшийся вокруг нашей крепости лагерь. Я встал рядом и присвистнул. Множество костров сливались в единую стену огня, внушая страх и трепет. Их были сотни, если не тысячи, и у каждого из них располагалось по несколько противников. Сила просто огромная. Мне сложно было даже представить, сколько же золота Рюглендцы потратили на то, чтобы собрать всю эту силу в одном месте, а ещё больше пугало ожидание того, что они пойдут на штурм.

— Они строят башни.

В голове живо собралась картинка того, как сотни рюглендцев по лестницам и с помощью башен лезут на наши стены. Их лиц я не видел, но явственно чувствовал их неисчерпаемое желание убивать, уничтожать дерзких наемников, посмевших перейти дорогу их господам. По ушам ударило звоном стали, а нос поразил "прекрасный" амбре из горячей плоти, дымного пороха, свежей крови и только что выпущенных кишок.

Я помотал головой, быстро сгоняя наваждение. Неожиданно вспомнился некромант с

его мертвым войском. Хотя, точно ли это был некромант? Сильно сомневаюсь. Но сейчас не об этом. Некромант угроза иллюзорная, а вот рюглендцы — настоящая, на расстоянии двух выпущенных стрел. Нужно было придумать как от них избавиться. Спросить совета у Бернда? Вариант хороший, но я был уверен, что и так знал его предложение. Наверняка он предложит нам просто сдать крепость за несколько плотно набитых звонкими монетами сундуков. Так вполне себе можно поступить, но тогда в Ларингию нам вход будет заказан, да и согласятся ли на это наши речные гости? Всё же мы уже успели с ними закуситься, и с ощутимыми жертвами.

— У них есть башни, у нас — пушки. Намек понятен? — парировал я Бернду, продолжая прокручивать в голове все возможные дальнейшие исходы.

Исходы эти были отнюдь не радостными. Некогда закрепившаяся в сознании уверенность неожиданно пропала. Явно прослеживалось отсутствие у меня опыта в защите крепостей. Вполне возможно, что после первого же штурма придётся бросать оружие и поднимать лапки кверху, сдаваясь на милость победителя.

— Пусть даже и так, но ты же понимаешь, что парни умирать здесь не захотят?

— Бернд, я хоть и молодой, но не такой уж дурак. Если поймём, что крепость не удержать, то ноги в руки и бежать.

— Не прогадай, друг, не прогадай.

Днём я стал чувствовать себя куда как лучше, и на стене оказался в полном облачении, не рискуя получить шальную стрелу себе промеж глаз. Рюглендцы же продолжали суетиться под нашими стенами, активно строя всевозможную осадную технику. Очень меня радовало то, что у этих ребят не было пушек, ведь тогда в защите крепости не было ни единого смысла.

На глаза мне попала группа жителей побережья Рюга. Их было трое, и они вовсе не боялись нас, стоя в двух сотнях метров у одного из домов. Предводительствовал у них какой-то дворянин, пальцем указывающий на нас. Как я его определил? Даже самые вычурные наёмники не пользовали перья в своём доспехе, а этот умудрился воткнуть аж целых три красных пера, отчётливо различимых даже на такой дистанции. То ли от бессилия, то ли от его вычурной храбрости, но этот рюглендец меня изрядно взбесил. Я приказал подвести сюда одну из гаковниц. Она быстро оказалась в моих руках, и я зацепил крюк этого ружья за край стены. Похоже, что дворянин увидел это, но не сделал ни шагу, только картинно рассмеявшись, положив ладонь на латный живот.

— Вот сволочь! Ещё и издевается! — изумился я и зло ухмыльнулся.

Я прицелился и жестом приказал Рубену подпалить гаковницу. Длинная труба ухнула, ударив крюком в каменную кладку. Свинцовая литая пуля со свистом улетела в цель, и попадание было очень эффективным. Она просто разнесла черепушку дворянина, окрасив стоящих подле него воинов красной кашей, после чего закопалась в землю.

Урок рюглендцами был усвоен быстро и хорошо, хоть и пришлось пролить «голубую» кровь. После смерти этого дворянина они перестали приближаться к крепости ближе, чем на двести метров. Я мог стрелять бы и дальше, благодаря длинному стволу и изрядному заряду пороха, но точность уж слишком сильно снижалась, а тратить припасы попросту не хотелось.

Ещё с неделю они провозились под нашими стенами. Похоже, что инженеры у них были дюже толковые, а потому мы видели уже четыре громадины осадных башен, возвышающихся над городскими домами. Каждая такая башня была с пятиэтажный дом, и неискушенному

зрителю внушала немалый трепет. Я был из таких, а потому эти башни, обитые вымоченными шкурами, казались очень опасными. Бить по ним из пушек будет сложно на такой дистанции, но решать вопрос стоило как можно быстрее.

Башни они благоразумно разместили в нескольких сотнях метров. Чтобы не тратить на них драгоценные ядра, было решено действовать дерзко. Всё же в моих жилах текла кровь партизан, и различного рода диверсии, можно сказать, перешли в генетической памяти.

Для вылазки было выбрано всего пять бойцов. Пять самых верных мне наёмников, каждому из которых я мог доверить свою спину. Фабриса, Бернда и Сезара пришлось оставить в крепости, ведь для отряда, в случае моей смерти, они будут просто необходимы. Бернд точно сможет договориться с любым из рюглендцев и сохранить наших в безопасности.

Вместе с собой мы взяли несколько глиняных бутылей, в которые была разлита горючая жидкость, а горловина заткнута тряпицей. Этаким средневековый аналог «коктейля Молотова» состоял из смеси растительного масла, жира и доброй доли пороха. Такая хреновина будет гореть несколько хуже финского изобретения, но нам должно хватить. Эти бутылки мы засунули в кожаную сумку на плечах Рубена. Да, этого мальчика я тоже взял. Он был достаточно вертким, и за последнее время поднаторел в битве с мечом в руках. Вот и отправились мы через подземные туннели по своим тёмным делам. Этот туннель мы порядочно забили порохом, готовясь в нужный момент завалить его.

Пробираться пришлось кустами да оврагами. В темноте было очень страшно, и двигались мы с такой скоростью, что по сравнению с нами черепаха была болидом «F1». Мы замирали от каждого шороха, вплоть до того, что лежали в кустах по несколько бесконечно долгих минут. Потому мы расстояние в два километра прошли за целых четыре часа, когда рассвет активно отвоёвывал свои позиции.

Последние несколько десятков метров мы прошли в полный рост. Это было куда как безопаснее, ведь ходящий в полный рост отряд будет менее подозрительным, чем крадущееся на корточках компашка.

— Эй, вы! — окрикнул нас кто-то из темноты, — Что вы здесь делаете?!

Внутри всё мгновенно похолодело и опустилось куда-то в пятки, но всё же я повернулся к источнику звука. К нам шли три бойца, громыхая в ночи снаряжением и освещая себе путь факелами. Они уже обнажили своё оружие и явно были готовы к схватке, которой хотелось избежать.

— Вернулись из караула. — ответил я на ломаном рюглендском, — Прохода в крепость не нашли.

В свете факела было видно, что тот задумался, и эта задумчивость была слишком опасной. Нужно было срочно «добивать» его.

— Наш командир уже вернулся?

— А, вы из «Костяных плетей»?! — неожиданно резко воскликнул стражник, — Да. Пол часа как вернулся. Идите доложите.

Я незримо выдохнул. Мои слова были рискованными, но в том салате войсковых соединений, которые осадили подконтрольный мне город, они имели какой-никакой шанс на удачу. Нам удалось миновать несколько патрулей и войти в лагерь. Никаких стен тут не было, и только несколько человек несли свою ночную службу, пытаясь пресечь проход внутрь опасных людей. Впрочем, судя по тому, что мы уже здесь, то эффективность их службы была около нулевой. Мы просто везде говорили, что находимся в воинстве

«Костяных плетей» и нас просто пропускали внутрь без какого-либо досмотра.

— Командир, если нас здесь спалят, то стрелами нашпигуют, как ежа иголками. — шепнул мне на ухо Зеф, старательно маскирующий своё страх за улыбкой.

— Слишком легко планируешь отделаться? — ухмыльнулся я, продолжая держать ладонь на рукояти меча, — Скорее, нас замучает какой-то местный мастер заплечных дел, затем загонят в гузно длинную пику и оставят вялиться на солнышке под радостным взглядом рюгендцев.

— Радужные перспективы...

Мы шли вдоль палаток и шатров, ведя себя, как у себя дома, и стараясь не срываться на бег. Немногочисленные бодрствующие лагерные бойцы всё больше молчали, проходя мимо нас, не заводя разговоры. В принципе какой-либо настороженности в лагере врага не наблюдалось. То ли их не пугала возможность штурма, то ли они боялись возможности удара в тыл.

А стоило ли им чего-то бояться? Кловис был далеко на Западе, а единственная армия, способная оказать значительное сопротивление, сейчас была ими блокирована в городской крепости. Только если выходы каких-то иллюзорных партизан могли нарушить течение нынешней осады. Хотя откуда взяться этим самым партизанам? Мы были первой крепостью на их пути, и значительных партизанских сил здесь ещё не было, чтобы огрызаться на полноценную армию.

Сквозь ряды палаток мы повернули в сторону осадных башен. Маршрут мы построили, глядя на лагерь ещё с крепостных стен. Громады башен тёмными силуэтами виднелись даже в плотной ночной тьме. Чем ближе мы к ним подходили, тем сильнее тряслись у меня ноги, и всё больше по спине носились табунами мурашки. Хотелось прямо сейчас развернуться и побежать обратно, скрываясь за безопасными стенами крепости, за которыми меня не достанет ни один стрелок. Находиться здесь, где из темноты на пятёрку наёмников смотрят тысячи глаз, впивающихся в лихорадящее сознание холодными стальными иглами, было невообразимо страшно.

Как только мы оказались метрах в двадцати от первой башни, то я распахнул сумку на плечах Рубена, вытаскивая оттуда увесистые глиняные бутылки с плещущейся внутри них горючей жидкостью. Около башен из охранения было только двое бездельников, разомлевших у костра и храпящих на всю округу. Каждый из нас взял по бутылке и я, трясущими руками, подпалил заткнутые в их горлышках тряпицы. Быстро разбежавшись каждый к своей башне, по безмолвной команде мы бросили коктейли. Бутылки со звоном разбились, и мои диверсанты рванули во тьму, скрываясь от неизбежных взглядов. Я же на какое-то время спрятался за одним из шатров, наблюдая за тем, как занимается огонь на деревянных конструкциях. Огонь радости начал заниматься и в сердце, но радоваться было мало. Не прошло и двух десятков секунд, как кто-то неизвестный заорал, оповещая весь остальной лагерь о начавшемся пожаре. Я же стал осторожно отступать ближе к лесу, чтобы вернуться в город по очень большому крюку.

Я шёл быстро, постоянно озираясь в сторону всё разгорающегося пожарища. Неожиданно я влетел во что-то, а точнее в кого-то. Этот некто толкнул меня в ответ, и я заметил его открывавшийся для крика рот. Переубедить его было поздно и я просто вытянул свой нож и вогнал его в бочину человека. Туда, где у человека располагалась печень. Клинок легко вошёл в тёплое тело, а готовящийся крик утонул в горле незнакомца. Ушёл я достаточно далеко, а потому побежал. К моменту, когда найдут мертвеца, я буду очень и

очень далеко.

Диверсия оказалась удачной. Все смогли вернуться обратно в город, а рюгендцы не досчитались четырёх из пяти своих осадных башен. К сожалению, они успели потушить одну, но её не хватало для атаки на крепость. Тем самым нам удалось вырвать ещё несколько относительно спокойных дней. Благодаря подземному проходу на протяжении пары недель мы раз в три дня выходили за стены, кошмаря лагерь осаждающих. Какие-то атаки были эффективными, другие же были не столь смертоносными, но так или иначе рюгендцы несли потери. Даже удалось отравить ближайшие колодцы, не смотря на протесты Корбина. Вот только лагерь снимать они не собирались, а с каждой нашей вылазкой всё больше усиливали охранение. По итогу я отказался от таких вылазок, ожидая, пока они пойдут на приступ.

Долго ждать не пришлось. Рюгендцы пошли в атаку на четвёртую неделю осады. Несколько раз потеряв осадные башни, они пошли на штурм с помощью лестниц. Даже осадная техника оказалась бессмысленной, ведь пушки били банально дальше. Практически все воины двинулись на крепость, подводя к не самым крепким воротам стенобитные машины.

Я стоял на стене, потирая покрасневшие от недосыпа глаза. Я плохо спал уже месяц, но страха от приближающегося штурма не было. Было какое-то безразличие пред лицом смерти. У нас была еда, умелые воины и крепкие стены, так что преимущество за нами. К тому же, благодаря моей партизанщине рюгендцы были значительно истощены и не столь боеспособны, как всего месяц назад.

Тяжёлая латная пехота попёрла вперёд, пользуясь домами «нижнего города» как удобными укрытиями. Моя ошибка заставила меня излишне нервничать, а пушки бить практически вслепую. Я же старался как можно эффективнее бить из своей гаковницы, выбивая одним выстрелом по два, а то и три атакующих. Но даже так, не смотря на плотный обстрел пушек, луков, арбалетов и пищалей, к стенам подошло слишком много противников. За края стен стали зацепляться первые лестницы. Я приказал лить кипящее масло и фекалии на головы ползущих на стены воинов. Крики боли, громыхание пушек и пищалей, треньканье тетив и звон железа составляли смертельную симфонию разгорающейся битвы. К воротам стали подходить тараны. Первые два щепками разлетелись от пушечных выстрелов во все стороны. Но один всё же смог добраться. Ему нужно было всего несколько ударов толстым дубовым стволом, чтобы обрушить их, и я приказал вести всех пищальников на нижние стрелковые галереи, готовясь к падению первых ворот. Сам я тоже сбежал вниз, понимая, что именно туда сейчас будет направлена основная атака. Не успел я оказаться внизу, как ворота рухнули под мощью атакующих. Люди посыпались внутрь, желая как можно быстрее добраться до малых крепостных ворот по кривому каменному рукаву. Дождавшись, пока многие из них окажутся внутри, я приказал открыть огонь. Дистанция была плёвой, и аркебузы показали себя во всей красе. Никакая броня не могла спасти от выстрела всего в несколько метрах, практически в упор. Десятки воинов пали всего за несколько секунд, но рюгендцы продолжали переть напролом, не сильно считаясь с потерями. Натиск на стены значительно уменьшился, но давление на ворота, наоборот, увеличивалось.

Узкий коридор усеивали уже десятки воинов, но командование речной армии потери не волновали. Однако эта тактика, хоть и немного, но всё же себя оправдывала. Часть моих стрелков была ранена или мертва, а аркебузный залп был редким. Через несколько минут

малые ворота уже начали рушить ударами тяжёлых топоров и ручными таранами. Те ворота были старыми и крепкими, но с упертостью рюглендцев они тоже падут. Пришло время захлопывать ловушку. Я отдал приказ, и стальная решётка, призванная укреплять основные ворота, быстро опустилась вниз. Герса, а именно так звали решётку, имела огромный вес и стальные шипы-упоры, вонзающиеся в землю. Она пробила лежащие в проёме тела штурмующих с влажным хрустом, оставив лишь небольшую щель и атакующих в ловушке. Рано или поздно их перестреляют, но они точно успеют пробиться за вторые ворота.

Я устремился туда, прихватив по пути десяток вояк. После рукава коридор ещё сильнее сужался до того, что там могло уместиться одновременно всего три человека. Встав напротив ворот на заранее заготовленную баррикаду, приготовился к битве. В руки я взял свою саблю, хищно сияющую красными рунами.

Ворота рухнули, и на нас повалила обезумевшая от адреналина и страха толпа. В спины им били мои стрелки с галерей, и единственным выходом для них было — умереть в бою. Они пёрли вперёд, не смотря на удары, желая сокрушить обороняющихся. Я бил и бил, пропуская некоторые из ответных ударов. Благо, моя броня держала все попадания, а адреналин в крови не позволял боли получить контроль над сознанием. «Бить!», «Убивать!» — только две эти мысли сейчас были важны. Нельзя было пропустить этих уродов внутрь, а значит, придётся либо пасть самому, либо уничтожить всех тех, кто желает моего поражения.

Боевая ярость взяла надо мной контроль, и очнулся я, сдерживаемый четырьмя руками. На мгновение я подумал, что меня взяли в плен, но потом увидел, что эти мои офицеры. Позже стало понятно, что я рвался в атаку, когда рукав стал единой братской могилой для атакующих. Первый штурм для рюглендцев пошёл крахом, и всего за несколько часов атаки они оставили под стенами Конинбурга сотни тел. Рюглендцы практически смогли пробиться внутрь, но боевой задор атакующих закончился. Мои наёмники смогли сдержать первый штурм.

Я ушёл во внутренний двор крепости, отходя от боя. Меня трясло от уходящего из организма адреналина, а попытка продумать дальнейший план успехом не увенчалась. Бой был достаточно быстрым, но крайне кровавым. Офицеры доложили мне, что потеряли мы двадцать человек безвозвратно, и ещё стольким же какое-то время придётся отлёживаться под присмотром Фабриса. Да, соотношение потерь было на нашей стороне, но ещё несколько таких атак, и войско Домов просто растворится, а мы удержим крепость, но нормальная ли это цена за выполнение задачи? На тот момент я ещё не знал этого.

Рюглендцы, в первый раз обломав свои клыки, идею о штурме не отбросили. Они ещё несколько раз совершали аккуратные попытки прощупывания нашей обороны, но каждый раз пресекались моими воинами. Наши позиции с каждым днём становились всё жиже. Хоть я частично и успел набить часть закровов едой, однако этого было достаточно всего на три-четыре месяца, а лошади умрут через полтора. Рюглендцы же смогли организовать подвоз припасов, а потому осада стала для них была бы предпочтительней, ведь потребовала бы гораздо меньших человеческих ресурсов. Однако Кловис оставался опасностью. Неизвестно сколько он ещё будет сражаться с Сарой и её союзническим контингентом, но в любой момент он может привести войско, и Домам нужно успеть закрепиться на этом берегу притока.

Следующий их штурм оказался сложнее. На этот раз они смогли подвести четыре осадных башник нашим стенам, до основания разрушив «нижний город». Это было большой

проблемой. На стенах завязалась жестокая сеча. Наёмники с трудом держали стены против превосходящих сил противника. Им даже удалось взять один участок стены метров в пятьдесят шириной, и моим воинам пришлось отступать за прикрытие башен. С верхних их этажей из бойниц били по атакующим, заставляя тех метаться по маленькой полоске стены. Защищать башни было очень несложно. Они были узкими и хватало десятка человек, чтобы держать атаки противника часами. Постоянный обстрел вёлся из башен, и к ночи, не смотря на подоспевших воинов с большими деревянными щитами, рюглендцы всё же отступили. Их башни позже были просто сожжены, как тела убитых и раненных, кто не представлял из себя хоть какой-то ценности.

Два тяжёлых штурма стоили рюглендцам тысячи человек. Это была шестая часть всего их воинства, и такие потери были слишком значительными для компании супротив всего одного города. Наверняка на их месте я бы просто отступил, укрепившись на собственных рубежах, но нет. Они раз за разом нападали, а затем откатывались от наших стен. К концу седьмой недели осады потери рюглендцев достигли отметки минимум в полторы тысячи тел. Лучше подсчитать было нельзя, ведь зачастую до подсчёта тел павших, времени просто не было. Однако, мало по малу, они всё же разбивали нашу оборону. Если пуль и снарядов было ещё прилично, то запасы пороха быстро истощались при каждой атаке. Ещё пара таких атак, и всё наше пороховое богатство просто иссякнет. Бернд же с каждым днём всё чаще стал мне предлагать просто продать эту крепость и уйти в Рюгленд, а то и Тортас. Его слова в конечном итоге повлияли на меня, и в голове появилась небольшая идея.

Я приказал привести ко мне всех знатных пленников, которых удалось захватить за время всех штурмов. Их оказалось немало — целых двадцать четыре штуки. Все они принадлежали родам с разным уровнем престижа, но каждый из них подходил для моего плана. Их притащили во внутренний двор крепости, где я ждал их ужасно долго.

— Приветствую вас, господа речные люди. — начал я, ходя вдоль неровного строя дворян, — Полагаю, что вам не особенно нравится правление Кловиса. Согласен, он жуткий милитарист, но так уже вышло, что я выполняю подписанный нами контракт. Лично у меня к вам нет никаких претензий. Сегодня мы проливаем кровь друг друга, а завтра можем стать с вами союзниками, так что пусть это будет моим подарком.

С этими словами мои бойцы распутали веревки на руках дворян. Они смотрели на меня с удивлением и толикой подозрения, но никакого подвоха в моём плане не было. Вскоре, всех дворян спустили на землю через стены с помощью верёвки. Пробираться обратно к лагерю им пришлось по горе сожжённых трупов под стенами, но это пережить было можно.

— Мы могли выручить за них кучу денег! — с наездом начал Бернд.

— Мы получим больше, чем деньги — мы получим от них услугу. Когда у нас закончилась бы еда, то их бы просто вырезали, а если мы окажемся в Рюгленде, то сможем рассчитывать на помощь их домов.

Похоже было, что в моих словах есть резон, а потому Бернд хоть и ворчал, но успокоился. Я же дождался того момента, когда отпущенные дворяне достигнут лагеря и приказал Рубену отправить ночью сокола в Орлаён. Если к нам не подоспеет подмога, то тогда придётся продать крепость и уходить на восток.

Ещё неделю в воздухе висело напряжение, а сокол Рубена так и не возвращался. Он долгое время служил нам верой и правдой, а потому переживали за птичку все бойцы. С каждым днём всё сильнее свербела мысль о продаже города, но ровно через неделю рюглендцы стали сворачивать лагерь. Чтобы уйти с насиженных мест им понадобились

целые сутки, и всё это время я стоял на стене, забывая моргать. Как только последние роты рюглендев скрылись за горизонтом, то я рухнул на пол, где стоял.

Добудиться меня не могли три дня и всё это время я видел один единственный сон. Сновидений у меня не было с того момента, как я попал в этот мир, но даже так этот сон мне не нравился.

Я видел Орлаён. Город, выдержавший тысячи многолетних осад и похоронивший под своими стенами миллионы воинов, ныне пожирался огнём. Пламя бесновалось на его руинах, пожирая остатки разрушенных домов и озаряя своим светом земли словно вторым рассветом. Белые стены города были развали почти до основания и валялись каменными кучами на посеревшей от пепла земле. Множество дымных столбов вздымались к небу, забивая горло смрадом горелого мяса, сожжённых волос и старой чёрствой крови.

По спаленным руинам шло войско. Воины его были безлики и безмолвны. Их были десятки тысяч и с высоты птичьего полёта они скрывали каждый миллиметр земли. Они медленно двигались по чадящим руинам, давя подошвами своих сапог, устилающий землю ковёр из мёртвых тел. Черепа мертвых с мерзким чавкающим звуком лопались, заливая землю гнилыми мозгами.

Войско вёл командир, скачущий на большом чёрном коне впереди всей армии. Его тело полностью скрывала длинная чёрная медвежья шкура, а поверх шлема был натянут глубокий чёрный капюшон. В глазницах его шлема виднелась исключительно иссини чёрная беспросветная тьма. Он скакал молча, держа в руке длинный клинок. На его клинке светилась красным светом руническая надпись. Точно такая же, как на моей сабле. При осознании этого я неожиданно понял, что перед этим войском уже пала Гранисия и вся Ларингия, и нет такой силы, что его остановит.

Я проснулся и резко сел на своём лежбище. Пот тёк струями, а сердце активно прорывалась из груди. Я взялся за грудь, пытаюсь успокоиться и поймал на себе обеспокоенный взгляд Рубена. Он вновь был для меня сиделкой и по его обеспокоенному взгляду в момент стало понятно, что наши дела плохи.

Я быстро накинул на себя куртку, даже не завязывая её на груди и вышел из дома. Оказавшись на стене, я посмотрел на побитый в штурмах Кронинбург и увидел за разрушенными зданиями армию. Это были не рюглендцы. В их лагере на ветру развивалось множество знамён домов Ларингии. Сначала по моему лицу поползла улыбка, но мгновенно исчезла, когда я не увидел знамя Кловиса. Среди великого множества полотен отлично рассматривались колышавшиеся на ветру знамёна дома Ландсьеров.

От лагеря неожиданно отделился одинокий конник, во весь опор скачущий к нашим стенам. Мои стрелки мгновенно взяли его на прицел, отчего внутреннее чутьё просто завопило о том, что ситуация складывается отнюдь не в нашу пользу. Конник остановился в паре метров от стен и поднял голову вверх, закричав во всю силу:

— Вадим из «Кабаньей головы», именем его святейшества короля Кловиса и маршала его Элиоса Ландсьера, вы обвиняетесь в самовольном захвате королевского города и убийстве рода Корбинов. Отзовите своих воинов и сдавайтесь! На ответ вам час, иначе мы начнём штурм.

Больше книг на сайте - Knigoed.net